2500-3372 (PRINT)
2542-1190 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY. SERIES: POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA. SERIIA: POLITICHESKIE, SOTSIOLOGICHESKIE I EKONOMICHESKIE NAUKI

ТОМ 8 № 4
2023

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

том 8 № 4
2023

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К2 в соответствии с информационным письмом Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 «О категорировании Перечня рецензируемых научных изданий».

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: https://vestnik-pses.kemsu.ru

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376. Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 94233.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6. +7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

16+

© 2023. Кемеровский государственный университет

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The journal is included in the K2 in accordance with the information letter of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia dated December 6, 2022 No. 02-1198 "On the category of the list of reviewed scientific publications".

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: https://vestnik-pses.kemsu.ru

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-67376. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Subscription indices: 94233 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

© 2023. Kemerovo State University

BULLETIN
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
volume 8 No 4
2023

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Баранова Инна Владимировна, д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Бычкова Светлана Михайловна, д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).
Глушакова Ольга Владимировна, д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Головацкий Евгений Васильевич, д-р социол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Капогузов Евгений Алексеевич, д-р экон. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).
Кисляков Михаил Михайлович, д-р полит. наук, доцент, СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).
Кравченко Сергей Александрович, д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Кремер Раймунд, Dr. Hab., проф. Потсдамского университета (Потсдам, Германия).
Мекуш Галина Егоровна, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Немировский Валентин Геннадьевич, д-р социол. наук, проф., ИНИОН РАН (Москва, Россия).
Нехода Евгения Владимировна, д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Озерникова Татьяна Георгиевна, д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Резник Семён Давыдович, д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).
Силин Анатолий Николаевич, д-р социол. наук, проф., ТИУ (Тюмень, Россия).
Слинкова Ольга Константиновна, д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).
Солодова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Суслов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Удальцова Мария Васильевна, д-р экон. наук, проф., НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Чирун Сергей Николаевич, д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

EDITORIAL BOARD

Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).
Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).
Evgeny V. Golovatsky, Dr.Sci.(Sociol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Lomonosov Omsk State University (Moscow, Russia).
Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Siberian Institute of Management branch of RANEPA (Novosibirsk, Russia).
Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia).
Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University (Potsdam, Germany).
Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof.,Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).
Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Altai State University (Barnaul, Russia).
Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia).
Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).
Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).

2500-3372 (print) 2542-1190 (online)
2023 том 8 № 4

Социокультурное и политическое развитие общества

Идеологическая и структурная трансформация индусской националистической организации Раштрия сваямсевак сангх в конце XX – начале XXI в.
Васильев С. А. 401

Курдская проблема в современной политике Ирака, Сирии и Турции: опыт комплексного анализа
Веденеев И. Н. 411

Формирование и функционирование социального государства в Испании
Подольский В. А. 425

Эволюция военной политики Франции
Смирнова О. А., Шпиговская М. В. 434

Внешнеполитический имидж Эстонии как страны-члена Европейского союза в контексте укрепления евроскептицизма
Тамби С. А. 443

Экономика и управление: теория и практика

Методический подход к оценке лидерских качеств управленцев на промышленных предприятиях
Кириченко А. Т., Яковенко Т. В. 453

Социальное предпринимательство как научная категория
Морозова Е. А., Ларин С. С. 462

Особенности измерения производительности труда в медицинских организациях (на примере Кемеровской области – Кузбасса)
Попсуйко А. Н., Артамонова Г. В. 469

Региональная экономика

Экономический вклад иностранных студентов в Российскую Федерацию
Афзали М., Вазиров З. К. 478

Технологическая многоукладность лесопромышленного комплекса России: прошлое и настоящее
Латыпова В. Д. 488

Промышленная политика и инновационный процесс в современной российской экономике
Низамутдинов И. К. 498

Оценка внутрирегиональных сдвигов предпринимательской активности в условиях пандемических и геополитических изменений 2020–2022 гг. (на материалах Кемеровской области – Кузбасса)
Рогова К. В., Сычева-Передеро О. В. 507

Финансы

Подделка денежных знаков Банка России как угроза экономической безопасности России
Яргутова В. Ю. 522

Указатель статей, изданных за 2023 г. в журнале «Вестник КемГУ. Серия: политические, социологические и экономические науки» 531

Society: Cultural and Political Development

Ideological and Structural Transformation of the Hindu Nationalist Organization Rashtriya Swayamsevak Sangh at the XX and the beginning of XXI centuries
Vasilev S. A. 401

The Kurdish Problem in the Modern Politics of Iraq, Syria and Turkey: a Comprehensive Analysis
Vedeneev I. N. 411

Development and Performance of Welfare State in Spain
Podolskiy V. A. 425

Evolution of French Military Policy
Smirnova O. A., Shpigovskaya M. V. 434

Foreign Policy Image of Estonia as a European Union Member State in the Context of Euroscepticism Strengthening
Tambi S. A. 443

Economics and Management: Theory and Practice

Assessing the Leadership Qualities of Industrial Enterprises' Managers: Methodological Approach
Kirichenko A. T., Yakovenko T. V. 453

Social Entrepreneurship as a Scientific Category
Morozova E. A., Larin S. S. 462

Features of Labour Productivity Measurement in Medical Organizations of the Kemerovo Region – Kuzbass
Popsuyko A. N., Artamonova G. V. 469

Regional Economy

Economic Contribution of International Students (Case of the Russian Federation)
Afzali M., Vazirov Z. K. 478

Technological Multistructurality of Timber Industry Complex in Russia: Past and Present
Latypova V. D. 488

Industrial Policy and Innovation Process in the Modern Russian Economy
Nizamutdinov I. K. 498

Intraregional shifts in Entrepreneurial Activity of Kemerovo Region – Kuzbass during Pandemic and Geopolitical Changes of 2020–2022
Rogova K. V., Sycheva-Peredero O. V. 507

Finance

The Bank of Russia's Banknotes Counterfeit as a Threat to Russian Economic Security
Yargutova V. Yu. 522

Index of articles published in 2023 in the journal
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences 534

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4

© 2023. Васильев С. А.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Идеологическая и структурная трансформация индусской националистической организации Раштрия сваямсевак сангх в конце XX – начале XXI в.

Васильев Станислав Алексеевич
Институт философии Российской академии наук, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0002-5671-5297
stanisaciano97@gmail.com

Поступила 24.07.2023. Принята после рецензирования 19.10.2023. Принята в печать 23.10.2023.

Аннотация: Рассматривается идеология индусского национализма во внутренней политике современной Индии через призму общественно-политической деятельности организации Раштрия сваямсевак сангх. Определяются отношения организации с собственными филиалами и механизмы регулирования внутренних конфликтов между ними. Цель – рассмотреть и проанализировать идеологическую и структурную трансформацию организации в конце XX– начале XXI в., в частности, стратегию по включению индийских мусульман в индусский националистический мейнстрим. В статье применяются описательный, историко-генетический, хронологический, сравнительный и структурно-функциональный методы. Рассматривается развитие идеологии хиндутвы в трудах В. Д. Саваркара и М. С. Голвалкара, анализируются кампании по сближению индусской и мусульманской общин, проводимые организацией и подконтрольными ей филиалами, а также структурная и идеологическая трансформации Раштрия сваямсевак сангха и Сангх паривара. Особое внимание уделяется отношению идеологов хиндутвы к меньшинствам, в частности, к индийским мусульманам. Изменения в организации демонстрируют готовность как структурно, так и идеологически подстраиваться с целью завоевания массовой поддержки в меняющейся Индии. Однако, несмотря на изменения, сохраняется некоторая предвзятость к индийским мусульманам и опасения относительно полноправного включения новых мусульманских филиалов в состав «семьи».

Ключевые слова: индусский национализм, хиндутва, Раштрия сваямсевак сангх, Сангх паривар, Бхаратия джаната парти, Муслим раштрия манч

Цитирование: Васильев С. А. Идеологическая и структурная трансформация индусской националистической организации Раштрия сваямсевак сангх в конце XX – начале XXI в. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 4. С. 401–410. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-401-410

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Ideological and Structural Transformation of the Hindu Nationalist Organization Rashtriya Swayamsevak Sangh at the end of the XX and the beginning of XXI centuries

Stanislav A. Vasilev
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0002-5671-5297
stanisaciano97@gmail.com

Received 24 Jul 2023. Accepted after peer review 19 Oct 2023. Accepted for publication 23 Oct 2023.

Abstract: The article examines the ideology of Hindu nationalism in the domestic politics of modern India through the prism of the Rashtriya Swayamsevak Sangh socio-political activities. The author determines the relations of the organization with its branches and mechanisms for regulating internal conflicts between them. The purpose of the article is to consider and analyze the ideological and structural transformation of the organization at the end of the XX and the beginning of XXI centuries, in particular, the strategy for the inclusion of Indian Muslims in the Hindu nationalist mainstream. The article uses descriptive, historical-genetic, chronological, comparative and structural-functional methods. The author analyses the development of Hindutva ideology in the works of V. D. Savarkar and M. S. Golvalkar; the campaigns for the rapprochement of the Hindu and Muslim communities

conducted by the organization and its branches, as well as the structural and ideological transformations of the Rashtriya Swayamsevak Sangh and the Sangh Parivar. The article pays particular attention to the attitude of Hindutva ideologues towards minorities, specifically Indian Muslims. At the end of the XX century significant political and economic changes in India contributed to the complication of Indian society, which affected both the Rashtriya Swayamsevak Sangh and the Sangh Parivar's membership and ideological orientation. New branches have emerged to defend the interests of groups that were not previously in the orbit of the organization's interests. At the same time, the successes of the Bharatiya Janata Party, the main political asset of the Rashtriya Swayamsevak Sangh, and the desire to consolidate them prompted the search for additional electoral support from the Muslim part of the country's population. The changes demonstrate the organization's willingness to change both structurally and ideologically in order to gain mass support in changing India. However, despite the changes, some bias towards Indian Muslims and concerns about inclusion of new Muslim branches remain.
Keywords: Hindu nationalism, Hindutva, Rashtriya Swayamsevak Sangh, Sangh Parivar, Bharatiya Janata Party, Muslim Rashtriya Manch

Citation: Vasilev S. A. Ideological and Structural Transformation of the Hindu Nationalist Organization Rashtriya Swayamsevak Sangh at the XX and the beginning of XXI centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 401–410. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-401-410

Введение

Уверенная победа Бхаратия джаната парти (Индийская народная партия, БДП) на выборах в Лок Сабху (нижнюю палату парламента Индии) в 2019 г. значительно повлияла на политический ландшафт страны. За последние 40 лет это единственный случай в Индии, когда партия оказалась независимой от остальных партнеров по избирательной коалиции при формировании состава правительства, что позволило ей инициировать и осуществлять внутреннюю и внешнюю политику страны самостоятельно. Идеологией правящей партии является *хиндутва*, что дословно можно перевести как *индусскость* (hinduness) [1; 2].

Исследований, посвященных индусскому национализму, в российском научном репозитории с каждым годом становится все больше и больше. Среди отечественных исследователей, занимающихся данной проблематикой, можно выделить В. П. Кашина, А. А. Куценкова, Б. И. Клюева, М. Г. Смирнова, Е. Ю. Ванину. Несмотря на увеличившееся в последние годы количество работ на русском языке, посвященных индусскому национализму, а также деятельности индусских националистических организаций, комплексных политологических трудов по-прежнему остается ограниченное количество. Зарубежные авторы исследовали данную тему чаще, поэтому англоязычные источники представляют более обширный спектр исследовательской литературы.

Базу источников, использовавшихся для написания данной статьи, можно условно сгруппировать в три больших блока:

1. Фундаментальные работы ключевых идеологов индусского националистического движения В. Д. Саваркара [3] и М. С. Голвалкара [4; 5].

2. Официальные документы политических партий Хинду махасабха и Бхаратия джаната парти, движений Раштрия сваямсевак сангх, Бхаратия маздур сангх, Акхил бхаратия видьярти паришад, Вишва хинду паришад и др. (манифесты, предвыборные программы и т. д.), а также выступления должностных лиц.

3. Третий блок источников представлен научно-исследовательской литературой. Среди списка исследователей стоит выделить труды К. Жаффрело [6–8]; работы У. Андерсена и С. Дамле [9; 10]; Б. Чакрабарти и Б. Джха [11]; Ч. Бхатта [12].

В статье будет рассмотрена идеология индусского национализма во внутренней политике современной Индии через призму общественно-политической деятельности организации Раштрия сваямсевак сангх (Союз добровольных слуг Родины, РСС). Цель исследования – рассмотреть и проанализировать идеологическую и структурную трансформацию данной организации в конце XX–XXI вв., в частности, стратегию по включению индийских мусульман в индусский националистический мейнстрим.

В статье используется описательный, историко-генетический, хронологический, сравнительный и структурно-функциональный методы исследования. Отслеживается развитие идеологии хиндутвы в трудах "Essentials of Hindutva" В. Д. Саваркара, а также "We or our nationhood defined" и "Bunch of thoughts" М. С. Голвалкара. Особое внимание уделено отношению идеологов хиндутвы к меньшинствам, в частности, к индийским мусульманам. Рассмотрены кампании по сближению индусской и мусульманской общин, а также структурная и идеологическая трансформация РСС и Сангх паривар.

Хиндутва

В. Д. Саваркару, брамину из штата Махараштра, приписывается роль в артикуляции и популяризации идеологии хиндутвы. В своем труде 1923 г. "Essentials of Hindutva" он предпринял попытку связать культурные традиции индуизма с политической формой национального государства. В частности, В. Д. Саваркар выступал за то, чтобы территория Индии была обозначена как *Хинду раштра* (индусская нация). Он выделил ряд характеристик, которыми должен обладать человек, чтобы считаться индусом. Индус – это тот, кто считает Индию своей Родиной – *матрбхуми* (matrbhumi), землей своих предков – *питрбхуми* (pitrbhumi) и своей святой землей – *пунябхуми* (punyabhumi) [3; 13]. Таким образом, В. Д. Саваркар считал, что каждый индус естественным образом рассматривает Индию как свою Родину, в отличие от индийских мусульман и христиан, чьи духовные центры расположены за пределами Индийского субконтинента [14; 15]. При этом посредством широкого понимания термина *индус* в Хинду раштру были включены такие общины, как буддисты, джайны, сикхи и др. Доктрина В. Д. Саваркара определяла необходимую эквивалентность между индийцами и тем, чтобы быть индусами.

Более поздние идеологи индусского национализма, такие как М. С. Голвалкар, развили эту концепцию, сформулировав версии хиндутвы, еще более явно основанные на расе [16; 17]. В работах "We or our nationhood defined" и "Bunch of thoughts" происходит радикализация понятия. Хиндутва начинает сливаться с индуизмом и выступать с исламофобских позиций. М. С. Голвалкар утверждал, что раса является наиболее важным компонентом нации. У людей иностранного происхождения есть только 2 пути в Хинду Раштра: «либо слиться с национальной расой и принять ее культуру, либо жить по ее милости» [4, p. 10]. Таким образом, те, кто не смогли ассимилироваться, в лучшем случае могут считаться членами общего государства, однако они никогда не смогут стать неотъемлемой частью национального организма. Раса для М. С. Голвалкара означала наследственное общество, имеющее общие обычаи, общий язык, общие воспоминания о славе или бедствии и население с общим происхождением в рамках одной культуры. Религию и культуру он предпочитал рассматривать вместе, чтобы показать, как одно заменяло другое, а также возникало из другого. Он отмечал: «наш расовый дух – дитя нашей религии, и поэтому наша культура всего лишь продукт нашей всеобъемлющей религии, часть ее тела и неотличима от нее» [4, p. 67]. Одной из целей такого акцентирования внимания на территории и расе была необходимость стандартизации определения индусской идентичности. Это было необходимо, чтобы объединить последователей индуизма по всей территории Индии, несмотря на их чрезвычайно дифференцированные практики [7]. В то же время В. Д. Саваркар и другие идеологи хиндутвы стремились реформировать саму эту неортодоксальность практики, которую они рассматривали как источник неспособности индуизма противостоять хищническим угрозам более централизованных монотеистических религий [18].

Распространение организованного, институционализированного индуизма, основанного на общих *вечных принципах*, потребовало бы наличия сети преданных своему делу добровольцев по всей стране [19]. Создание данной сети стало ключевой задачей РСС.

Раштрия сваямсевак санхг

РСС была основана в 1925 г. К. Б. Хедгеваром – брамином, врачом из индийского города Нагпур. Он считал, что причиной глубокого социального разногласия среди индусов было тысячелетнее иностранное господство на субконтиненте. По мнению К. Б. Хедгевара, независимой Индии требовалась система подготовки (чааритья нирман или воспитание характера), которая создала бы образцовых мужчин, способных объединить многообразную страну [9, p. 12]. К. Б. Хедгевар развил сеть местных центров (шакх), где добровольцы повторяли идентичный набор ритуалов от молитв до физических упражнений, что создало воображаемое сообщество молодых мужчин-новобранцев по всей Индии. При этом каждая шакха стремилась олицетворять собой Хинду раштру в миниатюре [6].

Самая серьезная внутренняя угроза объединяющим силам индуизма исходила из кастовых различий, присутствовавших в обществе. РСС времен К. Б. Хедгевара представляла собой группу единомышленников, которые происходили из высших каст общества. Деятельность организации не распространялась за пределы Нагпура. Существенную сложность в объединении индусов создавал тот факт, что индуизм, который проповедовал К. Б. Хедгевар, основывался исключительно на брахманическом видении мира[1]. РСС оставался патриархальным образованием локального типа с узкой социальной базой. Его поддерживали главным образом высшие слои общества: брахманы, бания, а также земельная аристократия [20].

[1] Ramaswamy S. Hedgewar and RSS. Revising history in the light of BJP perception. *The Statesman*. URL: https://www.rss.org/Encyc/2012/10/22/rss-vision-and-mission.html (accessed 19 Feb 2022).

После смерти К. Б. Хедгевара многие думали, что РСС перестанет существовать. Однако организация не исчезла, а с годами начала процветать, переживая взлеты и падения. В 1940 г. пост сарсангчалака (главы РСС) занял М. С. Голвалкар. На тот момент РСС имела лишь 30 филиалов за пределами Нагпура. В течение следующих 5 лет М. С. Голвалкар развил сеть, создав филиалы почти во всех крупных городах Индии, где население говорило на хинди. После его смерти в 1973 г. РСС продолжила свою работу под руководством М. Д. Деораса. Он превратил РСС в крупную общественно-политическую силу. На смену М. Д. Деорасу в 1994 г. пришел Р. Сингх, который передал свои обязанности К. С. Сударшану в 2000 г. С 2009 г. сарсангчалаком является М. Бхагват[2].

Базовая единица РСС – это шакха, орган, через который организация обучает своих работников начального уровня подготовки. Число участников в шакхе составляет 50–100 мужчин. Благодаря тому, что группы небольшие и участники (сваямсеваки) – соседи из схожих социальных слоев, это увеличивает шансы на достижение социальной солидарности внутри шакхи. Шакха проводится ежедневно в течение часа под руководством мукхьи шикшака (главного инструктора) [7]. В зависимости от возрастной группы были организованы различные шакхи: шишу сваямсеваки (6–10 лет); бал сваямсеваки (10–14 лет); таруна сваямсеваки (14–28 лет); праудх сваямсеваки (28 лет и старше) [9, p. 80].

Учебные программы РСС способствуют укреплению товарищества, развивают тесные личные связи между участниками и прививают верность общим символам. Игры и физкультурный аспект шакхи привлекательны в перенаселенных жилых районах низшего и среднего классов, где могут отсутствовать места отдыха. Примечательно, что шакхи всегда были гораздо менее привлекательны в деревнях с открытым пространством и более укоренившимся чувством общности [9, p. 86–95].

РСС сегодня является одной из крупнейших неправительственных ассоциаций в мире, насчитывающей по разным оценкам 1,5–2 млн постоянных участников. По состоянию на 2023 г. насчитываются 68651 местных ежедневных собраний (шакха), 26877 еженедельных собраний, 10412 ежемесячных собраний, проходящих в 42613 точках по всей стране. Количество ежедневных шакх растет беспрецедентными темпами: за 2022 г. произошло увеличение с 60929 до 68651 (табл.[3]).

Табл. Рост числа шакх, 2012–2023 гг.

Tab. Number of Shakhas growth, 2012–2023

Год	Кол-во мест	Кол-во ежедневных собраний	Кол-во еженедельных собраний	Кол-во ежемесячных собраний
2012	27978	40891	8508	6445
2014	29624	44982	10146	7387
2015	33222	51330	12847	9008
2016	36867	56569	13784	8226
2017	36693	57233	14650	7790
2018	37190	58967	16405	7976
2019	37011	59266	17229	8382
2021	34569	55652	18553	7655
2022	38390	60929	20681	7923
2023	42613	68651	26877	10412

РСС утверждает, что индусы – это не просто опора Индии, но и полноценная нация. Почти ежедневно в шакхах поднимается лозунг *Hindustan Hindu Ka, Nahin Kisi Ke Baap Ka*, что можно перевести как «Индия принадлежит индусам и никому больше» [9]. Нация в понимании РСС отождествляется исключительно с индусским обществом. Несмотря на то, что сам термин *индусская нация* не встречается в Конституции РСС, молитва, повторяемая сваямсеваками, косвенно намекает о ней.

По мнению РСС, индийское общество выродилось, в связи с чем необходимо работать над восстановлением утерянного национального духа. Возрождение общества может произойти только через культивацию в нем определенного набора ценностей. М. С. Голвалкар заложил основу данной кампании по формированию характера, сделав акцент на 4 добродетелях, необходимых для построения нации: непобедимая физическая сила, характер, интеллектуальная проницательность и стойкость [9]. Помимо них также необходимы и поддерживающие добродетели: личная честность, уважение к старшим, взаимное доверие, почтение женщин, преданность Богу и святым, честность в обращении с деньгами, законопослушность, простота в образе жизни и т.д.

[2] Vision and mission. *Rashtriya Swayamsevak Sangh*. URL: https://www.rss.org//Encyc/2015/3/13/Vision-and-Mission.html (accessed 19 Mar 2023).

[3] Akhil Bharatiya Pratinidhi Sabha – Samalkha. Annual Report 2022–2023. *Rashtriya Swayamsevak Sangh*. URL: https://prativedan.rss.org/index.php?edition=Mpage&date=2023-03-12&page=1 (accessed 8 Jul 2023).

Это были некоторые из качеств, которые через обучение желали привить сваямсевакам. К. Б. Хедгевар отмечал, что именно уровень характера, калибр среднего человека в конечном счете определяет прогресс нации. Заявленная цель РСС – формирование умов и характера. Чтобы развивать в людях любовь к Родине, их ежедневно заставляют собираться в шакхи, или собрания.

РСС фактически проповедует определенные базовые идеи для пробуждения национального сознания и укрепления национальной солидарности: чувство жгучей преданности земле и родине; чувство товарищества, братства, рожденное из осознания того, что все они – дети одной общей матери; интенсивное осознание общего течения национальной жизни, рожденное из общей культуры и наследия [5]. Поэтому РСС не придает большого значения религии, но очень придирчиво относится к патриотизму людей. Концепция национализма, провозглашенная РСС, устанавливает отношения между обществом и индивидом, между его историей, культурным величием и светлым будущим, а также между этой концепцией и индусской нацией.

Однако обретение независимости в 1947 г. не привело к созданию той Индии, о которой мечтали основатели РСС. Некогда единая страна была разделена на Индию и Пакистан, а РСС оказалась неспособной предотвратить этот раздел. Возможно, окончательным ударом по утопическим амбициям организации стал ее запрет, наложенный 4 февраля 1948 г. Причиной этому послужило подозрение в причастности РСС к убийству Махатмы Ганди. Убийца Н. Годзе был бывшим членом организации. Данный запрет привел к фактическому исключению членов РСС из правящей партии Индийский национальный конгресс и различных аффилированных с ней организаций.

11 июля 1949 г. запрет был снят ввиду отсутствия явных доказательств. РСС оказался в ослабленном состоянии, для многих индийцев это была организация-изгой [21]. Руководство было вынуждено рассмотреть новые способы достижения своих целей. Данное решение было мотивировано необходимостью защитить организацию от потенциальных ограничений, а также предоставить новые пути личностного развития для растущего числа активистов, желающих занять более активную позицию в государственном строительстве.

РСС постепенно возродился к 1960-м гг. и создал десятки дочерних групп, проникших практически во все сферы индийского общества. С самого начала функционирование филиалов рассматривалось как еще одно средство продвижения идеологии хиндутвы в соответствии с интересами и потребностями определенного сегмента общества [22]. В конце XX в. происходит резкий рост численности РСС и ее дочерних групп. Это было закономерным следствием фискальных реформ начала 1990-х гг., когда индийская национальная экономика выросла в реальном выражении более чем на 400 %[4]. По данным Всемирного банка, в период 1960–2021 гг. уровень урбанизации увеличился вдвое (с 18 до 35 %)[5]. Численность среднего класса выросла с 14 % в 2005 г. до 31 % в 2021 г. и по оценкам достигнет отметки в 63 % к 2047 г.[6] Стремительное экономическое развитие страны сделало индийское общество более сложным, и эта сложность отражается в разнообразии филиалов РСС. Расширение членского состава организации стало для нее способом обратиться к различным группам населения, которые не были традиционными сторонниками РСС. Узы сообщества и семьи, пропагандируемые РСС, имели значение для тех, кто чувствовал себя лишенным корней. Это особенно верно в отношении развивающихся стран, где новые экономические и административные системы быстро подорвали институты и моральные устои, традиционно определявшие социальное положение человека и его отношение к власти. Данный тезис может объяснить привлекательность РСС и ее филиалов в социально сложной и разнообразной стране, переживающей быстрые социальные и экономические изменения. Они считают себя посланниками дхармы, индуистского идеала долга и праведного поведения. Они действуют как «культурные предприниматели», ищущие «покупателей» для своего послания. Распространение каналов коммуникации предоставляет множество путей для мобилизации поддержки идеи единства среди тех, кто стремится к стабильности в изначально неспокойной среде.

Бурный рост численности РСС и ее дочерних групп превратил многие из них в крупных и влиятельных игроков в своих областях. В то же время между ними возникли политические разногласия, поскольку организации представляют различные слои населения, чьи интересы зачастую существенно отличаются друг от друга. Несмотря на различия

[4] GDP, PPP (current international $) – India. *The World Bank*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?end=2021&locations=IN&start=1960&view=chart (accessed 11 Mar 2023).

[5] Urban population (% of total population) – India. *The World Bank*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?locations=IN (accessed 11 Mar 2023).

[6] Nearly 1 in 3 Indians middle class, to double in 25 years: report. *The Times of India*. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/middle-class-nearly-1/3rd-of-indias-population-to-be-2/3rds-by-2047-report/articleshow/95239621.cms (accessed 11 Mar 2023).

в их политике, РСС продолжает служить для них идеологическим наставником, не вмешиваясь непосредственно в процесс принятия ими решений.

Сплоченность внутри Сангх паривара обусловлена следующими факторами. Во-первых, помимо идеологической составляющей во всех филиалах применяется система *сангатан мантри* (организационный секретарь). Ключевые должности, а также практически всегда пост генерального секретаря в дочерних группах занимают *прачараки*. Это активные члены РСС, работающие полный рабочий день. В прачараки обычно набирают образованных юношей чуть больше 20 лет, как правило, выпускников колледжа, свободно владеющих английским, хинди и языком той области, в которой они работают. С подросткового возраста они участвуют в деятельности РСС и проходят полный курс подготовки. РСС распределяет прачараков между всеми филиалами и иногда выступает посредником в спорах, когда система внутреннего консенсуса не работает. РСС также организует официальные и неформальные обсуждения общих вопросов. Принятие решений в различных дочерних филиалах, как и в РСС, осуществляется только на основе консенсуса. Во-вторых, РСС предоставляет своим филиалам существенную автономию и не вмешивается непосредственно в процесс принятия ими решений.

Все дочерние структуры РСС принято объединять под общим названием Сангх паривар (семья). На сегодняшний день мало кто может назвать точное количество организаций, входящих в состав «Семьи», за исключением высшего руководства РСС. На региональном и местном уровнях их образование приняло лавинообразный характер [23, p. 2–10]. С уверенностью можно утверждать, что существует как минимум 36 организаций, связанных с РСС [10, p. 21–42]. Среди них крупнейший рабочий профсоюз Индии – Бхаратия маздур сангх (Союз индийских рабочих, БМС), крупнейшая студенческая ассоциация – Акхил бхаратия видьярти паришад (Всеиндийский совет студентов, АБВП) и правящая партия Бхаратия джаната парти. Дочерние структуры охватывают широкий спектр интересов, включая политику, сельское хозяйство, здравоохранение, образование, религию, экономику и др. Существуют организации, осуществляющие свою роль как на национальном, так и на международном уровнях. Более того, продолжают формироваться новые группы для решения новых задач, к примеру, филиалы Кутумб прабодхан (фокусируется на укреплении семейных уз) и Стри шакти (отстаивает права женщин). Существует также множество организаций, которые имеют тесные связи с РСС, но не считаются полноправно аффилированными. Кутумб прабодхан и Стри шакти начали свою работу много лет назад (в 2010 г. и конце 1990-х гг. соответственно), однако полноправными членами «семьи» они стали лишь в 2017 г.

Шафранизация[7] индийских мусульман

Одним из ключевых элементов, составляющих идеологию хиндутвы, является вопрос меньшинств, в число которых входят мусульмане и христиане. Индийские мусульмане, которые остались жить в стране после раздела Британской Индии, долгое время рассматривались населением как пятая колонна. «Было бы самоубийством обманывать себя, полагая, что они превратились в патриотов в одночасье после создания Пакистана. Напротив, мусульманская угроза возросла в сто крат с момента создания Пакистана, который стал плацдармом для всех будущих агрессивных замыслов в отношении нашей страны» [5, p. 167–168]. М. С. Голвалкар хотел добиться полной ассимиляции мусульман и других меньшинств в индусский националистический мейнстрим. По его словам, «есть только два пути, открытых для этих чуждых элементов: либо слиться с национальной расой и принять ее культуру, либо жить по ее милости. Иностранные расы в Индостане либо должны принять индусскую культуру и язык, научиться уважать и почитать индуистскую религию, не иметь никаких идей, кроме прославления индусской расы и культуры, и потерять свое отдельное существование, чтобы слиться с индусской расой; или же они могут остаться в стране, полностью подчиненной индусской нации, ничего не требуя, не заслуживая никаких привилегий, даже гражданских прав» [4, p. 104–105].

М. С. Голвалкар критически относился к правам меньшинств, отстаиваемых Лигой Наций. Он считал, что национальная раса не обязана удовлетворять какие-либо требования иностранцев. Проблема меньшинств рассматривается не только как проблема мусульман, но и как проблема индусов. Согласно М. С. Голвалкару, «поскольку "меньшинство" имеет определенные политические привилегии в нашей стране, каждый хочет доказать, что он "меньшинство", и претендовать на эти привилегии. Это разрубает всю страну на множество осколков, что вполне может означать нашу гибель. Собственно говоря,

[7] Шафранизация (иногда используется синоним *индуизация*) – действия, направленные на внедрение в образовательную систему Индии националистической повестки, прославление индусского прошлого (зачастую мифологического) с одновременным подрывом исторического вклада других религиозных общин. Данный термин возник из-за ассоциации шафранового цвета с индуизмом и бхагва дхваджем (шафрановым флагом) – основным символом индусских националистов.

к ней мы и движемся» [5, p. 276]. М. С. Голвалкар хотел, чтобы мусульмане приняли тот факт, что Индия – такая же индуистская страна, как Пакистан – мусульманская, или Британия – христианская.

Данный скептицизм в отношении лояльности мусульман к Индии восходит к самому образованию РСС. Отчасти организация была основана в ответ на индусско-мусульманские беспорядки в Центральной Индии [9, p. 30–43]. С самого начала целью было объединить расколотое индусское сообщество для защиты индусов. Раздел и последовавший всплеск межобщинного насилия углубили негативные представления об индийских мусульманах. А. Г. Нурани в своем исследовании индийских мусульман пишет: «Мусульмане Индии столкнулись с теми же травмирующими переменами, с которыми столкнулись их предки 90 лет назад во время мятежа 1857 г. Как и в 1857 г., их лояльность новому государству была сомнительна» [24, p. 12]. РСС, сыгравший значительную роль в организации миграции индусов из Пакистана и расселении беженцев на территории Индии, стояли в эшелоне тех, кто ставил под сомнение лояльность мусульман. В тот временной промежуток вопрос о приеме в организацию членов меньшинств не стоял.

Восприятие индийских мусульман и ислама РСС не является статичным. М. С. Голвалкар еще в 1960-х гг. предпринимал попытки возобновить отношения организации с мусульманами, начатые К. Б. Хедгеваром. Однако эти усилия, как и усилия предшественника, не увенчались успехом. М. С. Голвалкар пришел к выводу, что единственным эффективным подходом для РСС и его филиалов является непосредственная работа с мусульманским населением страны. Первые шаги были предприняты Бхаратия джаната сангх (политическое крыло Сангх паривара, предшественник БДП) и профсоюзом рабочих БМС. Данные организации открыли членство для представителей всех вероисповеданий, а также создали подразделения, предназначенные для решения вопросов мусульман [10, p. 94–95]. На сегодняшний день наиболее влиятельной структурой является Фронт меньшинства (Minority Morcha) БДП. Его ключевой целью является мобилизация электоральной поддержки мусульман для кандидатов правящей партии. Одной из последних кампаний, проводимых Фронтом меньшинства, является Моди Митра (друзья Моди). Фронт меньшинства определил порядка 65 избирательных округов в 10 штатах и союзных территориях, где меньшинства составляют более 30 % населения. Как отмечает президент данной структуры Д. Сиддики, «это попытка достучаться до меньшинств за пределами кадровой базы БДП. Мы обращаемся к различным профессионалам: юристам, бухгалтерам, представителям СМИ, профессорам, врачам и др. Тем, кому, возможно, не нравится быть частью БДП, но кто ценит управление и программы Моди»[8]. В рамках кампании в каждом из 65 избирательных округов было отобрано по одному человеку. Ими были выбраны 30 профессионалов или бизнесменов, заинтересованных в программах премьер-министра, независимо от их политических пристрастий. Каждый из этих 30 человек пригласил по 25 человек из своего района. Таким образом, численность выросла до 750 членов Моди Митра в каждом избирательном округе, в общей сложности – 50000 членов. Д. Сиддики отметил, что Фронт меньшинств располагает данными обо всех участниках, и партия будет поддерживать с ними тесную связь. Кульминацией кампании станет масштабное мероприятие в Дели в конце 2023 г., где соберутся все друзья Моди[9].

Помимо данных групп, созданных Сангх париваром для работы с мусульманами, существует также Министерство по делам меньшинств, которое с момента прихода к власти БДП в 2014 г. возглавляли видные мусульмане: Н. А. Хептулла (2014–2016 гг.) и М. А. Накви (2016–2022 гг.). Миссия данного министерства заключается в том, чтобы «улучшить социально-экономические условия общин меньшинств посредством позитивных действий и инклюзивного развития»[10], а также «содействовать справедливому участию общин меньшинств в образовании, трудоустройстве, экономической деятельности»[11].

Следуя примеру своих филиалов, в 1979 г. РСС официально открыл свое членство для мусульман и христиан. Сегодня практически во всех филиалах организации присутствуют мусульмане. В РСС есть даже несколько членов-мусульман, которые прошли полную 3-летнюю программу подготовки, однако предвзятость по отношению к меньшинствам сохраняется.

Акцент РСС на непосредственном обращении к индийским мусульманам усилился во время религиозной напряженности в движении из-за сноса

[8] BJP rolls out "Modi Mitra" initiative in bid to reach out to minorities. *Deccan Herald.* URL: https://www.deccanherald.com/national/national-politics/bjp-rolls-out-modi-mitra-initiative-in-bid-to-reach-out-to-minorities-1230158.html (accessed 7 Jun 2023).

[9] Ibid.

[10] Vision and mission. *Ministry of Minority Affairs*. URL: https://www.minorityaffairs.gov.in/show_content.php?lang=1&level=1&ls_id=36&lid=37 (accessed 7 Jun 2023).

[11] Ibid.

мечети Бабри и строительства на ее месте индуистского храма Рам-Джанмабхуми в 1980-х гг. в Айодхье. К. С. Сударшан, на тот момент возглавлявший интеллектуальное крыло организации, выступил с инициативой начать диалог с мусульманскими религиозными деятелями, минуя при этом мусульманских политических лидеров. Он считал, что религиозные деятели оказывали гораздо большее влияние на мусульманские массы и лучше понимали их проблемы. К. С. Сударшан организовал встречи с Д. А. Илияси, В. Ханом и А. Муккарамом, которые позднее сыграют роль в создании Муслим раштрия манч [10, p. 101].

Учитывая ограниченный успех в привлечении мусульман в РСС и его филиалы, руководство сосредоточило свои усилия на создании независимой общественной организации, которая бы напрямую взаимодействовала с индийскими мусульманами [25].

24 декабря 2002 г. группа мусульман и функционеров РСС собрались вместе в Нью-Дели. Встреча была организована по инициативе известного журналиста и писателя М. Хуссейна и его жены Н. Хуссейн, которая в то время была членом Национальной комиссии по делам женщин. В мероприятии приняли участие действующий сарсангчалак РСС К. С. Сударшан, идеолог РСС М. Г. Вайдья, старшие функционеры организации И. Кумар и М. Д. Деви, президент Всеиндийского совета имамов мауляна Д. А. Илияси, мауляна В. Хан, имам мечети Фатехпури-масджид А. Мукаррам, суфии, деятели образования и представители интеллигенции. Основной темой обсуждения стал способ преодолеть растущий разрыв между индусской и мусульманской общинами в Индии. К. С. Сударшан выразил обеспокоенность тем, что молодые мусульмане становятся мишенями обвинений в терроризме. Дух ислама не пропагандирует идеологию джихада в том виде, в каком она интерпретируется террористами. Он также задался вопросом, почему индийские мусульмане приняли статус меньшинства, несмотря на то, что они принадлежали индийской земле по рождению.

Это стало началом сближения двух сообществ. Важную роль в этом процессе сыграл старший функционер РСС И. Кумар. Обратившись к проблеме разделения между индусами и мусульманами, он пришел к выводу, что подходы М. Ганди и Х. Махасабхи не смогли преодолеть разрыв из-за своей однобокости. Альтернативой стало создание процесса по межобщинному диалогу. Новое движение получило название Раштравади муслим андолан-эк найи раах, а позднее в 2005 г. было переименовано в Муслим раштрия манч (МРМ)[12].

Аргументы в пользу социальной экспансии РСС через МРМ были изложены В. Пачпором, одним из соорганизаторов филиала. Он утверждает, что МРМ представляет собой эффективный промежуточный вариант вовлечения мусульман в националистический мейнстрим, в отличие от неудовлетворительных стратегий мусульманской общины. Говоря об умиротворении, он пишет: «в то время как политика "умиротворения" партии Индийский национальный конгресс привела к вивисекции нашей "maadar-e-vatan" (Родины), политика "ненависти к мусульманам" еще больше увеличила уже существующий разрыв между двумя братьями (индусы и мусульмане)»[13].

В. Пачпор утверждает, что во время борьбы за независимость Индийский национальный конгресс (ИНК) «баловал» мусульман для достижения межобщинного единства. В свою очередь МРМ предложил иной способ действий, т. к. «индийские мусульмане имеют одних и тех же предков, культуру, традиции, язык и обычаи со своими братьями индусами. Однако они изменили свой способ поклонения некоторое время назад из-за определенных исторических и социальных обстоятельств. Но изменение способа поклонения не заставило их отказаться от своего прошлого и полностью отречься от истории и наследия своих предков»[14].

На официальном сайте МРМ сообщается об обширном перечне специальных кампаний и программ, проводимых организацией. В частности, в ноябре 2008 г. МРМ было собрано более 5 млн подписей в поддержку запрета на забой коров. В 2009 г. был организован диалог между индуистским и мусульманским духовенством по поводу разногласий вокруг храма в Айодхье. МРМ также начал кампанию по продвижению образования в мусульманских общинах. Для достижения данной цели в 2016 г. была основана Национальная мемориальная школа им. Амара Шахида Ашфакуллы. МРМ занимается не только налаживанием контактов с мусульманами, но и прояснением неправильных представлений об индийских мусульманах внутри РСС. Например, чтобы опровергнуть мнение членов Сангх паривара о том, что все мусульмане едят говядину, МРМ опубликовала брошюру, в которой утверждается, что ни Пророк, ни Священный Коран не предписывают

[12] Muslim Rashtriya Manch. URL: http://muslimrashtriyamanch.org/ (accessed 7 Jun 2023).

[13] Ibid.

[14] Muslim Rashtriya Manch: Rekindling Hindu Muslim Synergy. *Organiser*. URL: https://organiser.org/2016/06/27/117877/bharat/muslim-rashtriya-manch-rekindling-hindu-muslim-synergy/ (accessed 7 Jun 2023).

мусульманам заниматься забоем коров или употреблением в пищу говядины [10, p. 103–104]. Сопредседатель организации в интервью 2017 г. сообщил, что MPM насчитывает порядка 10000 постоянных членов[15].

Несмотря на непосредственное участие РСС в создании MPM, последний никогда не считался полноценной частью Сангх паривара. РСС постоянно сталкивается с дилеммой относительно того, как далеко ему следует заходить в поддержке данного филиала и насколько открыто стоит признавать свою тесную связь с ним. С одной стороны, «семья» не стремится огорчать свою целевую аудиторию, с подозрением и негативом относящуюся к индийским мусульманам и исламу. С другой, РСС искренне хочет приблизить мусульман к националистическому мейнстриму как по соображениям политической стабильности, так и для привлечения мусульманского электората для БДП.

Заключение

Мы можем наблюдать идеологическую и структурную трансформацию индусской националистической организации РСС. Формирование подразделений, направленных на решение мусульманского вопроса, свидетельствуют о том, насколько сильно изменилось восприятие ислама. С одной стороны, члены организации никогда не ставили под сомнение тот факт, что индусы и индийские мусульмане являются *сынами одной земли*. Вместе с тем, многие индусы, в т. ч. члены организации, рассматривали мусульман как часть *другого* – народ, определяемый лояльностью к иностранцам в лице Пакистана, или сепаратистскими наклонностями, при этом преуменьшая и игнорируя культурное сходство.

Тем не менее открытая неприязнь к индийским мусульманам сменилась публичной терпимостью, готовностью к совместному решению сложившихся противоречий и конфликтов. Во многом это было вызвано произошедшими экономическими и политическими изменениями в Индии. Колоссальный рост национальной экономики, уровня урбанизации, численности среднего класса сделали индийское общество более сложным, что отразилось на членском составе РСС и Сангх паривара. Возникли новые филиалы, отстаивающие интересы определенных групп населения, ранее не входивших в целевую аудиторию организации. Вместе с тем политические успехи БДП и желание закрепить недавние успехи подтолкнули лидеров партии к поиску дополнительной электоральной поддержки, подтверждением чему может служить кампания Моди Митра. Перечисленные изменения демонстрируют готовность организации измениться идеологически и организационно с целью завоевания массовой поддержки в меняющейся Индии.

Однако, несмотря на существенные идеологические и структурные изменения, внутри организации явно опасаются полноправного включения новых филиалов в состав «семьи», избегая протестных националистических настроений со стороны рядовых членов РСС.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Васильев С. А. Модель этнической демократии: опыт индуизации индийской демократии в 2010-х гг. *Полилог*. 2022. Т. 6. № 3. [Vasilev S. A. The model of ethnic democracy: the experience of hinduization of Indian democracy in the 2010s. *Polylogos*, 2022, 6(3). (In Russ.)] https://doi.org/10.18254/S258770110019407-9
2. Смирнов М. Г. Проблема «четвертого пути» развития: индийский вариант. *Евразийский журнал региональных и политических исследований*. 2018. № 1. С. 41–44. [Smirnov M. G. The "fourth way" of development problem in India. *Evraziiskii zhurnal regionalnykh i politicheskikh issledovanii*, 2018, (1): 41–44. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ysubsk
3. Savarkar V. D. *Essentials of Hindutva*. Independently published, 2019, 58.
4. Golwalkar M. S. *We or our nationhood defined*. Nagpur: Bharat Publications, 1939, 148.
5. Golwalkar M. S. *Bunch of thoughts*. Sahitya Sindhu Prakashana, 2000, 536.
6. Jaffrelot C. *The Hindu nationalist movement and Indian politics: 1925 to the 1990s. Strategies of identity-building, implantation and mobilization*. L.: Hurst&Company, 1996. 592 p.
7. *Hindu Nationalism. A Reader*, ed. Jaffrelot C. Princeton: Princeton University Press, 2007, 424.
8. Jaffrelot C. *Modi's India. Hindu nationalism and the rise of ethnic democracy*. Princeton: Princeton University Press, 2021, 656.

[15] Muslim Rashtriya Manch…

9. Andersen W., Damle S. *The brotherhood in saffron. The Rashtriya Swayamsevak Sangh and Hindu revivalism*. Penguin, 2019, 352.
10. Andersen W., Damle S. *Messengers of Hindu nationalism. How the RSS reshaped India*. Hurst, 2019, 320.
11. Chakrabarty B., Jha B. *Hindu nationalism in India: ideology and politics*. N. Y.: Routledge, 2020, 289.
12. Bhatt C. *Hindu nationalism. Origins, ideologies and modern myths*. Routledge, 2001, 240.
13. Basu A. *Hindutva as political monotheism*. Duke University Press, 2020, 295. https://doi.org/10.2307/j.ctv1595n6q
14. Savarkar V. *Hindu Rashtra Darshan*. New Delhi: Prabhat Prakashan, 2015, 496.
15. Смирнов М. Г. Идеология хиндутвы и ее двойственность. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2004. № 1. С. 96–111. [Smirnov M. G. Hindutva ideology and its duality. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2004, (1): 96–11. (In Russ.)] https://elibrary.ru/nybagz
16. Patel A. *Our Hindu Rashtra*. Westland, 2020, 356.
17. Leidig E. Hindutva as a variant of right-wing extremism. *Patterns of Prejudice*, 2020, 54(3): 215–237. https://doi.org/10.1080/0031322X.2020.1759861
18. Смирнов М. Г. Дхармический национализм. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2005. № 1. С. 96–109. [Smirnov M. G. Dharmic nationalism. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2005, (1): 96–109. (In Russ.)] https://elibrary.ru/nxxjrj
19. Thachil T. *Elite parties, poor voters: how social services win votes in India*. N. Y.: Cambridge University Press, 2016, 352.
20. Куценков А. А. Многоликая хиндутва. Часть 1. Восток. *Афро-азиатские общества: история и современность*. 2010. № 2. С. 79–94. [Kutsenkov A. A. Many-faced Hindutva. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, 2010, (2): 79–94. (In Russ.)] https://elibrary.ru/mbupab
21. Noorani A. G. *The RSS: a menace to India*. Balaji World of Books, 2019, 547.
22. Sharma J. *Hindutva: exploring the idea of Hindu nationalism*. HarperCollins, 2016, 248.
23. Jaffrelot C. *The Sangh Parivar: a reader*. Oxford University Press, 2005, 454.
24. Noorani A. G. *The Muslims of India: a documentary record*. Oxford University Press India, 2003, 378.
25. Pal F. Why Muslims join the Muslim wing of the RSS. *Contemporary South Asia*, 2020, 28(3): 275–287. https://doi.org/10.1080/09584935.2020.1776219

© 2023. Веденеев И. Н.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Курдская проблема в современной политике Ирака, Сирии и Турции: опыт комплексного анализа

Веденеев Илья Николаевич
Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0002-8808-9745
ilya.vedeneev@gmail.com

Поступила 14.08.2023. Принята после рецензирования 20.11.2023. Принята в печать 30.11.2023.

Аннотация: В настоящее время Ближний Восток претерпевает значительные перемены. С одной стороны, они связаны с изменениями в мировой политике (событиями на Украине, антироссийскими санкциями). С другой стороны, многие события являются продолжением относительно локальных тенденций (возвращение Сирии в Лигу арабских государств и др.). Зачастую происходит смешение глобальных и региональных факторов. Исследование посвящено рассмотрению актуальных политик на Ближнем Востоке, в *этногеографическом ареале Курдистан*. Объектом исследования являются многочисленные партии (политические субъекты) курдов Ирака, Сирии и Турции. Рассматриваются события, происходившие в Курдистане в 2022 и 2023 гг. В Ираке центральное правительство получает новые рычаги давления на руководство курдской Автономии. В то же время турецкое руководство отказывается возобновлять экспорт нефти. Хотя правительство Реджепа Тайипа Эрдогана преследует собственные цели, в данном случае действия Анкары и Багдада совпадают. Между Демократической партией Курдистана и Патриотическим союзом Курдистана сохраняются напряженные отношения по ряду вопросов. В ходе принятия закона о бюджете последний фактически выступил против идеи курдской Автономии в Ираке. В Сирии автономия курдов (Рожава) будет существовать, пока США сохраняет свое присутствие. Сирийское правительство продвигает вывод турецких войск с территории Сирии как предварительное условие восстановления отношений с Анкарой. Турция отказывается, т. к. Сирийские демократические силы остаются вне контроля Дамаска. Таким образом, сирийские курды являются камнем преткновения послевоенного урегулирования в Сирии. В Турции имеет место раскол между оппозиционными и проправительственными курдами. Оппозиция делится на легальную и нелегальную. Ввиду того, что правительство Р. Т. Эрдогана одержало уверенную победу на президентских выборах, нет причин считать, что в отношении турецких курдов будет принят более мягкий курс.

Ключевые слова: Иракский Курдистан, Рожава, Демократическая партия Курдистана, Патриотический союз Курдистана, Ирак, Сирия, Турция, США

Цитирование: Веденеев И. Н. Курдская проблема в современной политике Ирака, Сирии и Турции: опыт комплексного анализа. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 4. С. 411–424. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-411-424

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

The Kurdish Problem in the Modern Politics of Iraq, Syria and Turkey: a Comprehensive Analysis

Ilia N. Vedeneev
Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0002-8808-9745
ilya.vedeneev@gmail.com

Received 14 Aug 2023. Accepted after peer review 20 Nov 2023. Accepted for publication 30 Nov 2023.

Abstract: Currently, the Middle East is undergoing significant changes, often due to a mixture of global and regional factors. The study is devoted to the current policies in the Middle East, in the ethnogeographic area of Kurdistan. The study researches numerous parties (political entities) of the Kurds of Iraq, Syria and Turkey, considers the events that took place in Kurdistan in 2022 and 2023. The central government of Iraq receives new levers of pressure on the leadership of the Kurdish Autonomy. At the same time, the Turkish leadership refuses to resume oil exports.

Although the government of Recep Tayyip Erdoğan pursues its own goals, in this case the actions of Ankara and Baghdad coincide. Relations between the Kurdish Democratic Party and the Patriotic Union of Kurdistan remain tense on a number of issues. During the adoption of the budget law, the latter actually opposed the idea of Kurdish autonomy in Iraq. In Syria, the autonomy of the Kurds (Rojava) will exist as long as the United States maintains its presence. The Syrian government is promoting the withdrawal of Turkish troops from Syria as a precondition for restoring relations with Ankara. Turkey refuses, because the Syrian Democratic Forces are not controlled by the Damascus. Thus, the Syrian Kurds are the stumbling block of the post-war settlement in Syria. In Turkey, there is a split between the opposition and pro-government Kurds. The opposition is divided into legal and illegal. Because the government of R. T. Erdoğan won a landslide victory in the presidential elections, there is no reason to believe that a softer course will be adopted against the Turkish Kurds.
Keywords: Iraqi Kurdistan, Rojava, Kurdish Democratic Party, Patriotic Union of Kurdistan, Iraq, Syria, Turkey, USA

Citation: Vedeneev I. N. The Kurdish Problem in the Modern Politics of Iraq, Syria and Turkey: a Comprehensive Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 411–424. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-411-424

Введение

В настоящее время Ближний Восток претерпевает значительные изменения. С одной стороны, они связаны с переменами в мировой политике (событиями на Украине, антироссийскими санкциями). С другой стороны, многие события являются продолжением относительно локальных тенденций (возвращение Сирии в Лигу арабских государств и др.). Зачастую влияние на Ближний Восток оказывает сочетание как глобальных, так и региональных факторов. В качестве примера можно привести инициативу наследного принца Мухаммеда ибн Салмана аль-Сауда, в которой он предлагает проводить в Джидде консультации, посвященные мирному урегулированию кризиса на Украине, в которых будут принимать участие многие из стран глобального Юга[1]. С одной стороны, данная инициатива призвана отразить возросшую роль Саудовской Аравии в мировой политике, а также стремление нового поколения ее руководства проводить независимую политику (аналогичная тенденция характерна для правительств Турции, Катара и Объединенных Арабских Эмиратов). С другой стороны, само посредничество становится возможно вследствие конфликта, участие в котором – если не прямое, то косвенное (в случае Китая) – принимают все ведущие страны мира. События на Украине имеют судьбоносное значение для России и привлекают много внимания на Западе. Несмотря на то, что конфликт не имеет прямого отношения к реалиям Ближнего Востока, он создает окно новых возможностей для таких стран, как Турция или Иран, при этом не только в контексте двустороннего сотрудничества с Россией.

Значительные перемены также происходят в *этногеографическом ареале Курдистан* – территории 4 стран, разделивших его в начале XX в. [1, с. 274]. Речь идет об Ираке, Сирии, Турции и Иране. С одной стороны, такие страны, как Турция и Иран, претендуют на положение региональных центров силы. С другой, курды также могут рассматриваться в качестве самостоятельного, относительно независимого субъекта политики как минимум на региональном уровне. В первую очередь это касается политических партий иракских курдов, но также сирийских и турецких [2, p. 11]. В случае первых имеются в виду преимущественно Демократическая партия Курдистана (ДПК) и Патриотический союз Курдистана (ПСК), в случае вторых – Сирийские демократические силы (СДС)[2] и Рабочая партия Курдистана (РПК) [3, с. 10–11].

Цель данной работы – целостный обзор политики в этногеографическом ареале Курдистан по состоянию на конец лета 2023 г. Нас интересуют в первую очередь курдские партии и отношения между ними, однако специфика курдов как *объекта* исследования состоит в том, что их невозможно рассматривать вне окружающего их контекста. В каждой из 4 стран, разделивших Курдистан, совершенно своеобразный политический климат, элиты, культура и традиции, что также накладывает свой отпечаток на разнообразие собственно курдских *политических субъектов* (партий, движений). Также необходимо иметь в виду, что окружение является преимущественно враждебным к курдам (не говоря уже об отношении к целям и задачам курдского национализма).

[1] Семенов К. Глобальный Юг отказался осуждать Россию. *Регнум*. URL: https://regnum.ru/article/3824501 (дата обращения: 07.08.2023).

[2] Де-факто вооруженные силы Автономии северной и восточной Сирии (также известной как Рожава), руководящие позиции в которых занимают курды.

Курдские политики в Иракском Курдистане

Курды Ирака с политической точки зрения могут рассматриваться в следующих аспектах:

- отношения с центральным правительством: принятие федерального бюджета на 2023–2025 гг.;
- решение международного арбитража о незаконности экспорта нефти, добываемой на территории курдской Автономии Ирака;
- противоречия, существующие между ведущими субъектами курдской Автономии; перспективы добычи (и экспорта) газа; предстоящие региональные выборы.

23 марта 2023 г. Международная торговая палата (Париж) приняла решение, согласно которому экспорт нефти, добываемой в Автономии и экспортируемой на международный рынок через турецкий порт Джейхан, был признан нарушающим договоренность между Ираком и Турцией от 1973 г. В соответствии с договоренностью правительство Турции брало на себя обязательство покупать нефть только у иракской государственной компании по экспорту нефти (SOMO)[3]. Следовательно, договоренность между Турцией и руководством Автономии от 2013 г. была признана незаконной. Именно это решение послужило причиной иска Багдада.

Сразу после вынесения вердикта погрузка нефти в танкеры была прекращена, и, несмотря на то, что соглашение между руководством Автономии и федеральным правительством было оперативно достигнуто (4 апреля), экспорт не возобновлен до сих пор. Представляется, что турецкое руководство не имеет принципиальных возражений против того, чтобы экспорт иракской нефти был возобновлен. На конец 2022 г. 27 % турецкого импорта составляли поставки из Ирака (уступая по объему только России)[4]. Доходы Турции от транзита нефти из Ирака (как федерального правительства, так и Автономии) составляли порядка $1 млрд[5]. Однако сложившаяся ситуация дает турецкой стороне рычаг, с помощью которого она намерена оказать давление на Багдад.

Изначальный объем штрафа, который Багдад намеревался взыскать с Анкары, составлял $33 млрд, в конечном итоге международный суд постановил выплату в размере $1,5 млрд[6]. Однако это не означает, что турецкое руководство не будет стремиться снизить и эту сумму (как минимум – потребует рассрочки в качестве условия выплаты). Более того, утверждается, что Анкара намерена потребовать от Багдада отзыва второго иска, нацеленного на взыскание штрафа за незаконный экспорт нефти после 2018 г. (первый иск касался периода 2014–2018 гг.). К другим условиям турецкой стороны относится «более активное участие в операциях с нефтью Автономии» (что бы ни имелось в виду), а также получение нефти со скидкой[7]. До прекращения экспорта в марте, нефть, добыча которой осуществлялась на территории Автономии, предлагалась со скидкой от 10 до 20 долларов за баррель (в то время как иракская нефть поступала на мировой рынок по рыночной цене)[8].

В 2015 г. Министерство природных ресурсов Автономии оценивало добычу в 1 млн баррелей в сутки с перспективой двукратного наращивания мощностей к 2020 г.[9] Этот показатель не был достигнут. По состоянию на 2014 г. Автономия располагала 14-ю нефтяными месторождениями. Порядка 1 млн баррелей нефти ежедневно поставлялось на экспорт, 200 тыс. баррелей удовлетворяли внутреннее потребление[10].

[3] Нефтепровод был запущен в эксплуатацию в 1978 г. [4, p. 737]. Как отмечают турецкие исследователи, его постройка способствовала координации усилий Ирака и Турции против курдских инсургентов. С другой стороны, она привела к тому, что Турция закрыла глаза на притеснения туркоманов со стороны режима Саддама Хусейна [5, p. 86].

[4] Krasna J. Autonomy curbed? Kurdish oil exports hit snags from Turkey and Baghdad. *The Foreign Policy Research Institute*. URL: https://www.fpri.org/article/2023/07/autonomy-curbed-kurdish-oil-exports-hit-snags-from-turkey-and-baghdad/ (accessed 2 Aug 2023).

[5] Iraqi-Turkish oil arbitration case. *Middle East Policy Council*. URL: https://mepc.org/commentary/iraqi-turkish-oil-arbitration-case (accessed 3 Aug 2023).

[6] "Hollow victory": Iraq is not really a winner in the Turkey oil arbitration case. *Middle East Eye*. URL: https://www.middleeasteye.net/news/turkey-iraq-oil-arbitration-win-hollow-victory (accessed 3 Aug 2023).

[7] Alaca M. Deep dive: will Turkey agree to resume oil shipments from northern Iraq? *Amwaj.media*. URL: https://amwaj.media/article/deep-dive-will-turkey-agree-to-resume-oil-shipments-from-northern-iraq (accessed 3 Aug 2023). Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

[8] Krasna J. Autonomy curbed…

[9] По всей видимости, это значение преувеличено, т.к. по трубопроводу прокачивается менее половины этого объема. Трудно представить, чтобы объемы, сопоставимые с пропускной способностью нефтепровода, могли ежедневно поставляться бензовозами (что практиковалось до введения в эксплуатацию в 2013 г. нового нефтепровода). Относительно поставок курдской нефти по трубопроводу Киркук – Джейхан либо другими путями (напр., через Басру) ничего не сообщалось. Если они имели место, логично предположить, что они тоже прекращены до достижения договоренности с центральным правительством от 4 апреля 2023 г.

[10] Кузнецов А. А. О новом соглашении по разделу доходов от экспорта углеводородов из Иракского Курдистана. *Институт Ближнего Востока*. URL: http://www.iimes.ru/?p=97704 (дата обращения: 03.08.2023).

На момент прекращения экспорта нефти новый трубопровод прокачивал в сутки порядка 375 тыс. баррелей, добываемых на территории Автономии, а также 75 тыс. баррелей, принадлежащих центральному правительству[11] (речь идет о месторождениях, которые располагаются на спорных территориях северного Ирака, контроль над которыми вернулся к Багдаду в результате провала Референдума о независимости Иракского Курдистана осенью 2017 г.). Как следствие, прекращение экспорта нанесло очень серьезный ущерб Автономии, т. к. не менее 80 % доходов ее бюджета приходится на экспорт нефти (что справедливо и для Ирака в целом). Простой обходится ориентировочно в $1 млрд в месяц ($30 млн ежедневно)[12]. Поскольку соотношение объема экспорта иракской нефти по закрытому трубопроводу к объему экспорта курдской нефти составляет 1 к 5 (не говоря о том, что через север проходит лишь 10 % всего иракского экспорта), центральное правительство может позволить себе не торопиться с переговорами с Турцией. Вместе с тем существует мнение, что действующий премьер-министр Мухаммед Шиа ас-Судани склонен к нахождению компромисса с турецкой стороной[13].

В ответ на решение международного арбитража, руководство Автономии и федеральное правительство оперативно провели переговоры, итогом которых стало подписание соглашения о разделе доходов 4 апреля 2023 г. Также была достигнута договоренность о том, что экспорт нефти, добываемой на территории Автономии, должен быть возобновлен. Из-за позиции Турции погрузка сырья в нефтеналивные танкеры до сих пор не возобновилась.

На протяжении долгого времени вопрос о том, кто должен контролировать добычу и экспорт углеводородов Курдистана, оставался яблоком раздора между федеральным правительством и руководством Автономии. В значительной степени этому способствовали недостаток правовой базы и противоречия в новой конституции страны, принятой в 2005 г., сразу после вторжения международной коалиции. Ст. 111 утверждает, что «нефть и газ принадлежат всему народу Ирака, во всех регионах и провинциях», в то время как ст. 112 указывает на то, что «федеральное правительство совместно с провинциями, осуществляющими добычу, и региональными правительствами берет на себя управление нефтью и газом, добываемыми на существующих месторождениях». Статус новых месторождений (введенных в эксплуатацию после 2005 г.) никак не урегулирован[14]. В августе 2007 г. Автономия приняла собственный закон об углеводородах. Как отмечает M. Ottaway, его утверждение стало следствием отсутствия федерального закона (который так и не был принят парламентом), который внес бы ясность в вопрос о полномочиях федерального правительства и руководства Автономии по вопросам добычи и экспорта нефти[15].

Начиная с 2011 г. руководство Автономии начало независимую добычу и экспорт нефти. Был подписан ряд контрактов с ExxonMobil, центральное правительство не было уведомлено об этом. Соглашение от декабря 2013 г. (послужившее причиной подачи исков Багдадом) подразумевало экспорт сырой нефти в Турцию в объеме 300 тыс. баррелей в сутки. Ему предшествовало соглашение от мая 2012 г. о строительстве двух нефтепроводов и одного газопровода, соединяющих Автономию с территорией Турции[16]. Также в 2013 г. было подписано соглашение о продаже газа, которое подразумевало ежегодный экспорт в Турцию 4 млрд куб. м газа (с перспективой увеличения экспорта до 10 млрд куб. м к 2020 г.)[17].

Запасы нефти на территории Иракского Курдистана оцениваются руководством Автономии в 45 млрд баррелей, что составляет треть всех запасов Ирака[18]. Однако добыча нефти в условиях пересеченного (преимущественно горного) рельефа Иракского Курдистана представляет определенные технические трудности, что, наряду

[11] Edwards R., Rasheed A., Sezer C. Iraqi Kurdish losses reach $2 billion ahead of talks on resuming oil exports. *Reuters*. URL: https://www.reuters.com/business/energy/iraqi-kurdish-losses-reach-2-bln-ahead-talks-resuming-oil-exports-2023-06-13/ (accessed 3 Aug 2023).

[12] Krasna J. Autonomy Curbed…

[13] Alaca M. Deep dive…

[14] Constitution of Iraq. *Wikisource*. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_Iraq (accessed 4 Aug 2023).

[15] Ottaway M. Iraq: the demise of federalism. *Wilson Center*. URL: https://www.wilsoncenter.org/article/iraq-demise-federalism (accessed 30 Jul 2023).

[16] Речь не идет о трубопроводе Киркук – Джейхан, который был построен и пущен в эксплуатацию еще в 70-е гг. XX в. Новые трубопроводы пролегают приблизительно по тому же маршруту.

[17] Как и в случае с декларируемыми объемами добываемой нефти, указанные объемы экспорта (а, стало быть, и добычи) газа представляются сильно преувеличенными. Тем не менее, в ограниченном объеме как добыча, так и экспорт представляются вполне реальными. В качестве разрабатываемых месторождений природного газа упоминаются Миран и Бана Бави (при участии англо-турецкой Genel Energy).

[18] Rubin M. Kurdistan rising? Considerations for Kurds, their neighbors, and the region. *American Enterprise Institute*, 2016, 68. URL: https://www.aei.org/wp-content/uploads/2016/07/Kurdistan-Rising_online-July-15.pdf?x91208 (accessed 5 Aug 2023); Кузнецов А. А. О новом соглашении…

с политическими рисками, является одной из причин, почему иностранные фирмы не торопятся инвестировать в природные богатства Автономии (особенно по сравнению с месторождениями равнин южного Ирака)[19].

В 2014 и 2018 гг. были заключены сделки, согласно которым Автономия должна поставлять нефть на международный рынок через SOMO в обмен на долю федерального бюджета, однако договоренности постоянно нарушались. Багдад прибегал к ограничению и задержке траншей. В ситуации дефицита бюджета Автономии (нехватки доходов от независимого экспорта нефти) это приводило к беспорядкам, активное участие в которых принимали сотрудники бюджетного сектора, поскольку они неожиданно потеряли средства к существованию[20]. Тем не менее можно утверждать, что вплоть до решения международного арбитража не было силы, способной принудить элиты иракских курдов к тому, чтобы привести свою политику в реальное соответствие с требованиями Багдада.

В конце прошлого года цены на нефть были относительно высоки, но руководство Автономии все равно обратилось за финансовой помощью к центральному правительству. Несмотря на то, что помощь была обещана, Багдад (в лице Федерального верховного суда) воспользовался возможностью показать свою силу, наложив запрет на перечисление средств[21]. Лишь спустя несколько месяцев история смогла получить конструктивное развитие. В свою очередь, в ситуации нехватки центрального финансирования ДПК (в руках которой находятся основные рычаги управления Автономией)[22] также ограничивает ПСК в доступе к средствам, о чем нам неоднократно сообщали местные конфиденты. В числе других враждебных действий Федерального верховного суда в отношении курдов также следует отметить признание недействительным закона Автономии об углеводородах от 2007 г. и самостоятельное продление курдским законодательным собранием срока своих полномочий еще на один год (ввиду того, что провести выборы на уровне Автономии в 2022 г. не удалось)[23].

Согласно текущей договоренности Курдистан обязан поставлять Багдаду 400 тыс. Баррелей нефти в сутки. Эта нефть может быть направлена на экспорт (но только через SOMO) либо использована для удовлетворения спроса внутри Ирака. Расходы, понесенные при добыче и транспортировке нефти, также будут компенсированы центральным правительством. Отмечается, что доходы от продажи нефти будут переводиться на счет Автономии в Центральном Банке Ирака, который будет доступен для аудита Багдада[24]. Взаимен Автономия будет получать 12,7 % федерального бюджета.

Согласно закону о бюджете на 2023–2025 гг. от 12 июня 2023 г., бюджет составляет рекордные $153 млрд (в 2021 г. – $89 млрд). Он основан на цене нефти в $70 за баррель с прогнозом совокупного экспорта в 3,5 млн баррелей в день (в т. ч. 400 тыс. упомянутых выше баррелей курдской нефти)[25].

Иными словами, в конечном итоге был достигнут компромисс: с одной стороны, федеральное правительство получает контроль над экспортом нефти (например, запрещая поставки в Израиль и юго-восточную Азию), с другой, Автономия сохраняет в своих руках контроль над добычей, самими скважинами. Однако в связи с этим возникает ряд вопросов.

Во-первых, какие полномочия реально остаются во власти Автономии? Предположим, что курды продолжат сотрудничать с иностранными фирмами (преимущественно западными), осуществляющими добычу нефти в Автономии. Но что будет в случае, если речь пойдет, например, о разработке, введении в эксплуатацию новых месторождений? С нашей точки зрения, это в любом случае потребует координации с Багдадом. В этом смысле перспективы курдской Автономии будут напрямую связаны со способностью ее руководства (представленного

[19] Веденеев И. Н. Курдистан – 2022: перекресток противоречий. *Российский совет по международным делам*. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kurdistan-2022-perekryestok-protivorechiy/?sphrase_id=126117639 (дата обращения: 04.07.2023).

[20] Бюджетный сектор Автономии раздут, фактически представляя собой скрытую форму безработицы [6, p. 81, 195].

[21] Iraq's top court rules against Kurdistan Region's financial entitlements. *Rudaw*. URL: https://www.rudaw.net/english/middleeast/iraq/250120231 (accessed 5 Aug 2023).

[22] После свержения баасистского правительства С. Хусейна существует негласная договоренность, согласно которой руководящие посты в руководстве Автономии занимают представители ДПК (члены семьи Барзани), в то время как на должность президента Ирака (преимущественно церемониальную) могут претендовать представители ДПК (члены клана Талабани). Однако и здесь не обходится без попыток ДПК оказать воздействие на ПСК. В 2022 г. они выдвинули собственного кандидата, Хошияра Зебари, который был отклонен Федеральным верховным судом из-за обвинений в коррупции.

[23] Iraqi top court rules self-extension of Kurdistan parliament "unconstitutional". *Rudaw*. URL: https://www.rudaw.net/english/kurdistan/30052023 (accessed 5 Aug 2023).

[24] Krasna J. Autonomy Curbed…

[25] Белокурова П. Ф. Новый бюджет Ирака: как он повлияет на судьбу нефти из Иракского Курдистана. *Институт Ближнего Востока*. URL: http://www.iimes.ru/?p=98999 (дата обращения: 04.08.2023).

преимущественно ДПК) достигать новых компромиссов с центральным правительством (в т. ч. о расширении добычи нефти).

Во-вторых, нельзя исключать сценария, при котором Багдад (особенно в том случае, если доминирующие позиции в правительстве займут радикальные шииты) возьмет курс на окончательное подчинение Автономии. В настоящее время в правительстве доминирует коалиция шиитских партий, ориентирующихся на Иран, известная как коалиционная платформа. Другим влиятельным политическим деятелем является лидер движения Садр Муктада ас-Садр, который занимал доминирующие позиции в иракской политике до политического кризиса лета 2022 г. (после которого покинул парламент, перейдя в статус оппозиции без официального представительства). Будучи представителем шиитского духовенства и лидером популистского движения, он, с одной стороны, ориентируется на Иран. С другой стороны, в первой половине 2022 г. он находился в коалиции с ДПК (доминирующей политической силой Иракского Курдистана, но также одной из наиболее крупных и когерентных[26] политических партий на общеиракском уровне)[27].

В-третьих, остается вопрос о доходах. Багдад и Эрбиль достигли соглашения между собой, однако Турция по-прежнему не разрешает погрузку нефти в танкеры, и, судя по негласной позиции Анкары, возобновлению экспорта будут предшествовать переговоры, которые могут занять много времени. Теоретически руководство Автономии может столкнуться с очередным кризисом неплатежей, однако на практике отсутствие экспорта, скорее всего, будет компенсировано. Как минимум, должны быть компенсированы те 400 тыс. баррелей в сутки, что Автономию обязали поставлять SOMO. В любом случае с экономической точки зрения обеспечение стабильности в Иракском Курдистане представляется теперь прерогативой центрального правительства.

В завершение вопроса о бюджете необходимо отметить, что принятый законопроект вызвал ожесточенные споры из-за ст. 13 и 14, которые предусматривают выделение средств из бюджета напрямую провинциям, минуя правительство Автономии[28]. Инициатором данной поправки является ПСК. Как уже было отмечено, представители этой партии (и ее электорат) страдают из-за того, что ДПК склонна задерживать средства, поступающие из Багдада, используя административный ресурс, тем самым оказывая давление на вторую крупнейшую политическую партию Автономии. В свою очередь, в руках ПСК нет ресурсов, которые позволили бы им отстоять собственный интерес. Максимум, что они могут делать – бойкотировать регулярные встречи на уровне правительства Автономии.

Поскольку интересы (равно как и опасения) ПСК ясны, нет необходимости говорить, что субсидирование регионов Иракского Курдистана в обход правительства в Эрбиле (например, провинции Сулеймания, где доминирует ПСК) в корне подрывает саму идею сколь-нибудь реально автономного существования курдов в составе Ирака. Не говоря о перспективах обретения полной независимости не только в Ираке, но и любой другой стране, разделившей этногеографический ареал Курдистан.

Нет необходимости говорить, что в среде, где каждый, пользуясь собственными преимуществами, пытается оказать силовое давление на противоположную сторону, трудно рассчитывать на формирование атмосферы доверия. Одним из следствий этого является то, что иракские курды оказываются неспособны сотрудничать даже там, где кооперация сулит выигрыш обеим сторонам. Помимо совместного представительства в законодательном собрании страны перед лицом арабов-суннитов и арабов-шиитов, а также конфликта по поводу раздела субсидий федерального бюджета, речь может идти о перспективах развития в Ираке газовой отрасли.

Несмотря на то, что в Ираке имеются месторождения природного газа (на территории Автономии его запасы оцениваются в 200 трлн куб. футов)[29], его добыча не осуществляется в крупных масштабах. Даже попутный газ, который сопровождает добычу нефти, просто сжигается в факелах, создавая дополнительную нагрузку на экологию и здравоохранение. В то же время страна не производит достаточно

[26] ДПК пользуется стабильной поддержкой в северной части Иракского Курдистана (провинциях Эрбиль, Дохук, Ниневия) благодаря обширной патронажно-клиентелисткой сети ДПК (в свою очередь, восходящей к клану и семье Барзани). Аналогичная (хотя намного уступающая по масштабам и ресурсам) сеть существует у ПСК, которая пользуется поддержкой в провинциях Сулеймания и Киркук (восходит к клану и семье Талабани). Понимаемая под *когерентностью* устойчивость поддержки важна в условиях иракской политики, т. к. периодически возникают новые популистские движения, которые, набирая голоса на одних выборах, совершенно проваливаются на следующих (как произошло с движением Хикма аятоллы Аммара аль-Хакима) [7, с. 22].

[27] ДПК стала одной из четырех крупнейших партий в парламенте (31 место) по итогам выборов 2021 г., уступив только садристам (73 места), Партии прогресса Мохаммеда аль-Халбуси (37 мест) и Государству закона Нури аль-Малики (33 места). По сравнению с ней, например, коалиция ПСК и связанное с ним движение Горран получили лишь 17 мест (понеся при этом потери, в то время как ДПК, напротив, получила на 6 мест больше по сравнению с выборами 2018 г.).

[28] Iraqi parliament approves record $153 billion budget bill after arduous debate. *The New Arab*. URL: https://www.newarab.com/news/iraq-finally-passes-record-breaking-budget-after-long-debate (accessed 5 Aug 2023).

[29] Кузнецов А. А. О новом соглашении…

электроэнергии, поэтому оказывается вынуждена экспортировать ее из Ирана. Особенно высок спрос на электроэнергию летом, когда нагрузка на энергосеть значительно возрастает из-за использования кондиционеров. Оплачивая газ в валюте, Ирак попадает в зависимость от Ирана, поскольку тот может ограничивать поставки электроэнергии (вследствие роста собственного потребления в пиковые месяцы или в целях оказания политического давления).

В прошлом году ДПК предприняли попытку разработки газовых месторождений на территории Автономии, однако столкнулись с активным противодействием ПСК (в зоне контроля пешмерга[30], где находятся крупнейшие месторождения газа). Действия ПСК продиктованы недоверием к ДПК и отсутствием каких-либо договоренностей о добыче природного газа. Как недвусмысленно высказался по этому поводу избранный весной 2022 г. председатель ПСК Бафель Талабани, игнорирование интересов ПСК станет возможно только «через мой труп»[31].

Определенную роль в этом вопросе играет Иран, осуществивший обстрел месторождений в Иракском Курдистане весной прошлого года[32]. Будучи одним из ведущих экспортеров газа в Турцию, он не заинтересован в появлении новых конкурентов. Известно, что ПСК обладает тесными связями с Ираном, в то время как ДПК ориентируется на Турцию. Даже в этом отношении иракские курды оказываются по разные стороны баррикад: не только на уровне политики внутри Ирака (с точки зрения противоречий друг с другом и центральным правительством), но и с точки зрения региональной политики (конкуренции Ирана и Турции как центров силы за звание регионального лидера).

Более того, нужно иметь в виду, что если бы проекту по разработке газовых месторождений (а также созданию соответствующей инфраструктуры) был дан ход, газ из Иракского Курдистана вполне мог бы стать фактором, выходящим за пределы региональной политики. Утверждать это можно в связи с ограничениями, наложенными на экспорт российских энергоносителей в ЕС после начала специальной военной операции на территории Украины в конце февраля 2022 г. Как следствие, на европейском газовом рынке появились ниши для новых экспортеров. С поправкой на переговоры, которые велись между президентами России и Турции в конце прошлого года[33], можно утверждать, что курдский газ также мог бы принять участие в создании регионального газового хаба в Европу. Вполне вероятно, что курды еще вернутся к проекту создания газодобывающих мощностей (в т. ч. при поддержке центрального правительства).

Следует отметить, что вражда между ДПК и ПСК восходит к событиям второй половины XX в., на которую пришелся расцвет национального движения курдов в Ираке (включая отделение ПСК от ДПК). После этого имела место Война в Персидском заливе (1990–1991 гг.) и создание бесполетной зоны над северным Ираком, что стало фактором формирования первого правительства курдов в 1992 г. [8, p. 6]. Однако сразу вслед за этим в горах Иракского Курдистана вспыхнула гражданская война между ДПК и ПСК, преодоление которой стало возможно лишь при деятельном участии западных держав (вплоть до Билла Клинтона) [9, с. 10–11]. Можно сказать, что раны, нанесенные братоубийственной войной, еще не затянулись настолько, чтобы стороны забыли о прежних обидах.

Последним пунктом противостояния ДПК и ПСК (по порядку, но не по значению) является конфликт вокруг процедуры создания предвыборной комиссии. В ходе одной из сессий законодательного собрания Автономии весной этого года на повестку дня было вынесено голосование о возобновлении работы Независимой высшей комиссии по выборам и референдуму. Срок полномочий Комиссии истек в 2019 г., поэтому теперь ее работа (накануне выборов, проводить которые планируется не ранее февраля 2024 г.) должна быть возобновлена.

Однако здесь возникают разночтения. Согласно ДПК, законопроект был принят голосами 58 парламентариев. ПСК, в свою очередь, заявили, что голосование незаконно[34]. Несмотря на то, что детали ситуации остаются неопределенными, ясно, что ПСК не намерены поступаться своими интересами, независимо от того, реальным или надуманным является предлог, под которым они саботируют начавшийся таким образом предвыборный сезон.

[30] Пешмерга – название ополчений курдов в странах, где они живут. Военное крыло РПК является пешмергой, как и СДС (де-факто вооруженные силы Автономии северной и восточной Сирии, известной как *Рожава*). В Ираке пешмерга есть как у ДПК, так и ПСК, причем они: (а) не входят в состав регулярной армии Ирака; (б) подчиняются лишь лидерам своей партии.

[31] Q&A: Bafel Talabani, President of the Patriotic Union of Kurdistan. *Iraq Oil Report*. URL: https://images.pukmedia.com/root/root/images/105122022QA_-Bafel-Talabani-President-of-the-Patriotic-Union-of-Kurdistan-Iraq-Oil-Report.pdf (accessed 5 Aug 2023).

[32] Веденеев И. Н. Курдистан – 2022: перекресток…

[33] Путин предложил Эрдогану создать еще один газовый хаб в Турции. *РБК*. URL: https://www.rbc.ru/politics/13/10/2022/6347e9759a7947d902d4b946 (дата обращения: 14.10.2023).

[34] Kurdish electoral body receives contradictory decrees on reactivation. *Rudaw*. URL: https://www.rudaw.net/english/kurdistan/26052023 (accessed 3 Aug 2023).

Однако насколько можно судить по последним заявлениям, в ходе третьей с начала года консультации руководства ДПК и ПСК на высшем уровне, между сторонами был достигнут некий компромисс, детали которого не разглашаются. Известно, что проведение местных выборов назначено президентом Автономии Нечирваном Барзани на февраль 2024 г. Вместе с тем, напомним, что Федеральный верховный суд Ирака признал незаконным продление срока собственных полномочий курдским законодательным собранием. Иными словами, теоретически, все решения, принятые парламентом Автономии в этом году, могут рассматриваться Багдадом как незаконные.

В заключение отметим роль США, занимающих умеренную, даже примиренческую позицию по отношению к спору центрального правительства и руководства Автономии как об экспорте нефти, так и о выборах[35]. Представляется, что американцы рассматривают курдов в качестве силы, на которую они могли бы опираться при претворении в жизнь своих интересов в регионе. Несмотря на то, что тезис об ослаблении позиций США на Ближнем Востоке представляется небесспорным, в том, что касается Ирака, Курдистан действительно в определенной степени является противовесом всей остальной стране, преимущественно населенной шиитами и в значительной степени находящейся как в сфере влияния Ирана, непримиримого врага США, так и Израиля, ближайшего союзника США на Ближнем Востоке. В равной степени в качестве своего рода протеже американцев могут рассматриваться сирийские курды.

Связи между иракскими, сирийскими и турецкими курдами. Перспективы урегулирования в Сирии

С одной стороны, иракские курды представляются глубоко разделенными диалектикой вражды и необходимостью сотрудничать друг с другом начиная с 60-х гг. XX в. С другой стороны, их разделяет наличие внешних по отношению к курдам интересов (арабского, турецкого, иранского национализмов), кровно заинтересованных в разрешении курдского вопроса, причем отнюдь не в пользу курдов. Ситуация усугубляется тем, что лидеры курдского национального движения (КНД) никогда не обладали достаточными силами, чтобы вести борьбу за независимость без поддержки извне. Так было в конце 60-х гг., когда лидер иракских курдов Молла Мустафа Барзани обратился к помощи Ирана в своей борьбе против революционных правительств в Багдаде [10, p. 827]. Так было когда создатель РПК Абдулла Оджалан смог заручиться поддержкой Башара Хафеза аль-Асада и начать вербовать сирийских курдов для борьбы против турецкого государства [11, p. 320; 12, p. 100]. Нет необходимости говорить, что подобная поддержка всегда носила ситуативный характер, о чем лучше всего свидетельствует судьба обоих лидеров КНД. М. Барзани в решающий момент лишился поддержки шаха, потерпел поражение в Ираке в 1975 г. и вскоре после этого умер в эмиграции в США. А. Оджалан лишился поддержки Сирии и был вынужден покинуть страну осенью 1998 г. [13, p. 170]. Вскоре после этого он был схвачен турецкими спецслужбами в Кении и с тех пор отбывает пожизненный срок в турецкой тюрьме на острове Имралы.

Можно сказать, что в определенной степени история повторяется. Подобно тому, как Война в Персидском заливе (1990–1991 гг.) и вторжение международной коалиции во главе с США (2003 г.) позволили Иракскому Курдистану получить автономный статус (зафиксированный на уровне Конституции 2005 г.), в настоящее время существование Автономии северной и восточной Сирии (также известной как Рожава) оказывается возможно в значительной степени вследствие сохранения американского присутствия на северо-востоке Сирии. Не преуменьшая роли курдов в борьбе против Исламского государства (ИГИЛ)[36], мы также должны признать, что в ходе неоднократных операций, проведенных вооруженными силами Турции за время конфликта в Сирии, курдским ополчениям ни разу не удавалось устоять перед натиском регулярной армии, оснащенной вполне современной авиацией, танками и артиллерией. Так, в ходе проведения операции «Оливковая ветвь» (тур. Zeytin Dalı Harekâtı) зимой и ранней весной 2018 г. кантон Африн, суверенная территория Сирии, был занят вооруженными силами Турции и остается под турецким контролем в настоящее время.

В том, что касается отношений между курдскими политическими субъектами «поверх» национальных границ, прочерченных империалистами в начале XX в., можно зафиксировать следующее. Что касается ДПК, то они ориентируются в первую очередь на Турцию. Как показали события первой половины этого года, именно в руках Анкары находится контроль над экспортом нефти (в перспективе – и газа) с месторождений Автономии. Как следствие, *барза-*

[35] US welcomes latest PUK, KDP agreement over disputes. *Rudaw*. URL: https://www.rudaw.net/english/kurdistan/31072023 (accessed 2 Aug 2023).

[36] Организация признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

нисты враждебно настроены к *апочистам*[37], которые осуществляют террор против турецкого государства. Пешмерга ДПК фактически потворствует операциям вооруженных сил Турции на территории северного Ирака, которые, как и на территории северной Сирии, проводятся, можно сказать, регулярно[38]. В Сирии эти операции ставят своей целью создание буферной зоны вдоль турецкой границы на 30 км вглубь сирийской территории. В Ираке аналогичная цель дополняется стремлением уничтожить лагеря РПК в горах Иракского Курдистана (в частности, в районах Зап, Метин и Авашин), а также создать сеть блокпостов, чтобы максимально усложнить перемещение партизан. В 2022 г. в северном Ираке активно задействовалась строительная техника, которую использовали, чтобы заваливать входы в тоннели, вырытые партизанами, и строить дороги посреди гор[39].

В то же время ПСК, напротив, сотрудничает с СДС, в т. ч. на почве идеологии. Исторически ПСК представляет собой левую альтернативу КНД в Ираке. Можно сказать, что подобно РПК и ее предтечам в Турции ПСК испытала на себе влияние маоизма [14, p. 77; 15, p. 137–139]. По сравнению с ним ДПК знаменует собой консервативную власть традиционных элит (сам М. Барзани был вождем племени барзан и шейхом суфийского ордена накшбандия) [11, p. 316; 16, с. 8–9, 17]. Принято считать, что сейчас сирийские курды реализуют в северной Сирии левый автономистский проект, экспериментирующий, в частности, с обобществлением средств производства[40]. Впрочем, когда речь заходит о добыче и экспорте нефти, они сотрудничают с лидером капиталистической мир-системы – США[41]. В свою очередь, контрабанда этой нефти в Иракский Курдистан вызывает дополнительную обеспокоенность Турции. Следует отметить, что турецкое руководство в принципе отказывается проводить какое-либо различие между СДС и РПК.

Что касается практических шагов, руководство ПСК нисколько не скрывает своей поддержки СДС. Так, руководство ПСК в лице председателя партии Б. Талабани неоднократно в открытую встречалось с руководителем СДС Мазлумом Абди. Более того, как минимум один раз это произошло при прямом посредничестве США (в лице генерал-майора Мэтью Макфарлейна, руководителя вооруженных сил международной коалиции, сохраняющей свое присутствие в Сирии под предлогом борьбы с ИГИЛ)[42]. В ходе встречи М. Абди заявил, что «Рожава не забудет продолжающуюся поддержку ПСК, который является нашим честным и верным сторонником». Б. Талабани отметил, что связи между сторонами «определенно получат развитие»[43].

Турция со своей стороны не намерена мириться с таким положением дел и уже неоднократно налагала ограничения на рейсы авиакомпании Turkish Airlines в г. Сулейманию. В последний раз это произошло весной 2023 г., когда в результате крушения двух гражданских вертолетов в провинции Дохук стало известно о наличии секретного канала, по которому члены СДС и РПК попадали в Иракский Курдистан. Этому предшествовала попытка покушения турецкого беспилотника на М. Абди, когда он находился на подконтрольной ПСК территории Иракского Курдистана. При этом руководителя СДС сопровождали американские военнослужащие[44]. Ввиду того, что было заявлено о гибели 9 членов СДС, можно предположить, что речь шла о подготовке специалистов (инструкторов) по какой-то узкой теме. Ситуация представляется еще более специфической, поскольку по сообщениям турецких источников,

[37] Апочистами называют сторонников РПК. Апо (курд. дядя) – прозвище А. Оджалана.

[38] Применительно к северной Сирии речь идет об операциях «Щит Евфрата» (тур. Fırat Kalkanı Harekâtı), август 2016 г. – март 2017 г.; «Оливковая ветвь» (тур. Zeytin Dalı Harekâtı), январь – март 2018 г.; «Источник мира» (тур. Barış Pınarı Harekâtı), 9–22 октября 2019 г. В свою очередь, в северном Ираке активное вмешательство вооруженных сил Турции имело место на протяжении всего 2022 г. и возобновилось весной 2023 г.

[39] Веденеев И. Н. Курдистан – 2022: перекресток…

[40] Получить объективное представление о социально-экономических (равно как и политических) процессах, происходящих сейчас в Автономии северной Сирии, представляется затруднительным из-за отсутствия источников. Сборники статей, написанные журналистами, посетившими Рожаву, носят ярко выраженный апологетический характер. Тем не менее в них упоминается создание кооперативов по производству продуктов питания. Насколько нам известно, национализация производств, существовавших до начала Гражданской войны, не производилась [17, с. 34; 19, с. 20].

[41] Ляхов А. Г. О деятельности американской нефтяной компании Delta в Сирийском Курдистане. *Институт Ближнего Востока*. URL: http://www.iimes.ru/?p=87045 (дата обращения: 09.08.2023).

[42] Kurdish officials express unity and solidarity again. *Medya News*. URL: https://medyanews.net/kurdish-officials-express-unity-and-solidarity-again/ (accessed 9 Aug 2023).

[43] В целом исследователи отмечают, что, несмотря на разделенность границами, КНД разных стран Ближнего Востока всегда находилось в постоянном взаимодействии [19, p. 240]. Таким образом, текущая ситуация, отношения между СДС и ПСК не являются исключением, но, напротив, составляют характерную черту КНД.

[44] Орлов А. С. О посреднической роли ОАЭ между сирийскими курдами и официальным Дамаском. *Институт Ближнего Востока*. URL: http://www.iimes.ru/?p=97666 (дата обращения: 09.08.2023).

вертолеты (в общей сложности 4 модели Eurocopter AS350) изначально были арендованы США и лишь затем переданы ПСК[45].

Несмотря на то, что руководство Иракского Курдистана в лице премьер-министра Автономии Масрура Барзани поспешило возложить вину на ПСК, исследователь Института Ближнего Востока Ю. Б. Щегловин утверждает, что основными контактерами с Вашингтоном по вопросу подготовки боевиков СДС на базе ПСК под Сулейманией были как раз люди Барзани. Упоминается заместитель начальника штаба Масрура Барзани и его ближайший помощник Азиз Ахмед. Утверждается, что именно этот человек курирует сделку, заключенную в начале 2023 г., согласно которой пешмерги иракских курдов получат оружие от США в обмен на тренировку бойцов СДС (и, возможно, РПК). С нашей точки зрения, данное обстоятельство свидетельствует, что, несмотря на экономическую зависимость Автономии от Анкары, ее влияния оказывается недостаточно, чтобы помешать действиям иракских курдов (в т. ч. ДПК) когда речь заходит о вмешательстве США, притом именно по тем вопросам (сирийскому кейсу), что противоречат интересам Турции (как они понимаются ее руководством).

В заключение отметим, что курдский фактор представляется камнем преткновения с точки зрения послевоенного урегулирования в Сирии. С одной стороны, руководство Сирии в лице Б. Асада заявляет, что предварительным условием восстановления отношений между Турцией и Сирией является вывод всех вооруженных сил Турции с суверенной территории Сирии. С другой стороны, руководство Турции заявляет, что турецкие войска не покинут Сирию до тех пор, пока не будут получены «гарантии безопасности», под которыми следует понимать нейтрализацию деятельности СДС[46]. Ясно, что в полной мере это станет возможно лишь в том случае, если Рожаву удастся взять под полный контроль. У центрального правительства нет на это сил, более того, несмотря на частичное восстановление международного признания (возвращение в Лигу арабских государств), положение внутри страны, на территориях, подконтрольных центральному правительству, остается очень тяжелым. Санкции западных стран сохраняются, региональные СМИ также сообщают о том, что США удалось отговорить Саудовскую Аравию и ОАЭ от инвестиций в Сирию под угрозой санкций. В стране начинают вспыхивать новые восстания, с которыми правительству (во всяком случае, пока) удается справляться[47].

В свою очередь, Турция теоретически может осуществить еще одну интервенцию против Рожавы. Такая угроза реально существовала во второй половине 2022 г., когда ее удалось предотвратить вследствие американского (и, возможно, российского) посредничества. Основным препятствием на пути окончательного силового решения курдского вопроса в Сирии остается присутствие США на северо-востоке страны, которое не только не сокращается, но, напротив, в настоящее время демонстрирует признаки укрепления[48]. И хотя трудно представить под каким предлогом США могли бы сохранить свое присутствие после завершения конфликта, в настоящее время они пользуются плодами нестабильности (отсутствие контроля у центрального правительства над всей территорией страны), которая в полной мере сохраняется.

Несомненно, что восстановление отношений между Турцией и Сирией будет способствовать стабилизации обстановки в стране (если не в регионе в целом). Следует отметить, что российская дипломатия оказывала и продолжает оказывать поддержку сближению позиций Турции и Сирии. Также участие в переговорном процессе принимает Иран (в рамках формата, который вплоть до последней, 20-й встречи 20–21 июня 2023 г. носил название астанинского)[49]. Тем не менее, приходится констатировать, что первое (оно же – основное) расхождение в требованиях сторон остается непреодолимым. Если изначально российская дипломатия могла исходить из того, что сближение Турции и Сирии будет способствовать уходу США (с чем трудно спорить), то теперь ситуация изменилась на обратную: именно сохранение присутствия США и несговорчивость СДС становятся фактором или как минимум

[45] Щегловин Ю. Б. О связях руководства Иракского Курдистана с сирийскими курдами при содействии США. *Институт Ближнего Востока*. URL: http://www.iimes.ru/?p=96030 (дата обращения: 10.08.2023).

[46] Веденеев И. Н. Сирийско-турецкие отношения: на пути к нормализации. Аналитическая записка №47 / 2023. *Российский совет по международным делам*. URL: https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/siriysko-turetskie-otnosheniya-na-puti-k-normalizatsii/ (дата обращения: 09.08.2023).

[47] Семенов К. «Ситуация близка к катастрофе». Сирия выиграла войну, но проигрывает мир. *Регнум*. URL: https://regnum.ru/opinion/3822130 (дата обращения: 05.08.2023).

[48] Субботин И. Сирийско-иракское пограничье ожидает операцию США. *Независимая газета*. URL: https://www.ng.ru/world/2023-08-02/1_8789_pentagon.html (дата обращения: 03.08.2023).

[49] Формат представляет собой многосторонние переговоры при участии России, Сирии, Турции и Ирана. Несмотря на заявления Министерства иностранных дел Казахстана о том, что Астана больше не может служить местом встреч, содержательно формат едва ли прекратит существование, т. к. стороны связаны общностью интересов.

предлогом для сохранения турецкого присутствия. Что, в свою очередь, остается для Б. Асада неприемлемым условием восстановления отношений (равно как нахождение какого-либо компромисса с курдами по вопросу предоставления автономии). Впрочем, в том, что касается курдов, его позиции солидарны взгляды и Турции, и Ирана.

Курдские политики в Турции накануне выборов

До выборов существовало мнение (навеянное опросами общественного мнения соответствующих прооппозиционных агентств), что Р. Т. Эрдоган не сможет победить, а оппозиция победит с большим отрывом. Большую роль в этом прочили именно курдам, т. к. прокурдская Демократическая партия народов (ДПН) представляет порядка 10 % турецкого электората. Будучи на грани закрытия правительством, она тем не менее была допущена к выборам, более того, приняла участие в оппозиционной коалиции (в формате 6+1). Предполагалось, что ДПН не будет выдвигать своего кандидата на выборах, согласовывая выдвижение своих депутатов с оппозицией. Следует отметить, что, несмотря на значительные идеологические расхождения между прокурдской партией и остальными оппозиционными движениями (прежде всего ультранационалистической Хорошей партией) [50], взаимодействие между ними не является чем-то новым. Так, благодаря поддержке ДПН оппозиционной Народно-республиканской партии (НРП) удалось установить контроль над Стамбулом и Анкарой в марте 2019 г.[51]

Однако, вопреки ожиданиям, уже по итогам публикации результатов первого тура стало ясно, что оппозиция проигрывает. Как следствие, ошибочным оказалось представление, что курдский электорат может стать фактором определяющим исход выборов. Результаты второго тура продемонстрировали, что действующая власть побеждает с отрывом в 5 %, что представляется уверенной победой ввиду того, насколько напряженно-конкурентный характер носят выборы в Турции (особенно выборы в год 100-летия Республики). Как выразился по этому поводу востоковед и обозреватель И. И. Стародубцев, «Эрдоган не просто победил на выборах в Турции. Он нанес оппозиции сокрушительное поражение»[52].

Вместе с тем, с точки зрения актуальной политики курдский фактор в Турции не ограничивается ДПН. Турецкое правительство, со своей стороны, заручилось поддержкой курдской Партии свободного дела (Hür Dava Partisi, HÜDA PAR). Эта партия, также известная как *турецкая (курдская) Хизбалла*, была создана в 2012 г., чтобы составить конкуренцию либеральному, прозападному флангу национального движения турецких курдов (в лице ДПН) [20, p. 140]. Так, представители этой партии не выдвигали независимых кандидатов на выборах, вместо этого поддерживая кандидатов от ПСР на юго-востоке страны (в провинциях, населенных курдами).

Сотрудничество турецкой власти с правыми курдскими партиями настолько же старо, как и сотрудничество оппозиции с левыми: незадолго до выборов 2019 г. правительство освободило членов курдской Хизбаллы, в т. ч. осужденных на длительные сроки (вплоть до пожизненного заключения), совершивших свои преступления в 1990–2000 гг. Некоторым членам партии были предоставлены места в правительственных учреждениях вследствие репрессий, которые обрушились на движение Хизмет[53] Фетхуллаха Гюлена в 2014 и 2016 гг. Несмотря на то, что в начале 2000-х гг. Р. Т. Эрдоган и Ф. Гюлен выступали единым фронтом против секуляристского истеблишмента, теперь движение Ф. Гюлена называется в Турции не иначе как *Террористическая организация Гюлена* (тур. Fethullahçı Terör Örgütü).

Как утверждают турецкие СМИ, одним из условий поддержки HÜDA PAR власти на этих выборах стало освобождение Абу Ханзала (наст. имя Халис Баянджук), радикального проповедника, призывавшего вступать в Аль-Каиду, Исламское государство и, по всей видимости, связанного с Братьями мусульманами (ввиду четырехлетнего пребывания в Египте)[54]. Утверждается, что он был освобожден 17 июля 2023[55].

Следует отметить, что, несмотря на слабую поддержку курдских исламистов в турецком обществе (не превышает 1 %), турецкое правительство остается заинтересованным в сотрудничестве с ними.

[50] С точки зрения идеологии ближе к Партии националистического движения (ПНД), которая вместе с Партией справедливости и развития (ПСР) образует правящий тандем.

[51] Стародубцев И. И. Курдский фактор и предстоящие в Турции выборы. Часть 1. *Институт Ближнего Востока*. URL: http://www.iimes.ru/?p=96153 (дата обращения: 07.08.2023).

[52] Турция – это / Канал Ивана Стародубцева. *Телеграм*. URL: https://t.me/turkey_is/3740 (дата обращения: 07.08.2023).

[53] Движение Ф. Гюлена, известное как Нурджулар, признано экстремистским и запрещено на территории РФ. Многие книги за его авторством также признаны экстремистскими материалами и запрещены к распространению на территории РФ.

[54] Все три организации признаны экстремистскими и запрещены на территории РФ.

[55] Щегловин Ю. Б. Об отношении властей Турции к турецкой «Хизбалле», поддерживаемой Ираном. *Институт Ближнего Востока*. URL: http://www.iimes.ru/?p=99847 (дата обращения: 07.08.2023).

Предполагается, что правая курдская партия изначально была создана турецким государством с целью уничтожения РПК[56]. Сейчас она продолжает существовать, будучи также связанной с Ираном, а именно его шпионскими программами в отношении радара НАТО в провинции Малатья на юге страны (на что Р. Т. Эрдоган закрыл глаза, прекратив соответствующее расследование в 2014 г.)[57].

Суммируя, можно сказать, что курды играют значимую роль в политике современной Турции. Это в равной степени касается как борьбы в рамках легального политического поля (ДПК, HÜDA PAR), так и за его пределами (террор РПК против государства, серые схемы HÜDA PAR). В то время, как в отношении РПК начиная с 2015 г. (прекращения перемирия) был взят курс на подавление, ДПН не была закрыта, в т. ч. накануне выборов, хотя было ясно, что она выступит на стороне оппозиции. Возможно, это свидетельствовало об уверенности власти в прочности своих позиций.

Можно сказать, что турецкое руководство делает ставку на правые курдские партии. С одной стороны, они представляют собой один из инструментов контроля (оказания давления на) КНД в Турции. С другой стороны, в контексте наличия в стране высококонкурентной политической борьбы, поддержка партии даже с 1 % голосов не может считаться лишней.

Если смотреть на ситуацию концептуально, то можно сказать, что HÜDA PAR являются идеологическим союзником неоосманистской власти среди курдов. Именно религия в качестве политической идеологии может стать «знаменателем», способным преодолеть противоречия между турецким и курдским национализмами (в чем состоял, с нашей точки зрения, один из врожденных пороков секулярного проекта Ататюрка). В этом смысле наибольшую угрозу для действующей власти в Турции представляют именно левые курдские секулярные движения, появившиеся в XX в., такие как РПК, ДПН и Рожава. С этой точки зрения можно согласиться с B. B. Özpek, который утверждает, что в более широкой перспективе всего этногеографического ареала Курдистан имеет место идеологическое противостояние между консервативными ПСР и ДПК, с одной стороны, и ДПН, ПСК и сирийскими курдами, с другой [21, p. 58].

Политика турецкого государства в отношении правых курдских партий далеко не всегда была такой. В 60-х гг. на юго-востоке страны возникла Демократическая партия Турецкого Курдистана (ДПТК), которая, по всей видимости, ориентировались на движение М. Барзани в Ираке (переживавшее в тот период расцвет, возглавив т. н. Сентябрьскую революцию курдов 1961–1970 гг.). Тем не менее, партия турецких курдов была разгромлена и есть все основания считать, что ее лидеры, Фаик Буджак и Саид Эльчи, погибшие при загадочных обстоятельствах, были ликвидированы агентами турецких спецслужб [22, с. 242, 261]. Их не спасла даже принадлежность к курдской аристократии (Ф. Буджак происходил из семьи шейхов). Партия была правой, включала в себя представителей всех классов и не смогла укрепиться на юго-востоке страны в т. ч. потому, что не могла предложить альтернативы устоявшемуся порядку, находившемуся в руках традиционной курдской аристократии. Будучи в полной мере кооптированными в правящий истеблишмент страны со времен кемалистов, традиционные шейхи (в частности, лидеры племени Буджак) также преуспели при переходе к многопартийной системе [23, с. 131–135; 24, p. 148].

С нашей точки зрения, такое различие в политиках объясняется тем, что до возникновения РПК турецкое государство не испытывало потребности в том, чтобы создавать альтернативы в самом КНД, ограничиваясь его подавлением (помогая С. Хусейну оказывать давление на КНД в Ираке) [23, с. 193].

Заключение

Относительно курдских политик в целом можно сделать следующие выводы:

1. Вплоть до настоящего момента иракские курды пользовались плодами максимальной свободы, которой удалось добиться по итогам национальной борьбы в XX в.[58] Конечно, эта свобода никогда не была безусловной. Однако, имея в виду специфику курдского вопроса (отсутствие собственного государства; существование в странах с националистическими режимами, ставящими своей целью ассимиляцию курдского меньшинства), можно сказать, что жизнь в Иракском Курдистане радикально контрастировала с жизнью в Иране и Турции, а также Сирии до начала гражданской войны в 2011 г.

2. Теперь же мы наблюдаем, с одной стороны, несостоятельность руководства Автономии, причем на уровне базиса экономики. Фактически автономный статус Иракского Курдистана уже сведен к фикции.

[56] Harvey B. Turkey officer says he created local Hezbollah Group, Star says. *Bloomberg*. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2011-01-18/turkey-officer-says-he-created-local-hezbollah-group-star-says (accessed 7 Aug 2023).

[57] Щегловин Ю. Б. Об отношении властей…

[58] Осенью 2017 г. Иракский Курдистан казался в шаге от выхода из состава Ирака вследствие проведения Референдума о независимости, однако он провалился по причине непризнания его итогов всеми окружающими странами (за исключением Израиля).

С другой стороны, ситуация может принять еще более неблагоприятный для курдов оборот. Слабость руководства Автономии может спровоцировать Багдад на другие шаги, ставящие своей целью добиться от Курдистана еще больших уступок (в частности, передачи в ведение центрального правительства права на заключение контрактов с иностранными фирмами для разработки месторождений на территории Курдистана).

3. Противоречия между ведущими политическими субъектами Иракского Курдистана, ДПК и ПСК, представляются непримиримыми. Они носят как субъективный (конкуренция за лидерство над национальным движением иракских курдов во второй половине XX в.), так и объективный характер (актуальная борьба за деньги и власть). В настоящее время ПСК фактически готовы отказаться от статуса Автономии в обмен на гарантии справедливого финансирования Сулеймании (наравне с Эрбилем) со стороны Багдада.

4. Относительно факторов враждебности между иракскими курдами на современном этапе следует отметить (а) отсутствие договоренности по вопросу о добыче (разделе дохода от добычи) газа на территории Автономии; (б) конфликт относительно процедуры проведения выборов на уровне Автономии; (в) использование ДПК административного ресурса с целью непредоставления ПСК доли финансирования из федерального бюджета в полном объеме.

5. В перспективе региональной политики можно сказать, что иракские курды находятся между молотом и наковальней, Ирана и Турции, отношения между которыми (с Ираном и Тураном) никогда не были простыми. Это не значит, что динамика собственно курдских отношений не играет роли, но указывает на то, что региональная обстановка продолжает задавать центробежный тренд отношениям курдов в пределах Ирака.

6. В том, что касается автономии сирийских курдов (Рожавы), то, с нашей точки зрения, продолжение ее существования прямо зависит от продолжения американского присутствия в Сирии. С одной стороны, нельзя сказать, что конфликт в стране полностью завершился. Этим пользуются, в частности, США для сохранения своего присутствия. Также сохраняют свое присутствие вооруженные силы Турции. С другой стороны, восстановление отношений между Сирией и Турцией теоретически возможно и будет способствовать стабилизации обстановки. Однако предварительным условием для этого правительство Б. Асада выдвигает уход вооруженных сил Турции. Турецкое руководство не согласно на это, т. к. СДС сохраняют свое присутствие в северной Сирии (Рожава не находится под контролем центрального правительства). Круг замыкается.

7. Иракские курды при посредничестве США поддерживают тесные контакты с СДС, причем не только ПСК, но и ДПК. Зная об этом, Турция до сих пор не могла оказать серьезного воздействия на ДПК, чтобы барзанисты прекратили поддержку сирийских курдов.

8. Политические субъекты турецких курдов остаются разнообразными, часть из них (HÜDA PAR) выступает на стороне правящего дуумвирата (ПСР–ПНД). Это возможно вследствие наличия общей идеологической платформы (политического ислама). На последних выборах был выявлен высокий уровень общественного доверия действующему президенту, как следствие, новое перемирие с РПК представляется невозможным. Более того, весьма вероятно возобновление активных действий против РПК и СДС в северном Ираке и северной Сирии. В целом, представляется, что даже если ДПН не будет закрыта официально, власть будет стремиться к тому, чтобы вписать как можно большее число политически активных курдов в рамки своей идеологической платформы. То, насколько успешной окажется эта стратегия, покажет насколько жизнеспособным является секулярное наследие Мустафы Кемаля-паши в XXI в.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Лазарев М. С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). М.: Наука, 1989. 327 с. [Lazarev M. S. *Imperialism and the Kurdish Question (1917–1923)*. Moscow: Nauka, 1989, 327. (In Russ.)]
2. Stansfield G. R. V. *Iraqi Kurdistan: political development and emergent democracy*. Routledge, 2003. 278.
3. Иванов С. М., Вертяев К. В. Курдский национализм. История и современность. М.: Ленанд, 2015. 352 с. [Ivanov S. M., Vertyaev K. V. *Kurdish nationalism. History and modernity.* Moscow: Lenand, 2015, 352. (In Russ.)] https://elibrary.ru/vofnin
4. Bowlus J. V. A crude marriage: Iraq, Turkey, and the Kirkuk-Ceyhan oil pipeline. *Middle Eastern Studies*, 2017, 53(5): 724–746. https://doi.org/10.1080/00263206.2017.1283489

5. Kandemir E., Tuncer C. Irak – Türkiye enerji ilişkilerinin bölgenin ekonomik güvenliğine etkileri. *Uluslararası Ekonomi Siyaset İnsan ve Toplum Bilimleri Dergisi*, 2020, 3(1): 75–89.
6. *Comparative Kurdish Politics in the Middle East: Actors, Ideas, and Interests*, eds. Tugdar E. E., Al S. Cham: Palgrave Macmillan, 2017, 235. https://doi.org/10.1007/978-3-319-53715-3
7. Веденеев И. Н. Досрочные выборы в Ираке (2021 г.): причины и результаты. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 3. С. 20–25. [Vedeneev I. N. Snap elections in Iraq (2021): causes and results. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*, 2021, (3): 20–25. (In Russ.)] https://doi.org/10.31696/2618-7302-2021-3-20-25
8. Aziz M. A. *The Kurds of Iraq: Nationalism and Identity in Iraqi Kurdistan*. I.B. Tauris, 2014, 256.
9. Иванов С. М. Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011 гг.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. 86 с. [Ivanov S. M. *Iraqi Kurdistan at the present stage (1991–2011)*. Moscow: IMEMO RAN, 2011, 86. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qpthyd
10. Malovany P. *Wars of modern Babylon: a history of the Iraqi Army from 1921 to 2003*. University Press of Kentucky, 2017. 928.
11. McDowall D. *A modern history of the Kurds*. I.B.Tauris, 2004, 536.
12. Marcus A. *Blood and belief: The PKK and the Kurdish fight for independence*. NYU Press, 2007, 351.
13. Balci A. *The PKK-Kurdistan Workers' Party's regional politics during and after the Cold War*. Cham: Palgrave Macmillan, 2017, 212. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42219-0
14. Özcan A. K. *Turkey's Kurds. A theoretical analysis of the PKK and Abdullah Öcalan*. L.: Routlege, 2005, 256. https://doi.org/10.4324/9780203019597
15. Černy H. *Iraqi Kurdistan, the PKK and international relations: theory and ethnic conflict*. Routledge, 2017, 358.
16. Жигалина О. И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М.: ИВ РАН, 2013. 240 с. [Zhigalina O. I. *Mullah Mustafa Barzani. Historical portrait*. Moscow: IOS RAS, 2013, 240. (In Russ.)]
17. Окрест Д., Петров Д., Лебский М. Жизнь без государства: революция в Курдистане. М.: Common place, 2017. 366 с. [Okrest D., Petrov D., Lebskii M. *Life without a State: revolution in Kurdistan*. M.: Common place, 2017, 366. (In Russ.)]
18. Флах А., Айбога Э., Кнапп М. Курдистан. Реальная демократия во время войны и блокады. М.: Радикальная теория и практика, 2016. 348 с. [Flakh A., Aiboga E., Knapp M. *Kurdistan. Real democracy during the war and the blockade*. M.: Radikalnaia teoriia i praktika, 2016, 348. (In Russ.)]
19. Garapon B., Çelik A. From tribal chiefs to Marxist activists. *The Cambridge history of the Kurds*, eds. Bozarslan H., Gunes C., Yadirgi V. Cambridge University Press, 2021, 229–249.
20. Gunter M. M. *Historical dictionary of the Kurds*, 3th ed. Lanham-Boulder-NY-London: Rowman & Littlefield, 2018, 528.
21. Özpek B. B. Paradigm shift between Turkey and the Kurds: from "Clash of the Titans" to "Game of Thrones". *Middle East Critique*, 2018, 27(1): 43–60. https://doi.org/10.1080/19436149.2017.1415513
22. Гасратян М. А. Курды в Турции в Новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. 385 с. [Gasratian M. A. *Kurds in Turkey in Recent times*. Yerevan: Aiastan, 1990, 385. (In Russ.)]
23. Веденеев И. Н. Курдское национальное движение Ирака и Турции в 1918–1980 гг. Факторы взаимовлияния: дис. … канд. ист. наук. М.: ИВ РАН, 2022. 221 с. [Vedeneev I. N. *The Kurdish National Movement of Iraq and Turkey in 1918–1980. Factors of mutual influence*: Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow: IOS RAN, 2022, 221. (In Russ.)]
24. Yadirgi V. De-Development in Eastern and Southeastern Anatolia. *The Routledge Handbook on Contemporary Turkey*. Routledge, 2022, 139–156.

© 2023. Подольский В. А.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Формирование и функционирование социального государства в Испании

Подольский Вадим Андреевич
Государственный академический университет гуманитарных наук, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0002-1659-9025
deomniscibili@yandex.ru

Поступила 08.07.2023. Принята после рецензирования 27.09.2023. Принята в печать 02.10.2023.

Аннотация: В работе представлена история развития испанской системы социальной поддержки со Средних веков до начала XXI в. Цель – проанализировать предысторию возникновения и особенности испанской социальной политики. Для изучения развития испанского социального государства в статье используются сравнительно-исторический подход, метод анализа институтов, правовых документов и статистических данных. Сопоставляется опыт Испании и других государств, рассматриваются подходы к типологизации социальной политики, анализируются экономические факторы и трансформации мер поддержки и принципов перераспределения. Несмотря на то что некоторые тенденции в Испании проявлялись раньше, чем в других странах, испанское социальное государство сформировалось сравнительно поздно. В стране сложилась уникальная конфигурация социальной поддержки, совмещающая логику корпоративистского подхода, присущего Германии, с универсалистским подходом Британии. Испанский опыт организационных решений в сфере социальной политики представляет интерес, поскольку Испания сталкивается со старением населения на фоне устойчиво высокой безработицы, что создает серьезное давление на социальную систему, которая сохраняет свой функционал благодаря периодическому пересмотру приоритетов.

Ключевые слова: социальная политика, социальное государство, пенсии, пособия, страхование, благотворительность, история, Испания

Цитирование: Подольский В. А. Формирование и функционирование социального государства в Испании. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 4. С. 425–433. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-425-433

full article

Development and Performance of Welfare State in Spain

Vadim A. Podolskiy
State Academic University for the Humanities, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0002-1659-9025
deomniscibili@yandex.ru

Received 8 Jul 2023. Accepted after peer review 27 Sep 2023. Accepted for publication 2 Oct 2023.

Abstract: The article presents the history of the Spanish social support system development from the Middle Ages to the beginning of the XXI century. The purpose of the article is to analyze the background and features of the Spanish social policy. To study the development of the Spanish welfare state, the article uses the comparative historical approach and the analysis of institutions, legal documents and statistical data. The experience of Spain and other countries is compared, approaches to the typology of social policy are considered, economic factors and transformations of support measures and principles of redistribution are analyzed. Despite the fact that some trends manifested in Spain earlier than in other countries, the Spanish welfare state formed relatively late. The country has developed a unique configuration of social support, combining the German logic of a corporatist approach with a British universalist one. The Spanish experience of organizational decisions in the field of social policy is of interest, since Spain is facing the problem of an aging population against a background of persistently high unemployment creating serious pressure on the social system, which retains its functionality due to a periodic revision of priorities.

Keywords: social policy, welfare state, pensions, benefits, insurance, charity, history, Spain

Citation: Podolskiy V. A. Development and Performance of Welfare State in Spain. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 425–433. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-425-433

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Введение

Социальные расходы составляют основное направление бюджетных трат в современных государствах, а проблемы социальной политики представляют собой один из важнейших предметов политического торга. Принципы выстраивания социальной политики различаются в разных странах и во многом определены предыдущей историей организации социальной защиты и социальной поддержки. Системы социальной политики заимствуют успешный опыт других государств, сохраняя местные особенности.

Изучение испанской социальной политики представляет ценность как для анализа принципов организации социального государства, так и для оценки опыта адаптации системы к экономическим вызовам. Автор термина социальное государство – немецкий экономист Л. Фон Штейн, который указывает, что социальным может считаться такое государство, которое содействует равноправию и экономическому прогрессу граждан. Эта концепция развивалась в Германии в конце XIX в., многие теоретики считали, что государство должно нести ответственность за материальное и моральное благосостояние граждан для сохранения социальной и политической стабильности [1, с. 171–172]. В XX в. в англоязычной литературе стал использоваться термин *государство благосостояния*, означающий такую социальную политику, когда государство организует перераспределение благ и услуг в целях обеспечения благосостояния граждан [1, с. 310]. В отечественной традиции понятия *социальное государство* и *государство благосостояния* обычно синонимичны.

К устоявшейся типологии Г. Эспинг-Андерсена, в которой социальные государства делятся в зависимости от масштаба и характера государственного регулирования социальной политики на социал-демократические, консервативные и либеральные [2, p. 20], многие авторы добавляют *Южную* или *Средиземноморскую модель*, объединяющую социальные системы Испании, Италии, Португалии и Греции [3] из-за ряда особенностей. В этих странах позднее, чем в Британии, Германии и Франции возникли массовое промышленное производство, механизмы страхования и защиты от безработицы, а также совмещены элементы корпоративного страхования Германии, и универсалистского покрытия-Британии. Социальные пособия, которые не зависят от занятости, чрезвычайно фрагментированы. Уделяется большое внимание семейной политике, развито дошкольное образование [4]. Социальное государство в Испании примечательно сочетанием гибкости и централизации.

Для выявления закономерностей развития испанского социального государства целесообразно рассмотреть всю историю социальной политики в Испании, ее отличия от других государств, ключевые тенденции, важнейшие периоды и основные институты, сравнить количественные показатели социальной политики.

Испанской социальной политике посвящено существенное количество работ как отечественных, так и зарубежных авторов. Однако внимание исследователей обычно привлекали отдельные аспекты или периоды развития испанской системы социальной поддержки. Меры правителей Испании и практики вспомоществования, существовавшие в доиндустриальную эпоху и XVIII-XIX вв., рассматриваются в сборниках [5; 6], в число редакторов которых входят О. П. Грелл и Э. Каннингем. В работе В. Фернандез Эспинозы показана история становления системы образования в Испании [7]. Статья М. Фернандез Эрреро освещает процесс перехода функций социальной поддержки от церковных структур к светским в XIX в. [8].

Ранняя история развития системы здравоохранения представлена в статье М. Вилар-Родригез и Х. Понс-Понс [9]. В исследовании М. А. Кабреры проведен анализ дискурса социальных реформ в Испании конца XIX в. [10]. Происхождение основных институтов социального государства в Испании в первой половине XX в. рассматривается в работе Ф. Комин [11]. С. Эспуэлас [12] и Г. А. Филатов [13] освещают формирование социального государства в Испании с 1960-х гг. Одним из наиболее подробных источников по истории развития испанской социальной политики в XX в. остается работа С. П. Мангена, о политических изменениях конца XX в. [14]. Обзор архитектуры современного социального государства в Испании представлен в статье А. М. Гиллен, входящей в сборник, посвященный трансформациям Европейских социальных государств, построенных на страховых принципах [15].

Вызовы, с которыми сталкивается испанское социальное государство из-за демографического кризиса и экономических сложностей – наиболее распространенная тема научных публикаций в последнее десятилетие. Общий обзор проблем испанской социальной политики предлагается в монографии Р. Веласко [16], в статье М. де ла Консепсьон Гонсалес-Рабанал [17]. Современная финансовая и экономическая ситуация, а также ее влияние на социальную политику в Испании исследовались Г. Н. Понеделко [18] и Е. А. Цапиной [19]. Демографические процессы в современной Испании и связанные с ними проблемы в сфере социальной поддержки рассматриваются в статье Э. Г. Ермольевой и Н. Ю. Кудеяровой [20].

Опубликованы сборники исследований, посвященных общим для Южной Европы сложностям, связанным с функционирование социального государства

под редакцией М. Петмейсидоу и А. М. Гиллен [21], Ф. Х. Морено-Фуентес и П. Мари-Клозе [4]. Показатели испанского социального государства в общеевропейском контексте рассматриваются в сборнике под редакцией А. М. Гиллен и М. Леон [22]. Сравнение реформ в Испании и других европейских странах предложено в статье Э. Альбеза Хове [23]. Анализ политических дебатов о социальной политике и возможностей по пересмотру пенсионной системы предложен в статьях Х. И. де ла Пенья Эстебан и Н. Пенья-Мигель [24], Х. А. Ногуэра [25].

Влияние финансового кризиса на пенсионную систему оценивается в статье Х. Алонсо-Гарсии и Б. Розадо-Себриан [26]. Региональные особенности испанского социального государства рассматриваются в статье Л. Айалы и др. [27]. Объединение основных выводов данных работ и общее описание развития социальной политики в Испании позволяет представить наиболее значимые особенности происхождения и функционирования испанского социального государства.

Результаты

Как и в других странах Европы, социальная поддержка в Испании началась с религиозной благотворительности. Особенностью Испании стало заимствование опыта мусульман и евреев в Средние века, в первую очередь, участия светских властей в организации помощи. Госпитали, приюты для нуждающихся и больных создавались монастырями и орденами, а также исламскими правителями. При маврах в городах работали государственные больницы, школы для бедных; зажиточные врачи-мусульмане и евреи помогали беднякам бесплатно. Также на нужды бедных направлялись налоги на скоропортящиеся товары [28, p. 19–20]. В Средние века социальная поддержка предоставлялась на местном уровне, а общегосударственные законы в основном носили репрессивный характер, например, наказания за бродяжничество. Муниципальные власти выдавали лицензии тем, кто хотел просить подаяние.

В XVI в. развитие капитализма в Европе привело к ужесточению отношения к нищим, которых стали считать угрозой для порядка. На политику государства повлияло как давление снизу в виде жалоб, связанных с массовой бедностью, так и инициативы королевской, религиозной и муниципальных властей [5, p. 155–156]. В XV–XVI вв. в Испании небольшие благотворительные учреждения и приюты объединялись в крупные госпитали, приобретавшие медицинскую специализацию. Объединение инициировали короли, а кортесы писали им петиции в поддержку данной меры. Муниципальные власти и религиозные братства были заинтересованы в сохранении своих небольших учреждений [5, p. 163–164], поэтому в связи с социальными, политическими и экономическими различиями в стране фактически сложилось 2 модели – кастильская и арагонская. В Арагоне рано укрепилось убеждение, что забота о нуждающихся и организация медицинской помощи – это задача скорее муниципальных властей, чем церкви, из-за чего больницы объединились раньше [29, p. 177–180]. В Кастилии децентрализованная система сохранялась вплоть до XIX в. [5, p. 170]. Благодаря укрупнению финансовое положение учреждений улучшалось. Они управлялись советами, состоящими из представителей церкви и городской олигархии. Иногда, как, например, в Сарагосе, членов совета назначал монарх [29, p. 181].

В XIV–XV вв. возникли должности чиновников, отвечавших за попечение о бедных, безработных, сиротах, заключенных. На уровне приходов *отцы для бедных* обеспечивали нуждающихся едой, милостыней и одеждой, предоставляли больным лекарства и помощь врача. Поддержку могли получать только местные жители, иногородние могли рассчитывать лишь на 3-дневное пребывание в госпитале, а затем высылались из города. Более того, в Валенсии те лица, которые размещали у себя бедных, штрафовались, поскольку считалось, что место бедняка – в госпитале [29, p. 192–193].

Закон о бедных 1540 г. вводил в Кастилии ограничения на сбор милостыни. Только *достойные бедняки*, уроженцы или жители города могли просить в этом городе милостыню. Сбор милостыни во время голода и эпидемий разрешался лишь в виде исключения, так же как и прошение подаяния больными или незрячими. Помимо того закон поручал религиозным и гражданским властям следить за надлежащим использованием средств, направляемых госпиталям и бедным. Кортесы Кастилии неоднократно просили монархов дополнить закон о бедных 1540 г. и ввести должности *отца для бедных* в каждом городе для организации занятости безработных [5, p. 156].

В конце XVI в. в Кастилии стали появляться *дома милосердия*, похожие на работные дома в Нидерландах и Британии. В них бедные могли обучиться ремеслу и получать деньги за свой труд вместо сбора милостыни. В XVII в. в ходе Контрреформации число благотворительных организаций возросло, отношение к милостыне смягчилось, вернулась практика завещания больших сумм для раздачи по церковным праздникам и в поминовение усопших. В XVII в. из-за экономического кризиса в Кастилии обеднели наследственные поместья, которые помогали бедным и предоставляли крестьянам ссуды для ведения хозяйства. Размер благотворительных учреждений уменьшился. Роль церкви в обеспечении социальной поддержки возросла, а участие светских властей сократилось [6, p. 112–113].

В XVIII в. по Испании распространились просветительские идеи, критиковавшие благотворительность за содействие безделью, бедности; рост преступности и неповиновения властям; вред прогрессу. Борьба с частной благотворительностью началась в Мадриде. Учреждения объединялись, а сбор подаяния ограничивался, чтобы принудить бедных к труду. В конце XVIII в. началась конфискация церковной собственности государством. Упразднялись старые *сундуки милосердия* для сбора зерна, которое нуждающиеся могли использовать для посева; отменялись сборы приданого для девочек-сирот; упразднялись различные религиозные обряды, связанные с чествованием бедных; отменялась раздача еды у ворот монастырей и дворцов. Были введены ограничения, направленные против сети старых госпиталей на паломническом пути Сантьяго на севере Испании, которые критиковались за отсутствие эффективной медицинской помощи [6, p. 114–115].

С начала XIX и до середины XX в. происходило множество политических потрясений, а сменяющие друг друга правительства принимали решения, отменявшие инициативы их оппонентов, но социальная политика постепенно развивалась. В конституции 1812 г. были артикулированы права на государственное образование, здравоохранение и социальную защиту [14, p. 15]. В 1821 г. был принят закон о бесплатном начальном образовании [7, p. 8], хотя фактически предоставлять бесплатное образование станут значительно позже.

6 февраля 1822 г. был принят закон о благотворительности. Он ограничивал сбор милостыни и религиозные пожертвования, концентрировал благотворительные учреждения и фонды, в т. ч. королевские, церковные и провинциальные, а также регулировал их работу. Закон вводил общие правила социальной поддержки. Развивалась логика, заложенная еще в конце XVIII в., когда городские советы по благотворительности отвечали за сбор средств и попечение о заключенных, занятость, образование и помощь на дому. Благотворительные советы имели коллегиальный и выборный характер. В состав советов на уровне муниципалитета входили мэр, приходской священник, 4 местных жителя, врач и хирург [8, p. 32–39]. Советы обеспечивали организацию госпиталей, помощь сиротам и матерям [14, p. 15]. Оказываемая советами помощь на дому, в т. ч. медицинская, предоставлялась на основании сведений о положении и здоровье бедных и распространялась только на жителей с известным родом занятий. Поддержка носила морализаторский характер и была нацелена на то, чтобы приучать низшие классы к семейным ценностям, трудолюбию и бережливости [8, p. 39]. Законы о благотворительности в середине XIX в. обязывали благотворительные учреждения принимать бедных или предоставлять им помощь на дому [8, p. 46].

В 1830-е гг. множество религиозных орденов теряет доходы и исчезает, возникают условия для увеличения государственного вмешательства. Закон о благотворительности от 20 июня 1849 г. устанавливал правила организации и субсидирования благотворительных фондов, закреплял профессионализацию медицинской помощи в госпиталях и регулировал их работу, поддерживал помощь на дому от муниципалитетов. Ответственность за социальную поддержку возлагалась на мэров городов [8, p. 43–46], региональные и муниципальные власти. Благотворительные советы были обязаны строить работные дома и содержать их за счет сборов. Этих учреждений не хватало, и бедные обращались за помощью к церкви [14, p. 17]. Структура приходов использовалась для обеспечения помощи на дому, государство конкурировало с частными учреждениями за пожертвования, из-за чего снижались сборы [8, p. 45–48].

В стране возникали сберегательные сообщества, помогавшие пожилым, вдовам и инвалидам. Их поддерживала церковь, а в Каталонии они получали государственные субсидии. В 1853 г. они были превращены в муниципальные учреждения социальной защиты [14, p. 15–16]. Рост вмешательства государства продолжался, пока оно не получило контроль над всей сетью помощи после принятия закона о наиболее масштабной конфискации церковной собственности в 1855 г. [8, p. 44]. Продажа недвижимости государства, церкви, орденов, братств, благотворительных организаций продолжалась до XX в. Конфискация способствовала реализации закона 1856 г., который предоставлял муниципалитетам ресурсы для организации помощи [7, p. 47–48]. В 1850-е гг. местные власти стали обязаны учреждать общественные бани, госпитали, а также обеспечивать медицинские услуги бедным [14, p. 17].

Закон 1857 г. сформировал централизованную систему образования. Образовательные программы расширялись и унифицировались, происходила секуляризация школ, хотя университеты оставались религиозными [8, p. 45]. За начальное образование отвечали муниципалитеты, за среднее – провинции, за университеты – государство. Частные школы подлежали интеграции в систему и для осуществления деятельности должны были получать разрешения Совета по народному просвещению [7, p. 9]. Каждая коммуна с населением более 500 человек должна была создать начальную школу для детей 6–9 лет. Обязательным было только начальное образование, причем бесплатным оно было только для бедных. В середине XIX в. школ в Испании было

мало, посещаемость была низкой [14, p. 17]. В 1853 г. создаются детские сады для бедных [8, p. 48].

Созданная в 1883 г. правительственная Комиссия по социальным реформам изучила положение рабочих и крестьян и разработала предложения по организации социальной защиты, а также сберегательные схемы по примеру Германии [14, p. 17]. Однако в начале XX в. Испания заимствовала подходы не из Германии, а из Италии и Бельгии, где социальная защита от предприятий субсидировалась государством [11, p. 25–26]. Из Франции в 1900 г. был перенят закон о страховке от несчастных случаев, но работодатели почти не соблюдали ограничения, а государству не хватало фабричных инспекторов, чтобы добиваться их выполнения. По примеру Италии в 1908 г. в Испании был создан Национальный институт социальной защиты. В нем состояли работодатели, а его задачей стало регулирование предоставления медицинских услуг, защита от несчастных случаев на производстве, болезней, инвалидности, безработицы, а также выплата семейных пособий [14, p. 18–19]. Закон 1908 г. также предполагал введение пенсий по старости. Институт получал субсидии из бюджета. Напрямую он управлял только пенсиями в Мадриде, а в остальных частях страны за пенсии отвечали сберегательные кассы, которые со временем стали сотрудничать друг с другом [11, p. 25–26]. Страхование было добровольным [14, p. 19], но, несмотря на государственную поддержку, добровольное участие в пенсионных схемах было очень мало распространено, а выплаты были скудными. Поэтому в 1919 г. страхование стало обязательным. В финансировании схемы участвовало государство, работник и работодатель, пенсии выплачивались после 20 лет взносов [11, p. 27–28]. Согласно закону 1919 г., пенсии обеспечивались за счет накоплений, а с 1939 г. выплаты производились по мере поступления взносов. Если изначально работник платил фиксированные взносы, то в 1939 г. согласно закону работодатель платил взносы пропорционально зарплате [14, p. 36–37].

В 1923 г. государство обещало субсидировать компании, которые будут выплачивать пособия по безработице, а в 1931 г. для координации субсидий был создан Национальный фонд по вынужденной безработице. Страхование от несчастных случаев предоставляли коммерческие компании и фонды взаимопомощи на предприятиях. В начале 1930-х гг. страховку стали получать сельскохозяйственные работники. Для тех, кто не был застрахован работодателем или чей страховщик оказался неплатежеспособным, был создан Национальной фонд несчастных случаев на производстве.

С начала XX в. также развивалась семейная политика. В 1923 г. было учреждено пособие по беременности и родам. В 1926 г. были введены, а в 1943 г. расширены субсидии на жилье, образование, транспорт для семей с 4 и более детьми. Страхование материнства стало обязательным с 1931 г. [11, p. 27–28]. Закон от 18 июля 1938 г. создавал систему семейных выплат сотрудникам предприятий. В 1941 г. были введены пособия, выплачиваемые при рождении детей, а в 1948 г. – льготные займы на свадьбу для молодых пар, которые снижались на 25 % за каждого рожденного ребенка. Отдельные предприятия платили пособия тем семьям, в которых жена не работала [14, p. 34–36]. В 1942 г. была введена программа «Семейный плюс», в 1946 г. установлен порядок ее финансирования компаниями, а в покрытие включены все работники промышленности [11, p. 30]. Хотя в отдельные годы она обеспечивала до 10 % зарплат, снижение рождаемости, наблюдавшееся с 1920-х гг., не прекратилось [14, p. 35–36].

Согласно «Хартии труда» 1938 г., государственная социальная политика опиралась на работу синдикатов [13, с. 168], которые, наряду с обществами взаимопомощи, обеспечивали выплаты пенсии и коллективную защиту от инвалидности, безработицы. Использовались идеи солидарности и католической этики, а церковь выполняла задачи организатора. Бюджет государства оставался небольшим, чтобы налоги не вредили лояльности буржуазии [14, p. 29–33], три четверти страховых взносов платили работодатели [14, p. 37]. Различные акторы обеспечивали программы поддержки, но они не покрывали все население [13, с. 168]. Социальная защита зависела от места работы, законы затрудняли увольнение сотрудников. Действовал большой государственный сектор, предприятиям выдавались субсидии. Под эгидой синдикатов создавались центры обучения, строилось социальное жилье, санатории, амбулаторные клиники. Медицинская страховка была организована на базе страховых схем компаний. Здравоохранение стало правом в 1942–1944 гг., но к 1960 г. страховку имело только 45 % населения. Развивались частные медучреждения [14, p. 33–37].

В 1940-е гг. Испания изучает британский опыт и после улучшения состояния экономики планируется переход к универсалистской модели социальной защиты. В 1930-е гг. из-за кризиса доходы населения упали вдвое [14, p. 32–34]. Только в 1960-е гг. был достигнут уровень зарплат 1930-х гг. [14, p. 41] благодаря миграции испанцев из страны, снижению давления на рынок труда и развитию туризма, а также общему росту экономики: доходы бюджета в 1960–1975 гг. выросли в 10 раз [13, с. 171]. В 1961 г. было введено страхование от безработицы, ранее для предотвращения безработицы государство организовывало общественные работы [13, с. 175]. С 1960-х гг. упраздняются ограничения на право

работы для женщин. На основании трехсторонних соглашений – между рабочими, работодателями и государством – выплачивались материнские пособия, хотя их величина была незначительной [14, p. 34–35].

В образовании на некоторое время была восстановлена снизившаяся в начале XX в. роль церкви. Доля школ, которые контролировала церковь, возросла с 30 % в 1930-е гг. до 80 % в 1943 г. Но уже в 1960-е гг. три четверти учеников начальных классов обучалось за счет государства. 80 % учащихся средних классов состояли в частных школах, половина из которых принадлежала церкви. Развитие школьного образования в Испании шло достаточно медленно. К 1950-м гг. начальную школу посещало 50 % детей, среднюю – 10 % детей соответствующего возраста [14, p. 38], поскольку она была платной. В 1960-е было развернуто массовое строительство школ [14, p. 46–47], а в 1970 г. был принят первый с 1857 г. всеобъемлющий закон об образовании. Среднее образование стало бесплатным и обязательным, были объединены системы образования для детей 6–14 лет, также уделялось внимание профессиональному образованию [7, p. 12]. Бедным учащимся были предложены стипендии, частные школы получали субсидии. Однако даже в 1970-е гг. охват оставался неполным [14, p. 46–47].

Покрытие социальными услугами было неоднородным для разных категорий населения – различались собираемые взносы, а также услуги, качество которых чаще было невысоким [14, p. 38]. В 1960 г. была проведена систематизация секулярной помощи нуждающимся, был создан фонд для выплаты дополнительных пенсий малоимущим, введены субсидии на жилье [14, p. 43]. В 1963 г. был принят закон о социальном страховании, который объединял программы поддержки в единую систему, за счет чего государство переходило от государственной благотворительности к социальному обеспечению, а вместо термина *помощь* стал использоваться термин *услуга* [13, с. 176–177]. Социальная политика впервые стала основной статьей бюджетных расходов Испании. Постепенно в систему социальной защиты включались работники сельского хозяйства и самозанятые. Коммерческие страховые схемы были упразднены, а их обязательства, а также программы предприятий были интегрированы с государственной системой. Пособия для семей, которые выдавались, если женщина в семье не работала, были упразднены и заменены выплатами, основанными на взносах, и единовременными выплатами. В 1962 г. была принята программа массового строительства больниц. Если в 1960 г. из средств социального обеспечения оплачивалось 10 % коек, то в 1970-е гг. – 25 %. Доля людей со страховкой за 1970-е гг. возросла с 50 % до 75 % [14, p. 43–47]. Покрытие социальными программами расширилось, но его качество снизилось [14, p. 45]. В 1971 г. была принята программа строительства домов престарелых, развивалась служба социальных работников [13, с. 180]. В 1974 был установлен минимальный размер пенсий [14, p. 45].

Налоги во второй половине XX в. были сравнительно низкими, из-за чего возможности увеличивать объемы социальной поддержки были ограничены. Налоговые льготы практически не использовались, а система социальной защиты финансировалась из страховых взносов и косвенных налогов на предметы массового потребления. Вследствие общего улучшения экономической конъюнктуры, социальные расходы в Испании с 1959 по 1975 гг. выросли с 4 % до 12 % ВВП. В 1960 г. треть средств бюджета направлялась на социальные нужды, в 1973 г. эта доля увеличилась до 2/3. Число пенсионеров выросло в 8 раз с 1960 по 1973 гг., расходы на пенсии выросли с 2 до 4 % ВВП. Также к 1975 г. до 4 % ВВП выросли расходы на здравоохранение.

В 1970-е гг. Испания вошла в 10 ведущих промышленных экономик мира. Однако расходы Испании на социальные программы отставали от среднеевропейских вдвое, 25 % работников являлись поденщиками на селе, уровень неграмотности был высоким, а зарплата на селе была вдвое ниже средней по стране. Исчезли традиционные сети взаимопомощи, присутствовал сильный разрыв между богатыми и бедными [14, p. 48–51]. Страховые взносы платились работодателями, которые жаловались властям на снижение конкурентоспособности и часто уклонялись от платежей [14, p. 64–65]. К 1975 г. почти 90 % населения имело доступ к социальной защите в той или иной форме. Средние пособия были низкими из-за отсутствия индексации. Уровень здравоохранения зависел от региона, его качество было низким, время ожидания – длительным. До 40 % пациентов обращались в частные клиники [14, p. 53].

Согласно конституции 1978 г., в Испании был взят курс на универсалистскую социальную политику, но фактически модель совмещала ряд подходов – финансирование через налоги Британии, страховые схемы Германии и признание роли частных фондов либеральной модели [14, p. 63]. Вместо Национального института социальной политики в 1978 г. был создан Национальный институт социальной защиты и агентства по здравоохранению, социальным услугам и безработице.

Уровень безработицы рос, поскольку испанцы-мигранты возвращались в страну из-за кризиса в Европе [14, p. 65–66]. Объем и охват пособий по безработице в Испании отставали от среднеевропейских [14, p. 51], хотя в конце 1970-х – начале

1980-х гг. расходы на пособия выросли втрое, а пенсии – почти вдвое. Темпы экономического роста снизились, вырос дефицит госбюджета [14, p. 68–70]. В конце 1970-х гг. инфляция в Испании была сильнейшей в Европе. Сокращалась индексация страховых взносов, но вводились субсидии для индексации выплат [14, p. 60]. В 1980-е гг. в стране снова росла экономика, число безработных снижалось [14, p. 76]. В 1985 г. минимальный срок взносов для выхода на пенсию был увеличен с 10 до 15 лет [13, с. 81], а максимального объема пенсия достигала после 35 лет подтвержденной выплаты взносов [21, p. 45–30]. Отчисления на пенсию были привязаны к инфляции [14, p. 82].

Реформы 1984 и 1986 гг. превратили страховую модель здравоохранения в финансируемую из налогов государственную систему, которая объединила большинство медицинских организаций. В рамках новой конституции 1978 г. в 1982–2002 гг. шла передача полномочий в области здравоохранения автономным регионам [15, p. 192]. Испания тратит на здравоохранение несколько меньше, чем другие страны Европы, – около 9 % против 10–11 % ВВП, а доля частных расходов Испании выше – 30 % против 15–20 % [30, p. 45–47]. Дополнительную нагрузку создает приток мигрантов и старение населения, высокие траты на лекарства. Сохраняются длительные сроки ожидания медицинской помощи и дисбаланс между регионами [22]. Многие госпитали по-прежнему остаются частными, а первичное звено почти полностью контролируется государством [30, p. 79]. Частной медицинской страховкой пользуется 25 % населения [30, p. 68].

В 1980-е гг. 40 % школ были частными [14, p. 67], в настоящее время их число составляет около 30 % и их субсидирует государство [31, p. 31]. Закон 1990 г. продлевал всеобщее бесплатное образование до 16 лет и поддерживал профессиональное образование [7, p. 15]. Универсализация и государственное финансирование дошкольного образования в Испании позволили сделать его одним из лучших в Европе как с точки зрения покрытия (почти 100 % для детей старше 3 лет), так и качества (к педагогам предъявляются те же требования, что и к учителям начальных классов) [21, p. 88–89].

В 1980-е гг. в Европе социальные траты стагнировали, а в Испании быстро росли и почти достигли среднего по Европе уровня [11, p. 39], но снизились в 1990-е гг. из-за правил Евросоюза по дефициту бюджета. В 1995 г. парламент Испании принял «Толедский пакт» для стабилизации социального государства, увеличивая размер взносов для получения пенсий [15, p. 196]. Дефицит социальной системы, усилившийся в начале 2010-х гг., создает дисбаланс бюджетов всех уровней. В доходах государства взносы, поступающие в Социальный фонд, составляют 38 %, НДС – 26 %, НДФЛ – 24 %, корпоративные налоги – 5 %, налоги на собственность – 7 %. 60 % расходов бюджета направляется на социальные нужды [18, с. 108–109]. На образование Испания тратит 4 % ВВП против 5 % по Европе [31, p. 31]. На пенсии по старости – около 9,5 % ВВП, что чуть ниже, чем 11 % в среднем в Европе. На пенсии вдовам и вдовцам – 2,3 % против 1,5 %. Пенсии по инвалидности – 1,7 %, как и в среднем в Европе. Семейные пособия – 1,3 % против 2,4 %. Жилищные пособия – 0,1 % против 0,6 % [32, p. 6]. Расходы на пособия по безработице подвержены колебаниям, в последние десятилетия они составляли от 1,5 до 3 % ВВП [31, p. 19]. В среднем они выше, чем в Европе [32, p. 7], хотя и сократились из-за того, что число безработных за 2010-е гг. снизилось почти вдвое, возросла доля длительных контрактов. Была разработана частно-государственная система подготовки для обеспечения занятости молодежи: если в Европе доля молодежи с профессиональным образованием составляет 25 %, в Германии – 40 %, то в Испании – всего 12 % [18, с. 105–108]. Работодатели получают единовременные субсидии размером до 4 средних зарплат, а также льготы на взносы в фонд социального страхования до 40 % при найме граждан, которые состоят на учете в Государственной службе занятости. Растет доля пенсионеров, и пенсионные взносы в начале 2010-х гг. стали ниже, чем выплаты, из-за чего в 2018 г. пенсионный возраст был повышен до 67 лет, а выплата взносов продлена до 37 лет [19, с. 18–19]. Частным пенсионным страхованием пользуется до трети населения [21, p. 32].

Некоторые регионы имеют особые налоговые полномочия, в т.ч. по исполнению социальных обязательств. Программы поддержки нуждающимся были заимствованы страной Басков из Франции в 1988 г., а затем переняты другими регионами. Программы включают выплату пособий для лиц с доходом ниже определенного минимума; условия получения, длительность и объем выплат зависят от региона. Также программы содействуют занятости граждан [27].

Заключение

В развитии системы социальной поддержки Испании можно выделить 4 основных этапа. В первый период, в доиндустриальную эпоху, помощь предоставлялась силами церкви и муниципалитетов, а с XVI в. центральные власти пытались укрупнять учреждения здравоохранения и устанавливать общие для страны правила. Второй период приходится на XIX в., когда начинает создаваться единая система управления социальной помощью. Третий период – введение страховых систем

по образцу других стран Европы в начале XX в. Четвертый период – с 1960-х гг. – создание государства всеобщего благосостояния по примеру Германии, Франции и Британии. Отличительной особенностью Испании было государственное вмешательство и централизация при региональных различиях. В Арагоне светские власти взяли на себя обязательства по организации помощи раньше, чем в Кастилии. Благодаря более развитой экономике в стране Басков и Каталонии регионы имеют больше ресурсов для решения социальных задач и используют свои социальные программы. Некоторые инициативы появились в Испании раньше, чем в других странах Европы. Однако в основном Испания перенимала чужой опыт, быстро адаптировала его под свои нужды и, начав строительство социального государства позже, чем другие страны, во второй половине XX в., смогла догнать их, несмотря на сложности в экономике.

Недочеты испанского социального государства и рост дефицита бюджета из-за социальных обязательств связаны с исторически сложившейся картиной занятости в Испании: строгими ограничениями рынка труда до 1960-х гг. и стрессом от его либерализации; миграционными потоками, разгружавшими рынок труда в 1950-е, а затем перегружавшими его с 1970-х гг.; снижением конкурентоспособности промышленности страны из-за невозможности девальвировать свою валюту в 1990-е гг.

Наконец, пример испанского социального государства демонстрирует силу «эффекта колеи» в социальной политике. Ужесточение правил предоставления выплат сменяется увеличением социальной поддержки в зависимости от экономической конъюнктуры. Очевидный дефицит средств в системе социального обеспечения приводит лишь к незначительным сокращениям, т.к. социальная поддержка стала восприниматься как неотъемлемая функция государства.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения государственного задания ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).
Funding: The article is a part of the State Academic University for the Humanities state task on the topic "Contemporary Information Society and Digital Science: Cognitive, Economic, Political and Legal Aspects" (FZNF-2020-0014).

Литература / References

1. Сидорина Т. Ю. История и теория социальной политики. Москва: РГГУ, 2012. 555 с. [Sidorina T. Yu. *History and theory of social policy*. Moscow: RSUH, 2012, 555. (In Russ.)]
2. Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. Cambridge: Polity Press, 1996, 257.
3. Ferrera M. The "southern model" of welfare in social Europe. *Journal of European Social Policy*, 1996, 6(1): 17–37. https://doi.org/10.1177/095892879600600102
4. *The Mediterranean welfare regime and the economic crisis*, eds. Moreno-Fuentes F. J., Mari-Klose P. Abingdon: Routledge, 2014, 182.
5. Arrizabalaga J. Poor relief in counter-reformation Castile: an overview. *Health care and poor relief in counter-reformation Europe*, eds. Arrizabalaga J., Cunningham A., Grell O. P. N. Y.: Routledge, 2005, 151–176.
6. Carasa P. Welfare provision in Castile and Madrid. *Health care and poor relief in 18th and 19th century Southern Europe*, eds. Grell O. P., Cunningham A., Roeck B. Abingdon: Routledge, 2017, 96–120.
7. Fernández Espinosa V. History of education reforms in Spain. *Analele Universitatii din Craiova. Istorie*, 2022, (1): 7–23.
8. Fernández Herrero M. Proceso de convivencia y sustitución de las instituciones eclesiásticas por las civiles en la acción social del estado liberal. *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*, 2007, (118): 27–63. https://doi.org/10.2307/40184796
9. Vilar-Rodriguez M., Pons-Pons J. The long shadow of charity in the Spanish hospital system, c. 1870–1942. *Social History*, 2019, 44(3): 317–342. http://dx.doi.org/10.1080/03071022.2019.1618577
10. Cabrera M. A. The discursive origins of the welfare state: Spanish social reformism, 1870–1900. *Journal of Social History*, 2019, 52(4): 1165–1184.
11. Comín F. Los seguros sociales y el estado de bienestar en el siglo XX. *Los orígenes del estado de bienestar en España, 1900–1945*, eds. Pons Pons J., Rodríguez J. S. Zaragoza: Prensas Universitarias de Zaragoza, 2011, 17–50.

12. Espuelas S. A difficult consensus: the making of the Spanish welfare state. *Standard of living. Essays on economics, history, and religion in honor of John E. Murray*, eds. Gray P., Hall J., Herndon R. W., Silvestre J. Cham: Springer, 2022, 119–139. https://doi.org/10.1007/978-3-031-06477-7_6
13. Филатов Г. А. Франсиско Франко и социальная политика в Испании в 1960–1970-е гг. *Латиноамериканский исторический альманах*. 2020. № 28. С. 165–185. [Filatov G. A. Francisco Franco and social policy in Spain in the 1960–1970s. *Latin-American Historical Almanac*, 2020, (28): 165–185. (In Russ.)] https://doi.org/10.32608/2305-8773-2020-28-1-165-185
14. Mangen S. P. *Spanish society after Franco. Regime transition and the welfare state*. Basingstoke: Palgrave, 2001, 242. https://doi.org/10.1057/9781403940216
15. Guillén A. M. Defrosting the Spanish welfare state: the weight of conservative components. A long goodbye to Bismarck? *The politics of welfare reform in Continental Europe*, ed. Palier B. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010, 183–206.
16. Velasco R. *Las fisuras del bienestar en España*. Madrid: Los Libros de la Catarata, 2019, 283.
17. De La Concepcion Gonzalez-Rabanal M. Challenges of the welfare state: the Spanish case. *Journal of International Business Research and Marketing*, 2021, 6(5): 7–10.
18. Понеделко Г. Н. Финансово-экономическая и социальная политика Испании в новых условиях. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2022. № 5. С. 102–112. [Ponedelko G. N. Financial, economic and social policy of Spain in the new conditions. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IYE RAN*, 2022, (5): 102–112. (In Russ.)] https://doi.org/10.15211/vestnikieran52022102112
19. Цапина Е. А. Особенности и проблемы современного социально-экономического развития королевства Испания. *Chronos*. 2022. Т. 7. № 3. С. 16–21. [Tsapina E. A. Features and challenges of modern social and economic development of the kingdom of Spain. *Chronos*, 2022, 7(3): 16–21. (In Russ.)] https://elibrary.ru/uqmmav
20. Ермольева Э. Г., Кудеярова Н. Ю. Испания в многомерном кризисе: социальная проекция демографических тенденций. *Современная Европа*. 2021. № 4. С. 129–139. [Ermolieva E. G., Kudeyarova N. Yu. Spain in a multidimensional crisis: a social projection of demographic trends. *Contemporary Europe*, 2021, (4): 129–139. (In Russ.)] https://doi.org/10.15211/soveurope42021129139
21. *Economic crisis and austerity in Southern Europe: threat or opportunity for a sustainable welfare state*, eds. Petmeisidou M., Guillén A. M. Abingdon: Routledge, 2015, 136.
22. *The Spanish welfare state in European context*, eds. Guillén A. M., León M. Farnham: Ashgate Publishing, 2011, 322. http://dx.doi.org/10.4324/9781315552552
23. Albesa Jové E. *Análisis comparado de las reformas en los sistemas europeos de cuidados de larga duración (2008–2017): los casos de Alemania, Inglaterra, Suecia y España*. Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas, 2021, 272.
24. De La Peña Esteban J. I., Peña-Miguel N. Rethinking social welfare in Spain: a basic pension for everyone. *Economic Research*, 2018, 31(1): 1737–1757. https://doi.org/10.1080/1331677X.2018.1480402
25. Noguera J. A. The political debate on basic income and welfare reform in Spain. *Social Policy and Society*, 2019, 18(2): 289–299. https://doi.org/10.1017/S1474746418000271
26. Alonso-Garcia J., Rosado-Cebrian B. Financial crisis and pension reform in Spain: the effect of labour market dynamics. *Journal of Economic Policy Reform*, 2021, 24(2): 201–218.
27. Ayala L., Herrero A., Martinez-Vazquez J. Welfare benefits in highly decentralized fiscal systems: evidence on interregional mimicking. *Papers in Regional Science*, 2021, 100(5): 1178–1208. https://doi.org/10.1111/pirs.12605
28. Vives J. L. *On assistance to the poor*. Toronto: University of Toronto Press, 1999, 71.
29. López Terrada M. L. Health care and poor relief in the crown of Aragon. *Health care and poor relief in counter-reformation Europe*, eds. Arrizabalaga J., Cunningham A., Grell O. P. N. Y.: Routledge, 2005, 177–200.
30. Bernal-Delgado E., García-Armesto S., Oliva J., Sánchez Martínez F. I., Repullo J. R., Peña-Longobardo L. M., Ridao-López M., Hernández-Quevedo C. Spain: Health system review. *Health Systems in Transition*, 2018, 20(2): 1–179.
31. Alloza M., Brunet J., Forte-Campos V., Moral-Benito E., Pérez J. J. *Government spending in Spain from a European perspective*. Documentos Ocasionales № 2217. Madrid: Banco de Espana, 2022, 60.
32. Vtyurina S. *Effectiveness and equity in social spending: the case of Spain*. IMF Working Paper № 2020/016. Washington: International Monetary Fund, 2020, 27.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Эволюция военной политики Франции

Смирнова Ольга Анатольевна
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород
oasmirnova64@mail.ru

Шпиговская Милена Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург
https://orcid.org/0009-0007-9536-7217

Поступила 31.08.2023. Принята после рецензирования 22.09.2023. Принята в печать 02.10.2023.

Аннотация: Статья посвящена исследованию эволюции военно-политического курса Пятой Французской республики. Авторы дают комплексный анализ четырех редакций «Белой книги» Франции (1972, 1992, 2008, 2013 гг.), являющихся концептуальными основаниями стратегии обеспечения обороны и национальной безопасности страны. Особое внимание уделяется изучению таких аспектов, как влияние внутриполитической ситуации, международно-политических и экономических процессов, а также членства в Европейском союзе и Североатлантическом альянсе на формирование оборонной политики Франции. Методологическую основу исследования эволюции военной политики Франции составил системный подход, заключающийся в комплексном изучении стратегии обороны и национальной безопасности Пятой республики как части глобальной европейской архитектуры безопасности, все составляющие которой тесно связаны. Кроме того, для решения поставленных задач применен комплекс общенаучных методов: конкретно-исторический метод, а также индукция, дедукция, контент-анализ и сравнительный анализ нормативно-правовой документации Пятой республики в сфере обеспечения национальной обороны и безопасности, которые позволили выявить элементы особенности и преемственности военно-политического курса Франции. С помощью прогнозирования, а также статистического метода, базирующегося на официальных данных правительственных ведомств и научно-исследовательских центров, авторы дали оценку состоянию вооруженных сил Французской республики. Формулируется вывод о том, что чрезмерная вовлеченность вооруженных сил Франции в различные внешние и внутренние военные операции, сопровождаемая сокращением численности личного состава и ухудшением его оснащения, приводит к ослаблению боевого потенциала Парижа.

Ключевые слова: Франция, Белая книга, национальная оборона, национальная безопасность, военно-политическая стратегия, Европейский союз, Североатлантический альянс, вооруженные силы, оборонный бюджет

Цитирование: Смирнова О. А., Шпиговская М. В. Эволюция военной политики Франции. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 4. С. 434–442. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-434-442

full article

Evolution of French Military Policy

Olga A. Smirnova
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia, Nizhny Novgorod
oasmirnova64@mail.ru

Milena V. Shpigovskaya
St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg
https://orcid.org/0009-0007-9536-7217

Received 31 Aug 2023. Accepted after peer review 22 Sep 2023. Accepted for publication 2 Oct 2023.

Abstract: The article studies the evolution of the military-political course of the French Fifth Republic. The authors provide a comprehensive analysis of the four editions of the French White Paper, which are the conceptual foundations of the country's defense and national security strategy. Particular attention is paid to the impact of the domestic political situation, international political and economic processes, as well as membership in the European Union and the North Atlantic Alliance on the formation of France's defense policy. The methodological basis for the study of the French military policy evolution is a systematic approach: a comprehensive study of the Fifth Republic's defense and national security strategy as parts of the global European security architecture, which consists of closely related components. In addition the authors use the concrete-historical method, as well as induction, deduction, content analysis and comparative analysis of the Fifth Republic's regulatory and legal documentation in the field of national defense and security, which allowed identifying elements of the specifics and continuity of the military-political course of France.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

With the help of forecasting, as well as a statistical method based on official data from government departments and research centers, the authors assessed the state of the French Republic Armed Forces. The excessive involvement of the French armed forces in various external and internal military operations, accompanied by a reduction in the number of personnel and deterioration of their equipment, weakens of the combat potential of Paris.
Keywords: France, White Paper, national defense, national security, military-political strategy, European Union, North Atlantic Alliance, armed forces, defense budget

Citation: Smirnova O. A., Shpigovskaya M. V. Evolution of French Military Policy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 434–442. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-434-442

Введение

Во многом 2022 г. стал переломным для международного сообщества. Вооруженные конфликты, пандемия, нехватка продовольствия, растущее неравенство и все более чрезвычайная климатическая ситуация стали беспрецедентным испытанием для различных акторов международных отношений и послужили проверкой эффективности их стратегий поведения. В то время как вопрос обеспечения безопасности вновь занял ключевое место в глобальной повестке, российско-украинский конфликт продемонстрировал не только несостоятельность такой универсальной организации как ООН, но и стран коллективного Запада, которые так гордятся своим наследием в области искусства дипломатии, однако совершенно неспособны сесть за стол переговоров. Очевидно, что на современном этапе урегулирование конфликтов сопровождается применением военной силы и экономическим давлением, перед лицом которых уязвимы даже великие державы.

Помимо того, что невоенные методы конфронтации быстро стали неотъемлемой частью глобальной экономической, финансовой, информационной и геополитической реальности и продолжают втягивать Запад, особенно его европейскую составляющую, во все более и более глубокий системный кризис, вооруженные силы Старого Света, которые были вдвое сокращены в конце холодной войны и объединены в Североатлантический альянс (НАТО), подтвердили необходимость давно назревающей перестройки. Франция, чья современная стратегия национальной обороны и безопасности все еще базируется по большей части на «Белой книге» 2013 г., оказалась недостаточно подготовленной и даже бессильной в некоторых вопросах. Действительно, кажется, что Европа сегодня ориентируется на главную антиевропейскую державу современной истории – США[1].

С практической точки зрения тема актуальна, т. к. исходя из многочисленных случаев террористических атак и регулярных беспорядков, организованных прибывшими и продолжающими прибывать во Францию мигрантами, можно говорить о кризисе и неэффективности французской модели организации обороны, обеспечения национальной безопасности и урегулирования кризисов в странах проведения операций по поддержанию мира. Все это определяет академический интерес к детальному изучению стратегии национальной обороны и безопасности Пятой республики, в особенности ее концептуальных оснований. Мы считаем, что описание основных моделей, а также институциональной и нормативно-правовой баз оборонной политики Франции на разных этапах помогут понять истоки и причины ее кризиса.

В этом смысле необходимо отметить, что оборонная политика Франции, ее становление, а также особенности на разных этапах развития являются объектом исследования ряда отечественных и зарубежных специалистов по международным отношениям, историков, политологов и журналистов. Инициативы Франции по вопросам строительства европейской автономии подробно исследуются в работах К. П. Зуевой и П. П. Тимофеева, Ю. И. Рубинского, И. М. Литвинова, С. М. Федорова, В. Н. Чернеги, А. Ю. Чихачева [1–7]. С одной стороны, как отмечает А. Ю. Чихачев, на современном этапе во внешнеполитическом курсе Франции, во многом благодаря личности нынешнего президента, его динамичности и инициативности, прослеживается некоторая преемственность реалистичного и прагматичного стиля дипломатии главной политической фигуры в истории Пятой республики – Шарля де Голля [7]. В данном контексте важно также упомянуть труды В. Н. Чернеги, посвященные сохраняющейся позиции Франции по вопросу нераспространения ядерного оружия, а также собственной доктрине сдерживания, согласно которой ее ядерный потенциал имеет ключевое значение в сохранении гарантий

[1] Perra D. Crise militaire, énergétique et alimentaire. *Réseau International*. URL: https://reseauinternational.net/crise-militaire-energetique-et-alimentaire/ (accessed 21 Jun 2023).

безопасности не только Франции, но и ее партнеров по ЕС и НАТО [8]. С другой стороны, С. М. Федоров делает акцент на исключительном влиянии идеологических традиций евроатлантизма в процессе формирования внешней и оборонной политики Франции. Это подразумевает постепенный отказ от самостоятельности и национальной геополитической идентичности в пользу углубления стратегической интеграции на европейском и атлантическом уровне [5].

Отдельно следует также выделить труды ученых ННГУ им. Н. И. Лобачевского, посвященные различным аспектам стратегии французской обороны и безопасности. Так, В. В. Толкачев анализирует военную политику Парижа с исторической точки зрения и рассматривает ее как неотъемлемую составляющую европейской интеграции [9], в то время как О. А. Смирнова и Д. М. Золина сосредотачиваются на изучении современной стратегии Франции, фокусируясь на «Белой книге» 2013 г. и ее практической реализации в виде военных операций на Африканском континенте [10; 11].

В целом, можно констатировать, что в отечественном дискурсе делается особый акцент на сочетании голлистских и евроатлантических традиций как особенности французской модели стратегии национальной обороны и безопасности. Отмечается, что данные сосуществующие, но противоречащие друг другу установки перед лицом новых вызовов демонстрируют неэффективность оборонной стратегии.

Что касается западных экспертов, стоит обратить внимание на работы Д. Кольяра, А. Лебефа и П. Буффо [12–14]. Их исследования имеют особое значение для французской внешней и внутренней политики, поскольку они не только вносят теоретический вклад, но и имеют прикладной характер. Эксперты единогласно заявляют о том, что внутренняя безопасность неотделима от внешней, поэтому борьба с терроризмом не должна ограничиваться лишь национальными границами. Вооруженные силы, в свою очередь, являются основной опорой Республики в данном противостоянии и, следовательно, нуждаются в наращивании численности всех видов войск.

В то время как разработка «Белых книг» в качестве концептуальных документов по вопросам национальной обороны и безопасности впервые вошла в практику в 1957 г. в Великобритании, во Франции первая военная доктрина такого формата появилась лишь в 1972 г. С тех пор было выпущено еще три «Белых книги», закрепляющих основные направления государственной политики в сфере обеспечения безопасности (в 1994, 2008 и 2013 гг.). Как правило, они подготавливаются специальной комиссией и состоят из 3-х основных частей: описание стратегической среды с учетом актуальных рисков и угроз; определение сущности оборонной политики; задачи в области личного состава, материально-технического обеспечения и бюджетных ассигнований [15].

Внутриполитический контекст

Главным автором первой «Белой книги» 1972 г. был Мишель Дебре, первый Премьер-министр Пятой республики и человек, отвечающий за национальную оборону во время президентства Жоржа Помпиду. Ему было поручено руководить редакционной комиссией этого документа, информация о содержании и функциях которого оставалась засекреченной.

Несмотря на то, что официально Ж. Помпиду не вмешивался в процесс разработки военной доктрины, нельзя недооценивать его роль в оборонной политике Франции, поскольку при создании последующих официальных документов главы государства будут не только контролировать процесс, но и назначать председателя и членов комиссии, ответственной за составление «Белой книги». Главная мотивация М. Дебре в публикации «Белой книги» носила прежде всего политический, а не стратегический характер: он хотел закрепить доктрину ядерного сдерживания Ш. де Голля и предотвратить попытки следующих лидеров Франции ее модифицировать [12].

Президент Франсуа Миттеран и вовсе не считал нужным публиковать оборонный документ в течение 2-х своих сроков. Инициатива составления «Белой книги» Миттерана – Балладюра (1994 г.) принадлежала премьер-министру Эдуару Балладюру. Его активное участие в редакционной комиссии объяснялось прежде всего его личными политическими амбициями. Так, в преддверии президентских выборов 1995 г. это была хорошая возможность зарекомендовать себя в качестве опытного и надежного кандидата [2].

Следующий президент Николя Саркози еще во время своей предвыборной кампании в мае 2007 г. заявил, что предложит разработать совершенно новый документ по вопросам национальной обороны и безопасности, т. к. предыдущий, датированный 1994 г., устарел. За 14 лет международная обстановка кардинально изменилась, а новая доктрина должна была послужить основой закона о военном планировании на 2009–2014 гг. Так, в письме Жан-Клоду Малле, председателю комиссии по «Белой книге», созданной 23 августа 2007 г., Н. Саркози четко поставил цель – создать обновленную всеобъемлющую стратегию национальной обороны и безопасности, которая гарантирует защиту государственных интересов Франции перед лицом любых внешних стратегических угроз

и вызовов [16]. Первый доклад о ходе работы был представлен президенту 4 января 2008 г., задолго до официальной публикации новой «Белой книги» 7 июня того же года. Можно констатировать, что Н. Саркози принимал активное участие в рассмотрении различных версий доктрины и принятии ее финальной редакции.

О создании комиссии для подготовки «Белой книги» по вопросам национальной обороны и безопасности, действующей в настоящее время, объявил министр обороны Жан-Ив Ле Дриан 6 июня 2012 г. Согласно плану работы комиссии, правительству было дано 6 месяцев на то, чтобы выработать новую военную стратегию страны. Президент Франсуа Олланд изложил комиссии свое видение во время выступления в министерстве обороны 13 июля 2012 г.: он подтвердил французскую стратегию ядерного сдерживания (полностью подконтрольная президенту область) и определил 4 направления работы для комиссии. Во-первых, необходимо было восстановить согласованность между миссиями, форматом и оснащением армии, прежде всего, для экономии средств в оборонном бюджете. Вторая сфера внимания – разведка, третья – военно-промышленный комплекс, четвертая – личный состав [10; 11]. «Белая книга» по национальной обороне и безопасности Ф. Олланда была опубликована 29 апреля 2013 г., почти на 4 месяца позже запланированного графика и, по сравнению с документом 2008 г., менее объемная (160 вместо 350 страниц).

Внешнеполитическая среда

Французские «Белые книги» состоят из 3-х основных частей, первая из которых посвящена описанию геостратегического контекста и внешних рисков и угроз, во многом влияющих на решения, принимаемые в области оборонной политики.

«Белая книга» 1972 г. была выпущена в разгар холодной войны, характеризующейся биполярной системой, в которой доминировали две сверхдержавы – Соединенные Штаты и Советский Союз. Конкуренция велась в рамках военно-политических и экономических альянсов: НАТО под руководством США; Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организация Варшавского договора (ОВД) во главе с СССР. Стоит отметить, что с 1972 г. наблюдается преемственность концепции ядерного сдерживания для защиты жизненно важных интересов Франции в связи с риторикой НАТО в отношении контроля национального потенциала Республики. Сдерживание не является предметом обсуждения, поэтому Франция будет поддерживать свои ядерные силы на основе строгого обеспечения двумя ядерными компонентами (воздушным и морским) [4].

«Белая книга» 1994 г. была выпущена уже после холодной войны: 9 ноября 1989 г. была окончательно разрушена Берлинская стена, 3 октября 1990 г. произошло воссоединение Германии, 31 марта 1991 г. распалась ОВД, а 26 декабря 1991 г. – СССР, после чего было создано Содружество независимых государств (СНГ). Таким образом, стратегический контекст значительно изменился. На международной арене осталась только одна сверхдержава, Россия на тот момент не представляла военной угрозы. Не смотря на это, НАТО не исчезла. Напротив, саммит НАТО в Риме 7–8 ноября 1991 г. утвердил новую концепцию организации и утвердил в качестве одной из основных ее миссий увеличение возможностей проецирования сил с целью проведения операций по поддержанию мира, что вынудило вооруженные силы европейских стран перейти на «профессиональную» армию [6; 9]. Эта мера не была предусмотрена в «Белой книге» 1994 г., данное решение было принято в 1996 г. новым президентом Жаком Шираком.

Если предыдущий документ ознаменовал окончание холодной войны, то доктрина 2008 г. была призвана отразить процессы глобализации, которые теперь конструируют международные отношения. После событий в США 11 сентября 2001 г. борьба с терроризмом выходит на первый план и становится приоритетной задачей. Кроме того, тогда же Россия начала возвращаться на международную арену в качестве великой державы. Теоретическим основанием документа послужила концепция стратегии национальной безопасности, заимствованная у США. Отмечается, что традиционное различие между внутренней и внешней безопасностью больше неактуально, что подразумевает комплексный подход к определению национальной безопасности страны. Подчеркивается, что Франция должна сосредоточиться на довольно обширном географическом пространстве, простирающемся от Атлантического до Индийского океана, и прилагать усилия по укреплению влияния в таких регионах особой важности, как Средиземноморье, Северная Африка, Сахаро-Сахельский регион и Ближний Восток [2; 3].

В момент работы над «Белой книгой» 2013 г. феномен глобализации был более чем актуален, т. к. международная обстановка стала еще более изменчивой и непредсказуемой. Именно поэтому президент Ф. Олланд отмечал зависимость успеха военно-политической стратегии Франции от способности быстро адаптироваться. Так, например, мировой финансово-экономический кризис 2008–2012 гг. заставил государства корректировать свою позицию в области обороны и безопасности для экономии государственных средств в условиях ограничений. В доктрине 2013 г., закрепляющей современную военную

стратегию и ее 5 функций, изложенных в предыдущем официальном документе 2008 г., также был сделан акцент на том, что, несмотря на приверженность Франции принципу автономности в своих действиях, большинство внешних операций будут по-прежнему проводиться в составе коалиции [13; 17].

Положение ЕС и НАТО

В «Белой книге» 1972 г. был учтен выход Франции из военного командования НАТО. В ней уточняется, что Франция намерена принимать активное участие в защите Европы при возникновении локального кризиса и глобальной угрозы. Для этого, помимо ядерного сдерживания, существовала 1-я армия Франции, называемая также боевым корпусом, в общей сложности состоящим из 15 дивизий, оснащенных тактической ракетой-носителем «Плутон». Она поддерживалась тактическими военно-воздушными силами (French Tactical Air Force, FATAC), состоящими из 6 воздушных эскадрилий [8].

7 февраля 1992 г. был подписан Маастрихтский договор[2], положивший начало Европейскому союзу. Одной из трех опор нового союза стала Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ), а Западноевропейский союз (ЗЕС) являлся единственным компетентным учреждением в области обороны. Очевидно, что «Белая книга» 1994 г. должна была учесть сотрудничество Франции со странами, участвующими в европейском строительстве, особенно с Германией и Великобританией. В тексте уточнялось, что коллективная оборона Европы зависит от желания именно этих трех государств согласовать концепции своих национальных интересов в области безопасности путем углубления сотрудничества, при необходимости – путем объединения вооруженных сил. Концепция, изложенная в «Белой книге» 1994 г., признает, что европейцы должны иметь собственный военный потенциал при использовании уже существующих сил НАТО [18; 19]. Что касается Североатлантического альянса, Франция выражала готовность к участию не только в работе его политических структур, но и в операциях по поддержанию мира. Однако это не означало, что Париж был готов отказаться от своего особого статуса в военном командовании согласно принципам, заложенным в 1966 г. [14].

В официальном документе по вопросам национальной обороны и безопасности 2008 г. уже отражен прогресс в европейском строительстве. В соответствии с Ниццким договором 2001 г.[3], основная ответственность за миссии по урегулированию кризисов и общую политику в области безопасности и обороны (кроме ст. 5 Брюссельского договора о военной поддержке в случае атаки[4]) переходила от ЗЕС к новым политическим (Комитет по вопросам политики и безопасности ЕС) и военным (Военный комитет и Военный штаб ЕС) структурам. Кроме того, 12 декабря 2003 г. ЕС принял Европейскую стратегию безопасности и поддержал идею разработки общеевропейской «Белой книги по вопросам обороны и безопасности» [20; 21]. Обновление НАТО и укрепление ЕС представляют собой 2 аспекта одного и того же подхода Франции к вопросам обороны и безопасности, т. к. Париж всегда отстаивал идею взаимодополняемости этих двух организаций. Несмотря на то, что он не разделяет концепцию специализации Североатлантического альянса на операциях высокой интенсивности, НАТО стала эффективным инструментом расширения своего присутствия, поэтому в 2008 г. президент Н. Саркози в «Белой книге» заявил о намерении восстановить это стратегическое партнерство. Менее чем через год, 4 апреля 2009 г., на саммите НАТО в Страсбурге Франция объявила о своем возвращении в состав интегрированных военных структур блока, что уже не рассматривалось как подрыв ее национального суверенитета. Следовательно, несмотря на всевозможные разговоры об ОВПБ как об одной из трех опор ЕС, это воссоединение ознаменовало собой первенство НАТО в области обороны и безопасности, фактическую специализацию Европейского Союза на «мягкой силе»[5] [22].

В «Белой книге» 2013 г. отношениям Франции с ЕС и НАТО посвящена целая глава. Оборонная доктрина Ф. Олланда повторяет формулу, звучавшую в течение десяти предыдущих лет: НАТО и ЕС не конкурируют, а взаимодополняют друг друга, координируя усилия не только в рамках военных операций, но и в инициативах по объединению ресурсов и совместному использованию средств (Pooling and Sharing), а также «умной обороне» (Smart Defence) [5]. Так, Североатлантический альянс –

[2] Treaty on European Union (TEU) / Maastricht Treaty. *European Parliament*. URL: https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/in-the-past/the-parliament-and-the-treaties/maastricht-treaty (accessed 21 Jun 2023).

[3] Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts. *EUR-Lex*. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12001C/TXT (accessed 21 Jun 2023).

[4] Брюссельский пакт 1948 г. *Кафедра интеграционного и европейского права МГЮА*. URL: https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/bryusselskij-pakt-1948-g-perevod-i-kommentarij-k-yu-n-kalinichenko-p-a/ (дата обращения: 23.06.2023).

[5] Федоров С. М. Возвращение Франции в НАТО: дебаты и последствия. *Перспективы*. URL: https://www.perspektivy.info/print.php?ID=36181 (дата обращения: 21.06.2023).

это основа для военных действий, инструмент согласования процедур и общих стандартов в отношении материальных средств и вооружения, которые обеспечивают совместимость сил в рамках коллективной обороны. В то же время Франция не переставала призывать к возобновлению европейского строительства в области ОВПБ.

Финансовый аспект и вопрос вооруженных сил

С 1994 г. во Франции наблюдается сокращение оборонного бюджета. В 1972 г. он составлял 31,2 млрд франков или 3,13 % ВНП (ВВП еще не использовался при подсчетах), в 1994 г. –3,38 % ВВП и 2,4 % в 2008 г. «Белая книга» 2013 г. продолжает сокращать выделяемые государством средства. Например, ассигнования на закон о военном планировании на 2014–2019 гг. составили всего 179 млрд евро [23]. Однако сразу же стало очевидно, что такое финансовое положение не соответствовало поставленным задачам, поэтому в апреле 2015 г. правительству пришлось представить его обновленную версию. Что касается политики в области обороны и безопасности избранного в 2022 г. на второй срок Э. Макрона, то в связи с обострением международной обстановки и растущей угрозой применения силы он поручил пересмотреть оборонный бюджет в пользу его увеличения уже с 2017 г. до 295 млрд евро в соответствии с планом на 2019–2025 гг., а украинский кризис, обострившийся в феврале 2022 г., подтвердил хрупкость системы международных отношений и побудил президента принять решение повысить его до рекордных для Пятой республики 413 млрд евро на 2024–2030 гг. [24].

Численность вооруженных сил Франции также постоянно сокращается с 1994 г. Если возможности проецирования сил в «Белой книге» 1972 г. были не столь значительными (одна парашютно-десантная дивизия и одна бригада), военная доктрина 1994 г. предусматривала уже 120–130 тыс. человек (8–9 дивизий), что позволяло регулярно развертывать 2–3 дивизии. Стратегия Н. Саркози 2008 г. закрепляла 2 разные действующие силы: силы быстрого реагирования численностью 5 тыс. человек и контингент проецирования сил для проведения операций высокой интенсивности сроком до 1 года численностью 30 тыс. человек. В «Белой книге» 2013 г. численность первых сократилась до 2300 человек, вторых – до 15000 человек. Сокращение также затронуло ВВС и ВМФ Франции. Так, например, количество боевых самолетов уменьшилось с 450 в 1972 г. до 390 в 1994 г., с 270 в 2008 г. до 225 в 2013 г., а на службе ВМФ остался только один авианосец «Шарль де Голль» [1; 7].

Заключение

В то время как глобальные вызовы должны требовать большего сотрудничества со стороны государств, разрушение действующего международного порядка подрывается поведением субъектов, которые отдают предпочтение двусторонним договоренностям и оспариванию архитектуры безопасности. Комбинируя военные и невоенные, прямые и косвенные, законные и незаконные способы действий, все больше акторов современной системы международных отношений используют гибридные стратегии с целью оставаться вне открытого конфликта. Столкнувшись с такой нестабильностью международной системы, а также беспрецедентными увеличениями оборонных бюджетов, многие задаются вопросом, смогут ли «Белые книги» по вопросам национальной обороны и безопасности сохранить свою роль. Можно утверждать, что во Франции присутствует политическая заинтересованность в сохранении данной практики ввиду того, что разработка военной доктрины связана с привлечением большого числа сторон, что позволяет президенту Республики прийти к консенсусу в отношении системы обеспечения обороны и безопасности страны.

Принимая во внимание все 4 официальных документа Пятой Французской республики, можно констатировать, что концепция ядерного сдерживания в качестве гаранта национальной безопасности страны и ее роль в структурах НАТО проходят красной нитью через все четыре «Белые книги». Она основана на трех принципах, заложенных президентом Ш. де Голлем: полная независимость ядерных сил, свобода действий и постоянная свобода принятия решений. Вопросы финансирования, комплектования вооруженных сил и приоритетные направления оборонной политики Франции зависят от ситуации в мире, например, мировых финансово-экономических кризисов и внешнего долга, а также лиц, принимающих решения в области национальной обороны и безопасности, их приверженности той или иной идеологической традиции. Последняя «Белая книга» 2013 г. во многом была призвана стать новаторской в области военной стратегии. Выдвигая на первый план новую модель вооруженных сил Пятой республики, она отличалась большей эффективностью благодаря комплектованию видов войск по типам миссий, которые они выполняют (сдерживание, защита, антикризисное управление, принуждение и военные операции), что, в свою очередь, должно было способствовать экономии оборонного бюджета.

Что касается оборонной политики Франции, в данный момент, несмотря на то, что в Париже не идет

речи о пересмотре амбиций в сторону их понижения (несмотря на большие дебаты с оппозицией в Национальном Собрании, было принято решение увеличить оборонный бюджет с 295 до 413 млрд евро), нехватка финансовых средств ставит под сомнение возможность поддержания военного потенциала страны на уровне, позволяющем действовать автономно. Франция является единственной страной в Европейском союзе, имеющей статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, ядерное оружие, полноценную модель вооруженных сил и возможность первыми разворачивать войска на сложных театрах военных действий.

Однако в реалиях новой стратегической обстановки разрыв между задачами, поставленными перед армией, и имеющимися в ее распоряжении средствами увеличился настолько, что даже Париж столкнулся с трудностями в их выполнении. Поэтому необходимо, чтобы обновленная французская стратегия обеспечения национальной обороны и безопасности и модель вооруженных сил отражали гипотезу о возможности военного конфликта высокой интенсивности и предполагали инвестирование в новые области конфронтации – киберпространство, энергетика, космос и искусственный интеллект. Кроме того, нельзя не отметить, что свои усилия Париж должен согласовывать с европейскими партнерами, для которых он должен играть роль объединителя на фоне раскола блока стран Севера и Юга в экономических и финансовых вопросах, а также Востока и Запада из-за разногласий по поводу нелиберальной демократии и верховенства закона.

Устойчивость и автономия Франции невозможны без сотрудничества со странами Евросоюза, а укрепление инновационной и конкурентоспособной европейской оборонно-промышленной базы являются основными задачами для их достижения. Европейская безопасность остается неизменной целью Франции, с какими бы препятствиями она не сталкивалась. Для нее это единственный возможный ответ на рост угроз, формирование новых региональных блоков и смену приоритетов среди партнеров по НАТО. Так, например, на данный момент США уже сконцентрировали свое основное внимание на Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Обостренные ревизионистские амбиции, оппортунизм, кризисы в области здравоохранения и климата, а также развязывание гибридной войны высокой интенсивности прямо в центре Европы между Россией и коллективным Западом напоминают нам о глубокой взаимозависимости между национальной безопасностью и глобальными процессами, особенно в продовольственной, экономической и энергетической областях. Еще в начале своего первого президентского срока Э. Макрон в опубликованном в 2017 г. «Стратегическом обзоре» решительно подтвердил планы реинвестирования в национальные вооруженные силы и строительство европейской автономии с целью сохранения суверенитета в период глобальной «перебалансировки» сил[6]. Уже тогда было понятно, что политика безопасности Парижа терпит неудачу и нуждается в глубоком переосмыслении. Если Франция претендует на статус великой державы и одной из движущих сил Европейского союза, то необходимо не просто констатировать преемственность стратегического курса, а адаптировать его к проблемам и рискам разрушающегося мирового порядка. Иначе спустя 10 лет после своей победоносной операции «Сервал» по борьбе с терроризмом в Мали Пятая республика рискует бесславно завершить свою военную историю даже в важнейшей зоне интересов – Африке. В контексте ужесточения стратегической конфронтации, возвращения ядерного фактора в это соперничество и еще более широкого использования невоенных способов действий национальный подход должен быть последовательным, а также дополнять «Стратегический компас» ЕС, утвержденный под председательством Франции, и стратегическую концепцию НАТО, принятые в 2022 г. Это означает как продолжение усилий, предпринимаемых для укрепления позиций в рамках европейской обороны и Североатлантического альянса, так и сохранение при этом специфики своей стратегической культуры.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

[6] Безопасность, разоружение и нераспространение. *Министерство Европы и иностранных дел*. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/securite-desarmement-et-non-proliferation/ (дата обращения: 21.06.2023).

Литература / References

1. Зуева К. П., Тимофеев П. П. Франция перед актуальными вызовами внешней и внутренней безопасности (2017–2018 гг.). *Международная жизнь*. 2018. № 10. С. 55–66. [Zueva K. P., Timofeyev P. P. France before urgent challenges of external and internal security (2017–2018). *International Affairs*, 2018, (10): 55–66. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/gynevf
2. Рубинский Ю. И. Франция. Время Саркози. М.: Междунар. отношения, 2011. 318 с. [Rubinskiy Yu. I. *France. Time of Sarkozy*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2011, 318. (In Russ.)]
3. Рубинский Ю. И. Национальный суверенитет в политической культуре Франции. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2019. № 1. С. 6–10. [Rubinskiy Yu. I. National sovereignty in the political culture of France. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2019, (1): 6–10. (In Russ.)] http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran12019610
4. Литвинов И. М. Концепции обеспечения безопасности Французской Республики. *Вопросы безопасности*. 2016. № 6. С. 7–14. [Litvinov I. M. Concepts of ensuring the security of the French Republic. *Security issues*, 2016, (6): 7–14. (In Russ.)] https://doi.org/10.7256/2409-7543.2016.6.21005
5. Федоров С. М. Вопросы национального суверенитета в современном политическом дискурсе Франции. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2019. № 1. С. 11–16. [Fedorov S. M. Issues of national sovereignty in modern political discourse of France. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 2019, (1): 11–16. (In Russ.)] https://doi.org/10.15211/vestnikieran120191116
6. Чернега В. Н. О перспективах «европейской обороны». *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2018. № 48. С. 8–11. [Tchernega V. N. The prospects of "European defense". *Evropeiskaia bezopasnost: sobytiia, otsenki, prognozy*, 2018, (48): 8–11. (In Russ.)] https://elibrary.ru/xrjsfv
7. Чихачев А. Ю. Военная политика Франции при президенте Эммануэле Макроне: основные тенденции. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 8. С. 82–90. [Chikhachev A. Yu. French defense policy under President Emmanuel Macron: major trends. *World Economy and International Relations*, 2019, 63(8): 82–90. (In Russ.)] https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-82-90
8. Чернега В. Н. Ядерный арсенал Франции и ее подходы к нераспространению и запрещению ядерного оружия. *Актуальные проблемы Европы*. 2020. № 3. С. 94–117. [Tchernega V. N. France's nuclear arsenal and French approaches to the non-proliferation and prohibition of nuclear weapons. *Current problems of Europe*, 2020, (3): 94–117. (In Russ.)] https://doi.org/10.31249/ape/2020.03.05
9. Толкачев В. В. Военная политика президента Жака Ширака: тенденции и перспективы. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение*. 2003. № 1. С. 321–327. [Tolkachev V. V. Military policy of President Jacques Chirac: trends and prospects. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriia: Mezhdunarodnye otnosheniia, Politologiia, Regionovedenie*, 2003, (1): 321–327. (In Russ.)] https://elibrary.ru/hrnraz
10. Смирнова О. А., Золина Д. М. Французская стратегия в контексте европейского строительства. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2013. № 4-1. С. 309–312. [Smirnova O. A., Zolina D. M. French strategy in the context of European construction. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2013, (4-1): 309–312. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zvgdyf
11. Смирнова О. А., Золина Д. М. Основные положения «Белой книги» 2013 года и участие Французской Республики в конфликтах и кризисах. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2016. Т. 21. № 2. С. 89–95. [Smirnova O. A., Zolina D. M. French participation in international conflicts and crises: main statements of the White Book 2013. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, 21(2): 89–95. (In Russ.)] http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.8
12. Colard D. La Ve République et les trois livres blancs sur la défense et la sécurité de la France. *ArèS*, 2008, (60): 139–152.
13. Leboeuf A., Quénot-Suarez H. *La politique africaine de la France sous François Hollande: renouvellement et impensé stratégique*. Paris: IFRI, 2014, 61.
14. Buffotot P. Les Livres blancs sur la défense sous la Ve République. *Paix et sécurité européenne et international*, 2015, 2. URL: https://shs.hal.science/halshs-03155156 (accessed 29 Jun 2023).
15. Michaud N., Tremblay S. Les livres blancs en matière de politique étrangère: épistémologie et perspectives analytiques. *Études internationals*, 2006, (37): 10–33. https://doi.org/10.7202/013410ar
16. Millet J. Responsabilités de défense après publication du Livre blanc. *Défense nationale*, 2008, (714): 35–46.

17. Халитова А. Р. Военные аспекты политики Франции в Африке при Н.Саркози и Ф.Олланде (2007–2017 гг.). *Конфликтология / Nota Bene*. 2019. № 3. С. 33–44. [Khalitova A. R. Military aspects of French policy in Africa during the presidency of N. Sarkozy and F. Hollande (2007-2017). *Conflict Studies / nota bene*, 2019, (3): 33–44. (In Russ.)] https://doi.org/10.7256/2454-0617.2019.3.31313
18. Проблемы европейской безопасности, ред. Т. Г. Пархалина, О. Н. Новикова, В. Н. Чернега, Ю. В. Никуличев, Л. Н. Шаншиева, Ф. О. Трунев. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 64–86. [*European security challenges*, eds. Parkhalina T. G., Novikova O. N., Tchernega V. N., Nikulichev Yu. V., Shanshieva L. N., Trunev F. O. Moscow: INION RAS, 2018, 64–86. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yyrmnf
19. Синдеев А. А. Общая политика безопасности и обороны: франко-германское взаимодействие. *Общество: политика, экономика, право*. 2019. № 3. С. 12–15. [Sindeev A. A. Franco-German rapprochement: the search for a common denominator. *Society: Politics, Economics, Law*, 2019, (3): 12–15. (In Russ.)] https://doi.org/10.24158/pep.2019.3.1
20. Офицеров-Бельский Д. В. Дифференцированная интеграция: конкуренция проектов и противоречия интеграционного процесса в ЕС. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021. Т. 26. № 5. С. 202–216. [Ofitserov-Belskiy D. V. Differentiated integration: project competition and contradictions of the EU integration process. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2021, 26(5): 202–216. (In Russ.)] https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.16
21. Морен Ж. Двадцатилетний опыт реформ французских вооруженных сил. *Индекс безопасности*. 2011. Т. 17. № 1. С. 96–104. [Moren Zh. Twenty years of experience in the reforms of the French armed forces. *Indeks bezopasnosti*, 2011, 17(1): 96–104. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/owggjh
22. Шаповалов А. Основные положения военной доктрины Франции, ч. 1. *Зарубежное военное обозрение*. 2018. № 4. С. 19–26. [Shapovalov A. The main provisions of the French military doctrine of France, pt. 1. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 2018, (4): 19–26. (In Russ.)]
23. Richter F. Les budgets de défense en France: une difficulté chronique du respect des lois de programmation militaire? *Les Champs de Mars*, 2018, 30(1): 407–417. https://doi.org/10.3917/lcdm.030.0407
24. Барановский В. Г., Жидкова А. В., Зуева К. П., Канинская Г. Н., Капля А. С., Клинова М. В., Комиссарова Ж. Н., Костюк Р. В., Кудрявцев А. К., Лапина Н. Ю., Магадеев И. Э., Моисеев Г. Ч., Наумова Н. Н., Обичкина Е. О., Преображенская А. А., Рубинский Ю. И., Сидоров А. С., Стрельцова Я. Р., Тимофеев П. П., Трофимова О. Е., Черноуцан Е. М., Чихачев А. Ю., Шмелев Д. В. Современная Франция: между тревогами и надеждами. М.: ИМЭМО РАН, 2022. 256 с. [Baranovsky V. G., Zhidkova A. V., Zueva K. P., Kaninskaya G. N., Kaplya A. S., Klinova M.V., Komissarova Zh. N., Kostiuk R.V., Kudryavtsev A. K., Lapina N. Yu., Magadeev I. E., Moiseev G. Ch., Naumova N. N., Obichkina E. O., Preobrazhenskaya A. A., Rubinskiy Yu. I., Sidorov A. S., Streltsova Ya. R., Timofeyev P. P., Trofimova O. E., Chernoutsan E. M., Chikhachev A. Yu., Shmelev D. V. *Modern France: between worries and hopes*. Moscow: IMEMO RAS, 2022, 256. (In Russ.)] https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0605-2

© 2023. Тамби С. А.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Внешнеполитический имидж Эстонии как страны-члена Европейского союза в контексте укрепления евроскептицизма

Тамби Сергей Александрович
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0002-5018-6574
sergey.tambi@gmail.com

Поступила 20.10.2023. Принята после рецензирования 17.11.2023. Принята в печать 30.11.2023.

Аннотация: Автор исследует трансформацию внешнеполитического имиджа Эстонии в условиях наличия системного кризиса. Укрепление политического лагеря евроскептиков в Эстонии, дестабилизирующее формируемый со времени восстановления страной независимости в 1991 г. еврооптимистический репутационный капитал, приводит к формированию негативного внешнеполитического имиджа Эстонии. Рассматривается имиджевая политика Эстонии, ориентированная на Европейский союз. Цель – изучить трансформацию внешнеполитического имиджа Эстонии как страны-члена Европейского союза в свете укрепления в этом государстве «жестких» евроскептиков. Проблематика имиджа Эстонии в Брюсселе приобретает все большую актуальность в контексте последствий пребывания в правительственной коалиции евроскептической Консервативной народной партии Эстонии в 2019–2021 гг. Использован системно-функциональный подход, позволяющий изучить внешнеполитический имидж Эстонии как цельную систему, которая состоит из ряда элементов, взаимосвязанных друг с другом. Использованы научный метод системного анализа, а также компаративный метод, который позволил сравнить внешнеполитический имидж Эстонии на разных хронологических этапах; генетический метод, использование которого помогло исследовать генезис внешнеполитического имиджа Эстонии, раскрыть его содержание и показать этапы его трансформации; метод кейс-стади (case study), позволивший исследовать самодостаточный и уникальный эстонский кейс. Исследование построено на использовании теории имиджа в международных отношениях. С целью выявления элементов, влияющих на формирование современного внешнеполитического имиджа Эстонии, применялся контент-анализ. Отмечается, что во время пребывания евроскептиков в правительственной коалиции в 2019–2021 гг., положительный имидж страны в Европейском союзе подвергся существенной эрозии и частичному разрушению.

Ключевые слова: евроскептицизм, Европейский союз, теория имиджа, политический имидж, европейская интеграция, политическая партия, еврооптимизм, Эстония

Цитирование: Тамби С. А. Внешнеполитический имидж Эстонии как страны-члена Европейского союза в контексте укрепления евроскептицизма. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 4. С. 443–452. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-443-452

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Foreign Policy Image of Estonia as a European Union Member State in the Context of Euroscepticism Strengthening

Sergey A. Tambi
Moscow State Institute of International Relations, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0002-5018-6574
sergey.tambi@gmail.com

Received 20 Oct 2023. Accepted after peer review 17 Nov 2023. Accepted for publication 30 Nov 2023.

Abstract: The author explores the transformation of Estonia's foreign policy image in the context of a systemic crisis. A significant strengthening of the Eurosceptic political camp in Estonia, destabilizing the Euro-optimistic reputation carefully formed since the country regained its independence in 1991, leads to the formation of a negative foreign policy image of Estonia both in Brussels and inside the state. The study examines the image policy of Estonia in the European Union. The purpose of the article is to study the transformation of Estonia's foreign policy image as a European Union member during the strengthening of hard Euroscepticism in this state. The problems

of Estonia's image in Brussels are becoming increasingly relevant due to the presence of Eurosceptic Conservative People's Party of Estonia in the government coalition in 2019–2021. A system-functional approach has been used to study Estonia's foreign policy image as an integral system, which consists of a number of interconnected elements. The research uses the scientific method of system analysis, comparative method, which allowed to compare the foreign policy image of Estonia at different chronological stages; genetic method, which helped to investigate the genesis of the Estonia's foreign policy image, reveal its content and show the stages of its transformation; case study method, which allowed to explore a self-sufficient and unique Estonian case. The research is based on the theory of image in international relations. In order to identify the elements that influence the formation of the modern foreign policy image of Estonia, the author uses the method of content analysis. As a result of Eurosceptics' presence in the government coalition the positive image of the country in European Union underwent significant erosion and partial destruction.
Keywords: Euroscepticism, European Union, image theory, political image, European integration, political party, Eurooptimism, Estonia

Citation: Tambi S. A. Foreign Policy Image of Estonia as a European Union Member State in the Context of Euroscepticism Strengthening. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 443–452. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-443-452

Введение

После восстановления независимости Эстонии (ЭР) в 1991 г. для политических элит этой страны представляло особую важность избавление от имиджа бывшей республики Советского Союза, равно как и от статуса страны *ближнего зарубежья* России. Тогда власти определили вектор генерального пути развития эстонского государства – вхождение в Европейский союз (ЕС). Это событие, произошедшее в 2004 г., как полагает отечественный исследователь П. В. Осколков, во многом имело символическое значение[1]. Укрепляя свою евроинтеграционную политику, ЭР рассчитывала на психологический эффект – освобождение от стереотипа постсоветского государства и формирование позитивного международного имиджа[2]. Вступление ЭР в ЕС и ее успешное членство в этом международном объединении является своего рода имиджевым приобретением для этой малой страны.

Согласно зарубежным ученым E. Andrespok и A. I. Kasekamp, в процессе вступления в ЕС ЭР стремилась быть «лучшим учеником в классе» [1, p. 118]. Как отмечают эстонские исследователи P. Kuusik и K. Raik, в составе ЕС ЭР часто описывали как амбициозную, инновационную страну, делающую даже больше, чем от нее ожидают [2, p. 10]. В силу объективных причин не вполне корректно сравнивать ЭР с ФРГ, которая ввиду своего политического веса играет огромную роль в ЕС, является лидером, интеграционным ядром и локомотивом экономического развития ЕС [3, с. 18], но прибалтийское государство уверенно идет в фарватере политики углубления евроинтеграции. Как полагает отечественный ученый В. В. Воротников, на формирование позитивного образа ЭР в ЕС значительное влияние оказала максимальная инкорпорация норм ЕС в национальное законодательство (в течение всего срока членства страна находится в пятерке лидеров по наименьшему количеству возбуждаемых процедур рассмотрения нарушений), для нее характерна безоговорочная поддержка значимых инициатив Еврокомиссии, среди которых Договор о введении Конституции для Европы, Лиссабонский договор, введение т. н. Европейского семестра, создание Европейского стабилизационного механизма, принятие Европейского фискального пакта, присоединение к Шенгенской зоне (декабрь 2007 г.) и вступление в еврозону (2011 г.) [4, с. 17].

Находясь в фарватере евроинтеграции, эстонская политическая элита поддерживала ее расширение и углубление даже в кризисные моменты. ЭР присоединилась к еврозоне в 2011 г., в тот момент, когда та уже погрузилась в изнурительный долговой кризис и возникли вопросы относительно ее будущего. Брюссель апеллировал к символическому значению этого *смелого поступка*. Председатель Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу, увидевший в этом шаге ЭР вклад в интеграцию Европы, заявил, что решимость ЭР присоединиться к еврозоне

[1] Петр Осколков: символическую роль членства в ЕС не переоценить. *Столица*. URL: https://www.stolitsa.ee/tema-dnya/petr-oskolkov-simvolicheskuyu-rol-chlenstva-v-es-ne-pereocenit-2 (дата обращения: 16.09.2023).

[2] История объединения Европы. *Эстонская школа дипломатов*. С. 194–200. URL: https://www.digar.ee/arhiiv/ru/download/22789 (дата обращения: 14.09.2023).

свидетельствует о том, что евровалюта по-прежнему привлекательна[3]. Политэлиты ЭР расценивали председательство государства в Совете ЕС во второй половине 2017 г. как инструмент улучшения своего имиджа, подчеркивая, что «маленькая ЭР» стала «заметнее» не только в ЕС, но и на политической карте всего мира.

В стратегиях внешней политики ЭР особое внимание уделяется международному имиджу государства. В последнем таком документе, утвержденном правительством ЭР в 2020 г., говорится о том, что одной из сильных сторон, благоприятствующих внешней политике ЭР, является положительный имидж страны в таких областях, как кибербезопасность, электронное правительство, образование и научные исследования. Категория *укрепление и улучшение имиджа* (в т. ч. имиджа ЭР как инновационного и электронного государства) неоднократно фигурирует в этом стратегическом документе[4].

Таким образом, политэлитам Эстонии, всецело выступающим за ЕС, представляется важным поддержание и укрепление внешнеполитического имиджа образцовой и «самой послушной» страны-члена ЕС (по определению бывшего премьер-министра Андруса Ансипа)[5]. Однако создание в 2012 г. партии «жестких» евроскептиков и *техно-скептиков* (в плане их негативного отношения к электронным выборам), Консервативной народной партии Эстонии (КНПЭ), ее попадание в 2015 г. в Рийгикогу (парламент ЭР), а также ее пребывание в эстонской правительственной коалиции в 2019–2021 гг. постепенно создало для ЭР образ *государства-изгоя* в ЕС. В этот период Брюссель стал воспринимать ЭР как государство, перечеркивающее ранее созданный положительный проЕСовский образ. Тогда многим казалось, что торжеству еврооптимизма в ЭР пришел неожиданный конец.

Политическая имиджелогия включает в себя имиджелогию макросубъектов политики, например, государств [5, с. 15]. Формирование политического имиджа государства способствует достижению его стратегических целей, сказывается на успешности его внешней политики. Имидж государства определяется спецификой взаимоотношений между определенными государствами, политическими установками в том государстве, где происходит формирование образа, а также нынешних политических событий. По мнению отечественного исследователя А. И. Тэвдой-Бурмули, в имиджевой политике чрезвычайно важное место занимает национальная культура, а также информационный аспект в форме целенаправленного информационного воздействия [6, с. 84]. СМИ влияют на создание стереотипов и устойчивых образов, а также формируют общественное мнение, которое оказывает влияние на принятие политических решений. Сама категория *имидж государства* довольно изменчива: имидж может резко измениться в лучшую или худшую сторону. Неустойчивость государства в социально-политическом плане снижает конкурентоспособность его политического имиджа. Имидж создается в течение многих лет благодаря задействованию серьезных ресурсов, а разрушить его можно в один миг [7, с. 56–58].

Теория имиджа в международных отношениях позволяет структурировать изучение восприятия конкретного государства, рассмотреть аспекты, которые мотивируют создание соответствующих образов, выражающих стереотипы людей. В свою очередь формирование мотивированных стереотипов, которые функционируют в качестве ментальных моделей, зависит от эмоций людей [8, p. 334]. К настоящему времени тема имиджа государства довольно слабо разработана в академической литературе. В России проблемами имиджа государства занимаются, например, Е. Б. Шестопал [9] и В. М. Шепель [10]. К изученным кейсам имиджелогии европейских стран можно отнести работу K. Alenius, посвященную имиджу Финляндии [11], а также проведенное B. Knudsen исследование имиджа Норвегии [12].

Согласно K. E. Boulding, существуют *послания* (заявления лиц, принимающих решения; отношения между лидерами и политэлитами стран; отношения между людьми) и *имидж*. Когда *послание* достигает имиджа, последний может либо измениться, в т. ч. кардинальным образом, либо остаться прежним. *Послание* охватывает всю совокупность деятельности государства, способную оказать влияние на ее имидж в воспринимающем государстве [13, p. 10]. Положительный имидж может быть создан в случае наличия соответствующей позиции лиц, принимающих решения, активной дипломатии (в т. ч. публичной), а также хороших отношений между людьми [14, p. 121].

[3] José Manuel Durão Barroso, President of the European Commission Statement following the meeting with Prime Minister of Estonia Andrus Ansip. Joint press point. Brussels, 24 March 2010. *European Commission*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_10_124 (accessed 12 Sep 2023).

[4] Foreign Policy Development Plan 2030 of the Government of the Republic of Estonia. *Ministry of Foreign Affairs of Estonia*. URL: https://www.vm.ee/en/ministry-state-protocol-press/foreign-policy-development-plan-2030 (accessed 6 Sep 2023).

[5] Ансип А. Единственное угрожающее нам меньшинство – это ЕКРЕ. *Rus.Postimees.ee*. URL: https://rus.postimees.ee/6683768 (дата обращения: 25.09.2023).

Политический имидж можно определить как эмоционально окрашенный образ, намеренно созданный в целях достижения конкретного результата путем эмоционально-психологического воздействия на индивидуальное, групповое или массовое сознание [15, с. 89]. Н. Н. Медведева толкует понятие *внешнеполитический имидж государства* как «образ деятельности институтов власти конкретного государства, который преломляется через политическую культуру других стран и специальным образом или же хаотично формируется властными институтами и СМИ» [16, с. 11–12]. Внешнеполитический имидж является дополнительным инструментом интеграции государства в мировое сообщество, а также средством противостояния с внутриполитической оппозицией. Конкурентоспособный политический имидж государства является частью его национального капитала [17], имидж должен работать на государство. Имидж ЭР в ЕС создавался для восприятия внешними целевыми аудиториями: гражданами ЕС, представителями политэлит стран-членов ЕС, политическими деятелями, предпринимателями и СМИ в ЕС. Будучи цельной системой, внешнеполитический имидж ЭР состоит из нескольких взаимосвязанных элементов, создающих единую сложную структуру. В контексте рассматриваемой проблематики к этим элементам среди прочих относятся запросы и ожидания целевой аудитории (евроскептиков и еврооптимистов) и ее восприятие, артикулированные заявления представителей институтов власти, их соответствующие действия и установки (например, еврооптимистические заявления представителей политэлиты ЭР, евроскептические заявления министров ЭР от КНПЭ и их самопозиционирование как «жестких» евроскептиков); информационная составляющая, т. е. тон освещения страны в периодических изданиях. После укрепления евроскептиков наблюдалось появление отрицательных характеристик в отношении имиджа ЭР и его негативизация в ряде крупнейших СМИ Западной Европы.

Цель исследования – изучить трансформацию внешнеполитического имиджа ЭР как страны-члена ЕС в свете значительного укрепления евроскептиков в этом государстве. Задачи работы: выявить конкретные действия консолидирующихся в рамках современной партийно-политической системы ЭР евроскептиков, направленные на подрыв позитивного имиджа ЭР в ЕС; определить основные направления изменения внешнеполитического имиджа ЭР в оценках отечественных и зарубежных исследователей. Объектом исследования является внешнеполитический имидж ЭР как страны-члена ЕС. Работа опирается на теоретические труды зарубежных и российских исследователей по проблематике имиджелогии и теории имиджа в международных отношениях; исследования, посвященные укреплению евроскептиков и крайне правых в Эстонии; эмпирические материалы (данные опросов общественного мнения, международные рейтинги, материалы периодических изданий ЭР и других стран-членов ЕС). Новизна исследования заключается в определении проблем современного внешнеполитического имиджа ЭР как страны-члена ЕС, а также в выявлении аспектов трансформации имиджа в условиях резкого усиления евроскептиков с 2015 г. Рассматриваемая проблематика ранее комплексно не изучалась ни отечественными, ни зарубежными учеными.

Результаты

Продвигая имидж надежного партнера, еврооптимистические политэлиты ЭР проводили долговременную и системную деятельность, направленную на создание положительного имиджа государства за его пределами, в т. ч. внутри ЕС. Несмотря на погружение ЭР в кризис (онтологический кризис по A. Astrov) и усиление ощущения неопределенности после успешного завершения процесса вступления страны в ЕС [18, p. 7], ЭР все равно продолжила быть пионером в этом объединении.

Как считает эстонский ученый A. Kasekamp, второе поколение крайне правых политических партий, сформировавшееся в ЭР примерно к 1999 г., стало все больше фокусировать свою деятельность на оппозиции ЕС [19, p. 401]. Постепенно укрепляясь, евроскептики выработали значительный потенциал для своей будущей мобилизации. По мнению A. Kitus, они выступали с резкой критикой присущей эстонским политэлитам привычки предпочитать следование страны в брюссельском фарватере принципам демократического обсуждения / участия [20, p. 111]. Расширялась и популярность евроскептических идей среди эстонских избирателей: по данным опросов Евробарометра, осенью 2016 г. лишь 19 % эстоноземельцев согласились с тем, что в контексте принятия решений внутри ЕС их голос учитывается (40 % в среднем по ЕС)[6]. В начале 2017 г. уже 19 % респондентов из ЭР согласились с утверждением, что их государство будет иметь лучшее будущее за пределами ЕС[7].

[6] Standard Eurobarometer 86. Public opinion in the European Union. *European Commission*, 2016, 137. URL: https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=62404 (accessed 9 Oct 2023).

[7] Standard Eurobarometer 87. Public opinion in the European Union. *European Commission*, 2017, 90. URL: https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2142 (accessed 9 Oct 2023).

К 2019 г. среди значительной части населения ЭР превалировало мнение о важности членства их страны в ЕС [21, p. 450]. Однако как отмечают зарубежные исследователи K. Raik и E. Rikmann, укрепляющиеся евроскептики, консолидирующиеся в рамках КНПЭ, все активней ставили этот тезис под вопрос, расшатывая прочно сформировавшийся ранее внутриполитический консенсус по этому вопросу [22, p. 604]. С того же года эта политическая сила, ставшая членом правительственной коалиции и получившая пять ключевых министерских портфелей, проводила курс на *деевропеизацию* ЭР. Еще в 2015 г. эстонский аналитик А. Лобьякас озвучил предупреждение, что репутация государства пострадала бы даже от «близости КНПЭ к правительству»[8], что в полной мере подтвердилось. Самая идеологическая партия ЭР заняла вершину «пирамиды приоритетов» (ведь для многих современных политических партий высшей целью как раз и является вхождение в правительственную коалицию), а правительство ЭР получило название самого антиевропейского. По мнению эстонского аналитика А. Лобьякаса, смена правительства в ЭР и смещение внутриполитических векторов привели к некоторому изменению политики ЭР в отношении ЕС[9]. Депутат Рийгикогу Марко Михкельсон полагал, что произошел подрыв авторитета внешней политики ЭР[10]. По словам премьер-министра ЭР Каи Каллас, коалиция с участием КНПЭ «опозорила страну»[11].

Правительственная коалиция с участием КНПЭ стала источником многих проблем для нормальной коммуникации ЭР с ЕС[12]. В результате ее действий ЭР грозила перспектива превращения в периферийную зону Европы. Слово премьер-министра в этом правительстве практически не имело серьезного политического веса, а позиция КНПЭ часто стояла на первом месте.

Вопреки подписанному коалиционному договору (который, хоть и был умеренным, но все же содержал ряд евроскептических формулировок)[13], своими действиями и риторикой КНПЭ неоднократно ставила под сомнение важность членства ЭР в ЕС. Регулярно «наносивший вред эстонскому государству» Март Хельме (КНПЭ) в 2019 г. несколько дней исполнял обязанности премьер-министра ЭР Юри Ратаса, когда тот пребывал в загранкомандировке, что делало ЭР особенно уязвимой для углубления евроскептического тренда. После формирования коалиции председатель Рийгикогу Хенн Пыллуаас попытался отобрать у оппозиции право назначать своих членов в комитеты парламента, что существенным образом сузило бы парламентскую демократию[14]. Как отмечает российский ученый Н. Ю. Кавешников, подобные действия потенциально могли привести и к общей деградации демократической системы государства [23, с. 331].

Пеэтер Хельме, племянник Марта Хельме, был назначен главным редактором крупнейшего эстонского новостного издания «Постимеэс», что привело к необоснованному увольнению журналистов[15]. Мартин Хельме обратился к Эстонской телерадиовещательной корпорации (ERR) с требованием, чтобы ее журналисты, критикующие КНПЭ, понесли наказание. Известный журналист А. Лобьякас был вынужден покинуть ERR. В начале 2020 г. «Репортеры без границ» заявили о своей чрезвычайной обеспокоенности будущим независимой журналистики в ЭР[16]. Спустя почти 15 лет в качестве страны-члена ЕС из-за неверных шагов КНПЭ ЭР столкнулась с недоверием и настороженностью Брюсселя. Во многом как реакция на эти действия КНПЭ и усиление влияния правых политических сил международные показатели демократии, свободы печати и Интернета в ЭР за 2020 г. снизились[17].

[8] Лобьякас о EKRE: репутация Эстонии пострадала бы даже от близости партии к правительству. *Rus.Postimees.ee*. URL: https://rus.postimees.ee/3115765 (дата обращения: 20.09.2023).

[9] Sildam T. Eesti üksinda jäämise tähendus. *ERR.ee*. URL: https://www.err.ee/952925 (accessed 15 Sep 2023).

[10] Mihkelson M. Kas EKRE soovib tõesti Eesti venestamist? *Marko Mihkelsoni blogi*. URL: http://markomihkelson.blogspot.com/2020/01 (accessed 28 Aug 2023).

[11] Kallas K. Abielureferendumist peab saama tagasilöök EKRE-le. *Kaja Kallase blogi*. URL: https://kajakallas.ee/postitus/abielureferendumist-peab-saama-tagasilook-ekre-le (accessed 30 Aug 2023).

[12] Milne R., Peel M., Khan M. Estonia's golden image threatened by rise of far-right nationalists. *Financial Times*. URL: https://www.ft.com/content/9c90cbe6-9d8d-11e9-9c06-a4640c9feebb (accessed 12 Oct 2023).

[13] Eesti Keskerakonna, Eesti Konservatiivse Rahvaerakonna ning Isamaa Erakonna valitsusliidu aluspõhimõtted 2019–2023. Tallinn, 2019. URL: https://www.valitsus.ee/media/286/download (accessed 10 Oct 2023).

[14] Kallas K. Abielureferendumi ärahoidmise plaan. *Kaja Kallase blogi*. URL: https://kajakallas.ee/postitus/abielureferendumi-arahoidmise-plaan (accessed 13 Oct 2023).

[15] Hankewitz S. The first Estonian journalist leaves a major newspaper over her views. *Estonian World*. URL: https://estonianworld.com/security/the-first-estonian-journalist-leaves-a-major-newspaper-over-her-views (accessed 24 Aug 2023).

[16] Does crisis at leading daily mean end to investigative journalism in Estonia? *Reporters without borders*. URL: https://rsf.org/en/does-crisis-leading-daily-mean-end-investigative-journalism-estonia (accessed 29 Aug 2023).

[17] Estonia. *Reporters without Borders*. URL: https://rsf.org/en/estonia (accessed 30 Sep 2023).

Озвучиваемая представителями КНПЭ евроскептическая, антииммигрантская и расистская[18] (по выражению британского аналитика Шона Уолкера) риторика вызвала критику со стороны официальных лиц ЕС, а также со стороны политических деятелей государств-членов ЕС (например, бывшего премьер-министра Швеции Карла Бильдта)[19]. Бывший премьер-министр Бельгии и член Европарламента, действующий руководитель Альянса либералов и демократов за Европу в Европарламенте Ги Верхофстадт обратился к центристам с призывом остановить переговоры с КНПЭ по формированию коалиции. Он подчеркнул, что это может навредить эстонскому обществу и геополитическому положению ЭР, а также нанести непоправимый ущерб «прекрасному сотрудничеству в либеральной семье». Политик охарактеризовал КНПЭ как праворадикальную и «напоминающую фашистские режимы в Европе» партию[20]. Пожелавший остаться в кресле премьер-министра ЭР председатель Центристской партии Эстонии (ЦПЭ) Ю. Ратас ответил ему, что Брюссель не вправе диктовать ЭР, какой должна быть новая коалиция[21]. Ю. Ратас не прислушался и к предостережениям рядовых членов ЦПЭ: Абдул Тюрей указывал на то, что создание коалиции с КНПЭ приведет к уничтожению репутации ЭР, отпугиванию от нее инвесторов, туристов и предпринимателей[22].

Эстонские евроскептики продолжили свое активное наступление на имидж ЭР в ЕС, подрывая демократический образ не только через Рийгикогу и правительство ЭР, но и через деятельность в Европарламенте (например, с 2019 г. по настоящее время депутатом от КНПЭ там является Яак Мадисон). В феврале 2019 г. бывший член Партии реформ Игорь Грязин открыто предложил ликвидировать Еврокомиссию. Оскорбительный выпад министра внутренних дел ЭР Марта Хельме в отношении премьер-министра соседней Финляндии (стратегического партнера и союзника Эстонии) Санны Марин вызвало волну негодования как в ЭР и Финляндии, так и в Брюсселе. Тогда тысячи простых эстонцев вынуждены были извиняться перед своими финскими друзьями за непозволительную грубость правительственного министра ЭР. Прибалтийская страна все меньше воспринималась в ЕС как надежный и конструктивный партнер[23].

Выступавший против урезания эстонского суверенитета министр финансов Мартин Хельме без консультации с премьер-министром ЭР Ю. Ратасом наложил вето при голосовании по вопросу о реформе Европейского стабилизационного механизма (ESM) в июне 2019 г. в Люксембурге на совещании министров финансов стран, входящих в еврозону. Он отказался утвердить поправку к договору о ESM, предназначенную для оказания финансовой помощи странам, входящим в зону евро. Ю. Ратасу пришлось отозвать «особое мнение» Мартина Хельме, начать оправдываться, извиняться и пояснять, что партнер по правительственной коалиции «допустил процедурную ошибку», а также заверять, что в будущем таких вещей не произойдет[24]. Нарушение мандата не только правительства, но и Рийгикогу, а также возросшее недоверие к министру финансов от КНПЭ активизировало в обществе дискуссию об уменьшении объема его полномочий. Как полагает L. Carmichael, результаты голосования представителей от КНПЭ в различных институтах ЕС не только вызывали недоумение, но и поставили под угрозу общественный имидж и репутацию ЭР в ЕС [24, p. 175]. В тот период многие поправки к законам в ЭР обсуждались и выносились на голосование без предварительной общественной дискуссии, а в жертву приносилась все та же репутация страны за рубежом[25].

Влияние на имидж ЭР оказывало и увеличение евроскептицизма в экономике ЭР (КНПЭ получила в т. ч. и портфель министра экономики). Многие инвесторы отказывались направлять инвестиции

[18] Walker S. Racism, sexism, Nazi economics: Estonia's far right in power. *The Guardian*. URL: https://www.theguardian.com/world/2019/may/21/racism-sexism-nazi-economics-estonia-far-right-in-power-ekre (accessed 16 Sep 2023).

[19] EKRE hand signal concerning, says former Swedish Prime Minister Carl Bildt. *ERR.ee*. URL: https://news.err.ee/934949 (accessed 20 Sep 2023).

[20] ALDE fraktsiooni juht kutsus Ratast üles EKRE-koalitsioonist loobuma. *ERR.ee*. URL: https://www.err.ee/919397 (accessed 7 Oct 2023).

[21] Ратас: Брюссель не должен диктовать Эстонии, какой будет наша новая коалиция. *Rus.Postimees.ee*. URL: https://rus.postimees.ee/6544529 (дата обращения: 04.10.2023).

[22] Открытое письмо Абдула Тюрея Юри Ратасу: EKRE – фашисты. *Инфосила*. URL: https://infosila.ee/main/3165-otkrytoe-pismo-abdula-tyureya-yuri-ratasu-ekre-fashisty.html (дата обращения: 09.10.2023).

[23] Влиятельное издание: крайне правая EKRE грозит репутации Эстонии как ведущего IT-государства. *Rus.Postimees.ee*. URL: https://rus.postimees.ee/7124141/vliyatelnoe-izdanie-krayne-pravaya-ekre-grozit-reputacii-estonii-kak-vedushchego-it-gosudarstva (дата обращения: 04.10.2023).

[24] Юри Ратас: Мартин Хельме допустил процедурную ошибку. *ERR.ee*. URL: https://rus.err.ee/953826 (дата обращения: 24.09.2023).

[25] Лаури Ляэнеметс: очередная уступка Ратаса EKRE все больше превращает Эстонию в захолустье и изгоя. *Sotsiaaldemokraatlik Erakond*. URL: https://www.sotsid.ee (дата обращения: 09.10.2023).

в ЭР[26], а зарубежный аналитик Ч. Даксбери полагает, что репутация эстонского государства как ведущего центра стартапов в ЕС была тогда подорвана[27]. В действиях КНПЭ просматривалась попытка создать дополнительные риски для безопасности ЭР, ведь политическая партия, по сути, готовила для ЭР роль изгоя в Европе. На фоне антиевропейских высказываний со стороны министра внутренних дел и финансов страны-члена ЕС данные заявления воспринимались очень серьезно.

КНПЭ считает изменение климата *импортированной проблемой*, не желая признавать антропогенное изменение климата. В июне 2019 г., основываясь на позиции КНПЭ [25, p. 81], ЭР стала одной из 4 стран (присоединившись к Чехии, Венгрии и Польше), отказавшихся поддержать официальное соглашение ЕС о достижении углеродной нейтральности к 2050 г. («Зеленая сделка») [26, с. 87]. ЭР была привлечена к участию в нем позже. В то время ЭР предпринимала определенные шаги по сближению с Венгрией и Польшей: в риторике КНПЭ эти страны выделяются как хорошие примеры и партнеры ЭР в ЕС, на которых необходимо равняться. Евроскептики преподносят их как государства, защищающие национальные интересы от Брюсселя и пытающиеся восстановить всю полноту национального суверенитета.

В мае 2019 г. Партия реформ инициировала в Рийгикогу вотум недоверия главе Министерства внутренних дел ЭР Марту Хельме, который в итоге был отклонен. Список причин включал ущерб международному имиджу ЭР, союзническим отношениям страны и репутации подотчетных Марту Хельме ведомств, а также создание угрозы безопасности для ЭР. В январе 2021 г. коалиция распалась: формальным поводом стали подозрения в коррупции представителей ЦПЭ (которая ранее, в начале 2000-х гг., также частично стояла на евроскептических позициях и, как отмечает Д. А. Ланко, была довольно популярной среди русскоязычных избирателей [27, с. 72]). Таким образом, по определению российского исследователя Н. М. Межевича, произошло неожиданное избавление от *enfant terrible* эстонской политики – партии, характеризующейся мигрантофобией, евроскептицизмом и «дремучим консерватизмом 100-летней выдержки» [28, с. 52], возвратившейся в статус оппозиционной политической силы, но продолжающей до настоящего времени иметь значительное представительство в Рийгикогу. Как полагают отечественные ученые П. В. Осколков и А. И. Тэвдой-Бурмули, КНПЭ продолжала следовать стратегии на всеохватность, ведь такого рода претензия является неотъемлемым элементом программного контента антиподов мейнстримных партий – популистских и евроскептических политических сил [29, с. 59]. По мнению A. Kasekamp et al., в целях еще большего продвижения антиЕСовского имиджа ЭР партия КНПЭ стала активно использовать соцсети и другие новые формы медиа, альтернативные СМИ [30]. Эстонские ученые P. Ehin и L. Talving отмечают, что Европарламент с каждыми выборами становится все более фрагментированным [31, p. 468]. Таким образом, евроскептический имидж стран-членов ЕС все больше формируется уже не только в их столицах, но и в самом сердце Евросоюза – Брюсселе (через евроскептически настроенных депутатов).

Благодаря высокой степени политического плюрализма, широкой приверженности основных политических партий верховенству закона, а также разделению властей и независимых СМИ, ЭР не пошла по пути «мягкого авторитаризма». Однако осадок от пребывания КНПЭ в высших эшелонах власти ЭР останется еще надолго. В настоящее время политэлиты ЭР продолжают восстанавливать престиж государства в ЕС, осознавая созданные КНПЭ имиджевые проблемы и принимая скорейшие меры по их решению. Сама КНПЭ продолжает получать от ставшего привлекательным в ЭР «жесткого» евроскептицизма политические дивиденды: по состоянию на октябрь 2023 г. она является самой популярной политической партией в ЭР[28].

Заключение

Целью дипломатии любого государства является создание его политэлитами желаемого имиджа этого государства. Резко усиливающийся евроскептицизм в ранее еврооптимистической и ориентированной на Брюссель ЭР, а также потенциальный евроинтеграционный застой не способствуют этому процессу. Еще с начала 1990-х гг. образ ЭР в глазах Брюсселя определялся проЕСовской риторикой, подкрепленной конкретными действиями политэлит Эстонии, направленными на расширение и углубление евроинтеграции. Восприятие ЭР как образцового государства в европейском мышлении

[26] Поверина Е. Марина Кальюранд: EKRE противопоставляет чистопородных эстонцев всем другим. *Rus.Postimees.ee*. URL: https://rus.postimees.ee/7094152/marina-kalyurand-ekre-protivopostavlyaet-chistoporodnyh-estoncev-vsem-drugim (дата обращения: 03.10.2023).

[27] Duxbury C. Estonia's techies fear the far right. *Politico*. URL: https://subscriber.politicopro.com/article/2020/12/estonias-techies-fear-the-far-right-2022401 (accessed 14 Oct 2023).

[28] На первое место в рейтинге популярности партий поднялась EKRE. *Rus.Postimees.ee*. URL: https://rus.postimees.ee/7878349/na-pervoe-mesto-v-reytinge-populyarnosti-partiy-podnyalas-ekre (дата обращения: 18.10.2023).

подпитывалось продвижением политэлитами имиджа открытого, инновационного и еврооптимистического государства, готового к многоплановому сотрудничеству в рамках ЕС. Благоприятный имидж, сохранявшийся с 2004 г., через 15 лет был испорчен приходом в еврооптимистическую политэлиту ЭР евроскептических элементов в связи с резким ростом популярности евроскептиков и благодаря демократической политической системе ЭР, а также наличию демократических институтов и механизмов попадания во власть.

Многочисленные скандалы с участием КНПЭ во время ее нахождения как в Рийгикогу (с 2015 г. по настоящее время) и правительственной коалиции (2019–2021 гг.), так и в Европарламенте (с 2019 г. по настоящее время), оказывают негативное влияние на имидж ЭР в ЕС. Международный проевропейский имидж государства, формируемый с начала 1990-х гг., постепенно разрушался по мере усиления КНПЭ.

Результаты исследования показали, что, как отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи, деятельность КНПЭ против ЕС оказала влияние на тон освещения событий в СМИ в отношении евроинтеграционного курса ЭР. Имидж образцового государства дал серьезную трещину после укрепления во власти ЭР евроскептиков. За почти 2 года пребывания КНПЭ в коалиции внешнеполитический имидж ЭР претерпел качественную трансформацию. Нелиберальность КНПЭ, а также ее установка на суверенизм бросила тень на имидж «послушной» страны-члена ЕС ЭР, ослабила международное положение страны, подрывая ее безопасность. Разрастание евроскептицизма в ЭР воспринимается Брюсселем и другими странами-членами ЕС как риск потери положительного облика ЭР в качестве еврооптимиста-передовика и своего рода эталона для других государств.

Правительство Ю. Ратаса с участием КНПЭ негативно повлияло на репутацию и имидж ЭР как символа европейского прогресса на постсоветском пространстве. По мере увеличения влияния евроскептицизма на внешнюю политику, ЭР было все труднее не повторить судьбу Венгрии. Это могло спровоцировать резкое снижение внешнего доверия к ЭР, а также готовности ее союзников прийти к ней на выручку в трудную минуту. Положительный имидж ЭР в глазах Брюсселя был кардинальным образом подорван. ЭР создала себе имидж праворадикального популистского государства со значительным влиянием евроскептиков. Однако долгосрочного влияния деятельность КНПЭ не оказала: после развала коалиции в 2021 г. направление внешней политики ЭР стало постепенно выравниваться в сторону большего еврооптимизма, возвращаться в свое русло, уже не испытывая сильнейшего евроскептического влияния. В настоящее время имидж государства возвращается к образу, существовавшему в начале 2019 г., до начала функционирования самого антиевропейского правительства ЭР.

Таким образом, увеличение представленности евроскептической КНПЭ на верхних уровнях власти в ЭР может привести к существенному разрушению ее положительного имиджа в глазах Брюсселя. После выборов в Рийгикогу в марте 2023 г. КНПЭ с ее 17 местами в парламенте (из 101) продолжает активно критиковать ЕС, распространяя антиЕСовские нарративы и продолжая ставить под сомнение полезность и важность членства страны в этом международном объединении.

Исследование позволяет наметить пути для дальнейшего изучения рассматриваемой проблематики, оценить перспективы применения теории имиджа в международных отношениях на примере конкретной страны-члена ЕС, по-новому взглянуть на изменение внешнеполитического имиджа входящего в ЕС государства через призму изменений дихотомии евроскептицизм – еврооптимизм. Некоторые кейсы влияния евроскептицизма на внешнеполитический имидж разных стран-членов ЕС имеют типологическую схожесть, в этой связи можно рассматривать анализ вызовов, с которыми сталкивается имиджевая политика ЭР в отношении ЕС, в качестве модельного, корректно экстраполируя полученные результаты (mutatis mutandis) также и на другие кейсы, рассматривающие усиление евроскептицизма в конкретной стране-члене ЕС.

Наличие демократических процедур в ЭР гипотетически позволит евроскептикам организовать свое повторное пришествие в правительственную коалицию. В среднесрочной перспективе при повторном вхождении «жестких» евроскептиков в коалицию, ЭР, как малая страна, представляющая собой важную опору Еврокомиссии и «мотор» евроинтеграции, скорее всего вновь столкнется с потерей политического капитала и репутации надежного партнера Брюсселя, а также с невозможностью продвижения собственных региональных внешнеполитических интересов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Andrespok E., Kasekamp A. I. Development cooperation of the Baltic states: a comparison of the trajectories of three new donor countries. *Perspectives on European Politics and Society*, 2012, 13(1): 117–130. https://doi.org/10.1080/15705854.2011.649166
2. Kuusik P., Raik K. Eesti positsioon ja mõju ELis: mõisted, mõõdikud ja koondtulemused. In: Janning J., Kuusik P., Oidekivi R., Stoicescu K. *Eesti välispoliitika mõju ja kuvand Euroopa Liidus: mõjude eelhindamine*. Tallinn: Rahvusvaheline Kaitseuuringute Keskus, 2019, 6–13.
3. Благова Ю. А. Имидж ФРГ как инструмент усиления ее влияния в Европейском Союзе. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2013. № 2. С. 18–27. [Blagova Iu. A. FRG image as a tool of its influence in Europe. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2013, (2): 18–27. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/pwueyt
4. Воротников В. В. 25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский Союз. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2016. Т. 9. № 5. С. 7–23. [Vorotnikov V. V. 25 years of the Baltic states independence: from the Soviet to the European Union. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 2016, 9(5): 7–23. (In Russ.)] https://doi.org/10.23932/2542-0240-2016-9-5-7-23
5. Бодалев А. А., Белобрагин В. Я., Белобрагин В. В., Гиль С. С., Калинин А. А., Лаптев Л. Г., Комаровский В. С., Мартынова Л. Г., Нестерчук О. А., Панасюк А. Ю., Панкрухин А. П., Петрова Е. А., Прудников Л. А., Таранцов В. П., Шепель В. М. Политическая имиджелогия. М.: Академия имиджелогии, 2006. 275 с. [Bodalev A. A., Belobragin V. Ya., Belobragin V. V., Gil S. S., Kalinin A. A., Laptev L. G., Komarovski V. S., Martynova L. G., Nesterchuk O. A., Panasyuk A. Yu., Pankrukhin A. P., Petrova E. A., Prudnikov L. A., Tarantsov V. P., Shepel V. M. *Political imageology*. Moscow: Akademiia imidzhelogii, 2006, 275. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/qofikv
6. Тэвдой-Бурмули А. И. Проблемы имиджа России в современной Латвии. *Современная Европа*. 2008. № 3. С. 80–89. [Tevdoy-Burmuli A. I. Problems of Russia's image in contemporary Latvia. *Contemporary Europe*, 2008, (3): 80–89. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/mvycrn
7. Девлеканова К. А. Конкурентоспособный политический имидж современного государства. *Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2010. № 3. С. 56–58. [Devlekanova K. A. Competitive political image of a modern state. *Vesnik BDU. Seryia 3, Gistoryia. Filasofiia. Psikhalogiia. Palitalogiia. Satsyialogiia. Ekanomika. Prava*, 2010, (3): 56–58. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/sjskxv
8. Herrmann R. K. Perceptions and image theory in international relations. *The Oxford Handbook of Political Psychology*, eds. Huddy L., Sears D. O., Levy J. S. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013, 334–363. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199760107.013.0011
9. Образы власти в постсоветской России: политико-психологический анализ, ред. Е. Б. Шестопал. М.: Алетейа, 2004. 534 с. [*Images of political power in post-Soviet Russia: political-psychological analysis*, ed. Shestopal E. B. Moscow: Aletheya, 2004, 534. (In Russ.)]
10. Имиджелогия: тенденции и перспективы развития, ред. В. М. Шепель. М.: Кириллица, 2003. 157 с. [*Imageology: trends and prospects of development*, ed. Shepel V. M. Moscow: Kirillitsa, 2003, 157. (In Russ.)]
11. Alenius K. *Ahkeruus, edistys, ylimielisyys: Virolaisten Suomi-kuva kansallisen heräämisen ajasta tsaarinvallan päättymiseen (n. 1850–1917)*. Oulu: Pohjionen, 1996, 259.
12. Knudsen B. *Elite images and perceptual predispositions – a study of some national and international images of Western Europe. Affinity, the rank of nations and images of Norway and Norwegian policy*. Oslo: University of Oslo, 1979, 372.
13. Boulding K. E. *The image: knowledge in life and society*. University of Michigan Press, 1956, 175.
14. Boulding K. E. National images and international systems. *Journal of Conflict Resolution*, 1959, 3(2): 120–131.
15. Татаринова Ю. Н., Харичкин И. К. Политический имидж политической элиты сквозь призму электоральных предпочтений. *Вестник Университета*. 2012. № 4. С. 89–94. [Tatarinova Iu. N., Kharichkin I. K. The political image of the political elite through a prism of electoral preferences. *Vestnik Universiteta*, 2012, (4): 89–94. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/pmjdrd
16. Медведева Н. Н. Внешнеполитический имидж России в контексте развития отношений с Европейским союзом: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2008. 25 с. [Medvedeva N. N. *Russia's image in the context of developing relations with the European Union*. Dr. Polit. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2008, 25. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/njfwkf
17. Van Ham P. The rise of the brand state: the postmodern politics of image and reputation. *Foreign Affairs*, 2001, 80(5): 2–6. https://doi.org/10.2307/20050245

18. Astrov A. Estonia. The political struggle for a place in history. *Russian Politics & Law*, 2010, 48(5): 7–24. https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940480501
19. Kasekamp A. Extreme-right parties in contemporary Estonia. *Patterns of Prejudice*, 2003, 37(4): 401–414. https://doi.org/10.1080/0031322032000144483
20. Kitus A. Europeanization, democratic deficit and the constitutional debate in Estonia. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 2008, 21(2): 111–129. https://doi.org/10.1080/13511610802214388
21. Wrange J., Bengtsson R. Internal and external perceptions of small state security: the case of Estonia. *European Security*, 2019, 28(4): 449–472. https://doi.org/10.1080/09662839.2019.1665517
22. Raik K., Rikmann E. Resisting domestic and external pressure towards de-Europeanization of foreign policy? The case of Estonia. *Journal of European Integration*, 2021, 43(5): 603–618. https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1927011
23. Кавешников Н. Ю. Европейский союз: история, институты, деятельность. М.: Аспект Пресс, 2021. 365 с. [Kaveshnikov N. Iu. *European Union: history, institutions, activities*. Moscow: Aspect Press, 2021, 365. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ijmqil
24. Carmichael L. Changes and challenges of Euroscepticism in Estonian European integration, fifteen years on from accession. *New Zealand Journal of Research on Europe*, 2020, 147–181.
25. Schaller S., Carius A. *Convenient truths: mapping climate agendas of right-wing populist parties in Europe*. Berlin: Adelphi, 2019, 99.
26. Петровская О. В. Интеграция Восточной и Западной Европы: что пошло не так? *Интеграция и дезинтеграция в Европейском союзе*, ред. И. И. Боровков, О. В. Петровская. М.: РИСИ, 2020. С. 40–144. [Petrovskaia O. V. Integration of Eastern and Western Europe: what went wrong? *Integration and disintegration in the European Union*. Moscow: RISS, 2020, 40–144. (In Russ.)]
27. Ланко Д. А. Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х годов. *Балтийский регион*. 2015. № 2. С. 67–77. [Lanko D. A. Estonian political parties in the mid-2010s. *Baltic region*, 2015, (2): 67–77. (In Russ.)] https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-1-5
28. Межевич Н. М. Путь Прибалтики: от национализма к авторитаризму, от авторитаризма к глорификации фашизма. СПб.: ИПЦ СЗИУ, 2020. 54 с. [Mezhevich N. M. *The path of the Baltic States: from nationalism to authoritarianism, from authoritarianism to the glorification of fascism.* St. Petersburg: IPTS SZIU, 2020, 54. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/qckaej
29. Осколков П. В., Тэвдой-Бурмули А. И. К вопросу о дискурсивных параметрах типологизации политических партий. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 5. С. 57–68. [Oskolkov P. V., Tevdoy-Burmuli A. I. Rethinking discursive parameters of contemporary political parties typology. *World Economy and International Relations*, 2023, 67(5): 57–68. (In Russ.)] https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-5-57-68
30. Kasekamp A., Madisson M.-L., Wierenga L. Discoursive opportunities for the Estonian populist radical right in a digital society. P*roblems of Post-Communist*, 2018, 66(1): 47–58. https://doi.org/10.1080/10758216.2018.1445973
31. Ehin P., Talving L. Still second-order? European elections in the era of populism, extremism, and Euroscepticism. *Politics*, 2021, 41(4): 467–485. https://doi.org/10.1177/0263395720986026

© 2023. Кириченко А. Т., Яковенко Т. В.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Методический подход к оценке лидерских качеств управленцев на промышленных предприятиях

Кириченко Андрей Тарасович
Донбасский государственный технический университет, Россия, Алчевск
https://orcid.org/0009-0007-3839-098X
andreykirichenko@mail.ru

Яковенко Татьяна Викторовна
Донбасский государственный технический университет, Россия, Алчевск
https://orcid.org/0000-0001-9512-8266

Поступила 11.07.2023. Принята после рецензирования 20.10.2023. Принята в печать 23.10.2023.

Аннотация: Особенности современного периода развития, а также специфические условия функционирования и инновационно-технологического развития промышленных предприятий требуют более продвинутых подходов к анализу лидерских качеств управленцев на промышленных предприятиях. В настоящее время вопрос оценки лидерских качеств и влияния лидерства на показатели эффективности деятельности предприятия остается актуальным. Цель статьи – обосновать методическую последовательность оценки лидерства в системе управления персоналом промышленных предприятий, способствующую эффективной деятельности данных предприятий. Разработка и внедрение нового методического подхода на промышленном предприятии позволит дать ответы на актуальные вопросы формирования, становления и влияния лидерства на инновационно-технологическое и социально-экономическое развитие промышленного предприятия. На основании проведенного анализа рассматривается актуальность, а также недостатки существующих методик оценки лидерства на промышленных предприятиях. Определены показатели оценки лидерства на промышленных предприятиях, выявлены особенности оценки лидерства. Обоснована методическая последовательность оценки лидерства в системе управления персоналом промышленных предприятий. Оценка лидерства должна осуществляться в направлении формирования и использования лидерства. В процессе формирования методики оценки лидерства важно оценивать его влияние на достижение основных инновационно-технологических и социально-экономических ориентиров предприятия.

Ключевые слова: лидерство, лидерские качества, оценка лидерства, промышленное предприятие, лидер, методическая последовательность

Цитирование: Кириченко А. Т., Яковенко Т. В. Методический подход к оценке лидерских качеств управленцев на промышленных предприятиях. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 4. С. 453–461. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-453-461

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Assessing the Leadership Qualities of Industrial Enterprises' Managers: Methodological Approach

Andrey T. Kirichenko
Donbass State Technical University, Russia, Alchevsk
https://orcid.org/0009-0007-3839-098X
andreykirichenko@mail.ru

Tatiana V. Yakovenko
Donbass State Technical University, Russia, Alchevsk
https://orcid.org/0000-0001-9512-8266

Received 11 Jul 2023. Accepted after peer review 20 Oct 2023. Accepted for publication 23 Oct 2023.

Abstract: The modern development period features, as well as the specific conditions of functioning and development of industrial enterprises require more advanced approaches to the managers' leadership qualities analysis. Currently, the issue of assessing leadership qualities and the influence of leadership on the performance indicators of the enterprise remains relevant. The purpose of the article is to substantiate the methodological sequence of leadership assessment in the personnel management system of industrial enterprises, contributing to their effective operation. The development and implementation of such a methodological approach at an industrial enterprise will provide answers to topical issues of the formation and influence of leadership on the innovative, technological, and socio-economic development of an industrial enterprise. Based on the analysis, the article

examines the relevance and shortcomings of existing methods for assessing leadership in industrial enterprises. The authors determine the indicators of leadership assessment and reveal the features of leadership assessment; substantiate methodological sequence of leadership assessment in the personnel management system of industrial enterprises. The authors conclude that the leadership formation and its use should be assessed. In the process of forming a methodology for assessing leadership, it is important to evaluate its impact on achieving the main innovative, technological, and socio-economic guidelines of the enterprise.
Keywords: leadership, leadership skills, leadership assessment, industrial enterprise, leader, methodical sequence

Citation: Kirichenko A. T., Yakovenko T. V. Assessing the Leadership Qualities of Industrial Enterprises' Managers: Methodological Approach. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 453–461. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-453-461

Введение

В настоящее время совершенная, признанная и основанная на причинно-следственных связях (относительно влияния лидерства на производительность труда, а через него и на показатели эффективности деятельности предприятия) методика оценки лидерства еще не разработана и не сформирована. Этот вопрос весьма актуален, и его значимость возрастает с развитием теоретических и прикладных разработок в области управления промышленным предприятием и утверждением выводов о положительном влиянии реализации лидерских программ не столько на повышение эффективности управления предприятием, сколько в целом на способность субъекта хозяйствования правильно определять и реализовывать корпоративную стратегию развития предприятия.

Разработка и дальнейшая апробация методики оценки лидерства на промышленных предприятиях поможет дать ответы на многие ключевые вопросы:

- насколько широкое распространение получили процессы формирования и использования лидерства;
- соответствует ли их объем планируемым задачам в данной сфере;
- какими характеристиками наделены лидеры, как они соотносятся с моделью лидерского климата и культурой предприятия;
- каковы тенденции формирования лидерского потенциала субъекта хозяйствования;
- насколько эффективно используется лидерство, каково его влияние на систему управления предприятием;
- каковы связи между лидерством и основными параметрами функционирования и развития предприятия, выполнением его миссии и задач в системе целей функционирования на внутреннем потребительском рынке и т. д.

Вопросам лидерства и руководства посвящено множество исследований отечественных и зарубежных ученых, среди которых можно выделить П. С. Авдеева, Б. Аволио, И. Адизес, Л. В. Ануфриенко, Э. Аронсона, Б. Басс, Т. В. Бендас, К, Бланшара, Р. Блэйка, Д. Гоулмана, Н. И. Гусеву, Дж, Даунтон, М. Ю. Долгова, А. Н. Занковского, Л. Н. Кибардину, В. В. Колчину, Л. С. Крутько, М. О. Латуху, Р. О. Лепаева, О. А. Лымареву, Дж. МакГрегор, Д. Мак-Клелланд, М. А. Мень, Т. Митчелла, Дж. Моутона, Р. Осборна, Р. Стодгилла, Р. Томаса, М. М. Трохину, С. Р. Филонович, Дж. Ханта, Р. Хауза, Е. А. Чмиль, Дж. Шермерорна, Р. Эйкерт и др. В большинстве отечественных работ основное внимание уделяется качествам, которые присущи лидерам, теориям и стилям лидерства. Зарубежные авторы акцентируют свое внимание на рекомендациях о том, как стать эффективным лидером или развить в себе лидерские качества [1]. Исследования научных источников свидетельствуют, что технологии развития лидерства в управлении промышленным предприятием с применением передового опыта еще нуждаются в научных исследованиях и разработках. Цель статьи – обосновать методическую последовательность оценки лидерства в системе управления персоналом промышленных предприятий, способствующую эффективной деятельности данных предприятий.

Материалом исследования послужили результаты работ зарубежных и отечественных ученых. Использованы общенаучные методы: наблюдение, интервью, анализ документов, опросы по оценке культуры, кросс-кадровые опросы, метод анкетных опросов с последующим количественным изучением, сравнительный метод, методы анализа и синтеза. Применение указанных методов позволило авторам предложить рекомендации по оценке лидерства в системе управления персоналом промышленных предприятий для обеспечения эффективной деятельности.

Разработанная методическая последовательность оценки лидерства в системе управления персоналом была апробирована на промышленных предприятиях Луганской Народной Республики. Базой для исследования послужили четыре ведущих предприятия

региона: ООО «Алчевский металлургический комбинат», ООО «Пески Донбасса», ПАО «Стахановский завод ферросплавов», ООО «Первомайский электромеханический завод им. К. Маркса». В опросе приняло участие около 1000 человек.

Теоретические и методические положения оценки лидерства

Исследуя феномен лидерства, рассмотренный в работах отечественных и зарубежных ученых с психологической и с организационной точки зрения [2–26], становится понятно, что лидерство возникает и функционирует на организационном уровне. Понятие *лидерство* понимается нами как воздействие лидера на персонал промышленных предприятий, основанное на лидерских качествах, позволяющих ему успешно руководить другими людьми и влиять на них, чтобы повести их за собой для совместной реализации управленческих решений по достижению определенной цели, связанной с развитием промышленного предприятия. Возникает необходимость исследования лидерства не в контексте общечеловеческих психологических ценностей, а с точки зрения организационных ценностей, что напрямую связывает исследуемый феномен с деятельностью промышленного предприятия [2]. На этих положениях базируется разработанная нами методическая последовательность оценки лидерских качеств управленцев на промышленных предприятиях (рис.).

Процесс оценки лидерства в промышленном секторе объективно должен состоять из 2-х частей. Естественно, сначала необходимо ответить на вопрос о том, насколько процессы лидерства реально охватили систему управления предприятием, получили широкое распространение и внедрились во все сферы деятельности предприятия и его структурных подразделений. Соответственно, 1-я часть оценки лидерства касается состояния формирования лидерства. При обобщении выводов о формировании лидерства уместно перейти к анализу его эффективности, как прямой (эффективное использование лидерского потенциала, его влияние на корпоративное управление и т. д.), так и опосредованному (качественное влияние на совершенствование инновационно-технологических, социально-экономических процессов и т. д.). Именно поэтому 2-я часть анализа касается не формирования, а непосредственно использования лидерства на промышленном предприятии.

В соответствии с основами управления, анализ ситуации всегда должен начинаться с оценки текущего положения дел. Именно поэтому на первом этапе необходимо охарактеризовать такие параметры, как *количество руководителей, степень проникновения лидерства в организационную структуру* по уровням и функциям управления, структурным подразделениям предприятия, внутренним и внешним характеристикам формируемых лидеров [3].

Может показаться, что сбор и обработка таких данных является относительно легким процессом, но на практике эта задача достаточно сложна в реализации и требует применения специальной техники. По результатам изучения практики внедрения лидерства на предприятиях целесообразно подчеркнуть существенные преимущества, позволяющие использовать информационные технологии в области управления промышленным предприятием. В настоящее время разработан ряд систем планирования ресурсов предприятия (ERP-системы), где должное место отводится анализу и моделированию процессов эффективного управления предприятием [4].

Существует значительный потенциал для налаживания и развития межотраслевого сотрудничества (например, в части развития лидерского потенциала) субъектов промышленного предприятия и IT-бизнеса. Обе стороны могут найти преимущества сотрудничества. Для промышленного предприятия это в первую очередь разработка и внедрение созданных под особенности и параметры своего бизнеса программ управления процессами и / или даже руководства. Возможности промышленного сектора и широкая клиентская база позволяют использовать их для продвижения услуг представителей IT-бизнеса [5; 6]. Этот инструмент позволяет формировать массивы информации, эмпирически объединять исходные данные и результаты моделирования. Иными словами, преобразовать качественную информацию, собранную в результате опроса работников предприятий, в количественные результаты.

Следует отметить, что для оценки основных качественных характеристик, навыков, поведенческих моделей, стилей, качества, ключевых компетенций руководителей могут использоваться такие инструменты формирования данных, как профили личности, центры оценки, формы управления талантами, профили карьеры, тестирование способностей, выявление и оценка компетенций, опросы и интервью.

Вышеперечисленные инструменты позволяют сформировать информационную базу для анализа состояния руководства на предприятии. Но в дальнейшем эти данные нуждаются в обработке, для чего может быть применен ряд соответствующих методов, одним из которых является метод анкетных опросов с последующим количественным изучением [7]. При этом могут использоваться как стандартные, так и специально разработанные опросники, выделяющие несколько направлений анализа (источников факторов), на основе которых выдвигается несколько утверждений (вариантов возможных ответов, поведения руководителя или, наоборот,

респондента в определенной ситуации), а интервьюируемый отвечает, как часто лидер выбирает тот или иной стиль (способ) поведения, принимает те или иные решения.

Например, хорошо известна методика Университета штата Огайо Leader Behavior Description Questionnaire (LBDQ), которая предусматривает различные сценарии поведения лидеров, причем по двум основным направлениям: структурообразующее поведение (в какой степени руководители используют и уделяют должное внимание формальной организационной системе и четкому разделению функций между сотрудниками) и взаимоотношения руководителя с подчиненными (значение, придаваемое лидером поддержанию определенной атмосферы в рабочем коллективе).

Некоторые промышленные предприятия стали использовать вид опроса под названием HEXACO-PI, где респонденты, давая ответы на специально разработанные вопросы, сначала самостоятельно формируют т. н. портрет идеального руководителя, а затем сравнивают характеристики сотрудников-руководителей, работающих на предприятии, с этими эталонными характеристиками [9].

Рис. Методическая последовательность оценки лидерских качеств управленцев на промышленных предприятиях
Fig. Method guidelines for assessing the leadership qualities of industrial enterprises' managers

В процессе исследования лидерских качеств управленцев промышленных предприятий Луганской Народной Республики была применена хорошо известная методика, называемая многомерным опросником лидерства (Multifactor Leadership Questionnaire, MLQ), которая включает в себя набор из 45 утверждений, связанных со стилями управления и их возможными результатами с точки зрения эффектов и эффективности [8].

Следующим этапом после анализа состояния является оценка динамики лидерства в промышленном секторе. Здесь важно установить не столько определенные отклонения, сколько, во-первых, направления основных тенденций (улучшение, ухудшение, радикальное изменение траектории развития и т. д.), во-вторых, темпы их роста (стабильность, ухудшение или улучшение ситуации; высокие, критически высокие, угрожающие темпы изменения и т. д.).

По результатам оценки динамики сделаны выводы о позитивных изменениях, которые руководству компании необходимо поддержать; негативных изменениях, которые должны быть устранены с помощью административных или мотивационных рычагов; возможном отсутствии изменений, противоречащем разработанной на предприятии программе развития лидерства и, соответственно, требующем корректировки. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что анализ динамики может выявить нарушения в структуре руководства, что не менее важно [10]. Например, определенные характеристики лидерства на предприятии могут улучшаться, но развитие одной характеристики может значительно опережать совершенствование другой. Это может вызвать определенные искажения в стабильности лидерского климата, например, замещение лидеров или некоторых характеристик другими, из-за чего они перестанут развиваться.

Следует отметить, что в контексте анализа состояния и динамики формирования культуры лидерства и параметров коллективного лидерства на промышленных предприятиях нами использованы такие методы формирования данных, как фокус-группы, наблюдения, интервью, анализ документов, опросы по оценке культуры, кросс-кадровые опросы (с последующим их анализом).

Следующим этапом предлагаемой методической последовательности оценки лидерства является диагностика его эффективности, которая должна оцениваться на разных уровнях ее проявления [11]. Методика оценки должна распространяться на микро- и макроуровневые аспекты эффективности, выявляя степень реализации лидерского потенциала в контексте реализации стратегических экономических зон промышленного комплекса. Это обеспечит полноту и согласованность результатов диагностики производительности. Более того, предприятия могут использовать подход с определением интегрального коэффициента эффективности лидерства как суммы частичных коэффициентов эффективности (для каждого из уровней проявления эффектов лидерства), умноженных на присущие им весовые коэффициенты.

Что касается наноуровня, то при оценке эффективности лидерства оперируют всеми возможными характеристиками, которые обычно используются на конкретном предприятии при характеристике лидерства, в частности, уровни, статус, процессы, стили, типы, функции, качества, компоненты и результаты. Однако чаще всего для оценки используются следующие характеристики: 1) видение будущего; 2) ориентация на потребителя и качество продукции; 3) целостность; 4) надежность и приверженность делу; 5) умение общаться и влиять; 6) умение «стирать» границы; 7) навык формирования команды и делегирования полномочий; 8) знания, опыт, интеллект; 9) инициативность и быстрота принятия решений; 10) глобальный менталитет [12].

Относительно эффективности лидерства на микроуровне следует выделить следующие показатели: параметры влияния лидерства на психофизиологические показатели, производительность труда и экономическую активность сотрудников; реализация творческих способностей персонала и интеллектуального капитала предприятия; повышение профессиональной квалификации работников; повышение конкурентоспособности товаров; укрепление корпоративной культуры предприятия, в частности, в социально-трудовой сфере.

Макроуровневые аспекты эффективности лидерства проявляются в его влиянии на социальную рабочую среду, эффективность работы коллектива, результаты функционирования подразделений и предприятия в целом [13]. Ниже приведены соответствующие параметры и направления последовательного влияния руководства на ключевые аспекты эффективности системы управления промышленным предприятием.

Следует подчеркнуть, что в контексте стратегических перспектив функционирования и развития промышленных предприятий гораздо важнее оценка эффективности лидерства в контексте реализации потенциала стратегических экономических зон промышленного предприятия. Умение устанавливать и реализовывать связь между стратегией и достижением бизнес-целей, по сути, является практикой эффективного поведения руководителей, а важной задачей оценки лидерства является формирование информации для повышения ее уровня.

Оценить влияние лидерства на реализацию экономических и функциональных стратегий предприятия

можно только качественно, путем последовательных ответов на вопросы:

- соответствует ли фактическое состояние их реализации и результаты запланированным целям;
- если есть отклонения, то каковы их причины, а также какие действия (бездействие) сотрудников к этому привели;
- если ответственность за недостижение запланированных показателей касается и руководителей, то каков уровень их ответственности, каковы основные ошибки;
- какие внутренние и внешние характеристики лидеров необходимо изменить;
- какие коррективы должны быть внесены в рамках коллективного лидерства и лидерского климата [14].

В направлении использования лидерства важная роль на промышленных предприятиях должна быть отведена оценке влияния лидерства на инновационно-технологические и социально-экономические процессы предприятия.

Влияние лидерства на совершенствование технологических и экономических процессов промышленных предприятий следует оценивать по следующим направлениям: *повышение ключевых финансово-экономических показателей; совершенствование технических и технологических характеристик процессов; устранение* или, по крайней мере, *критическое устранение временных затрат; повышение уровня качества производимых товаров* [15].

Известно, что оценка эффективности производственных мощностей методически является достаточно сложным процессом. Оценить влияние лидерства на состояние и качество технологических и экономических процессов еще сложнее, однако это возможно сделать с помощью качественных или количественных методов оценки. Качественный анализ позволяет делать выводы об особенностях технологических и экономических процессов, наличии т. н. узких мест, а также избыточных или слишком трудоемких функций. Соответственно, по его результатам можно сделать вывод, что лидерство в большей степени влияет на аспекты организации и управления производственными процессами (в частности, их технико-технологические и временные характеристики).

Количественный анализ предполагает оценку хода производственных процессов с использованием конкретных финансово-экономических показателей, а также технических и качественных параметров. К финансово-экономическим показателям целесообразно отнести стоимость производственного процесса; переменные затраты на сопровождение производственных процессов; трудозатраты исполнителей; затраты на электроэнергию, связанные с производственным процессом; расходы на обеспечение связи и доступа к информации. К технико-технологическим показателям относятся количество функций производственного процесса, которые выполняются на рабочем месте; количество задействованного персонала, в частности в структуре. К временным показателям ученые относят среднее время выполнения производственного процесса в целом; среднее время простоя; среднее время выполнения отдельных этапов и функций производственного процесса [16–19].

Чтобы оценить влияние лидерства на технико-экономические процессы, Р. Дилтс и др. [20] предлагают использовать на промышленных предприятиях такие методы, как имитационное моделирование, методы высвобождения ресурсов, достижения личностного выравнивания и присоединения, которые были применены нами в процессе исследования лидерских качеств управленцев промышленных предприятий региона.

Стать лидерами промышленного сектора экономики – стратегически важная задача, но еще более актуальным является обеспечение сплоченности и координации, что может быть достигнуто только через формирование коллективного лидерства. Именно поэтому следующим этапом оценки лидерства на предприятиях анализируемого вида экономической деятельности является анализ состояния формирования интеграционных отношений лидерства [21; 22]. Это важно и в контексте того, что анализ в данной области позволяет сделать выводы о степени сформированности коллективного лидерства на предприятии. При низкой степени сформированности успешность политики управления лидерством будет недостаточной, а весь процесс будет плохо управляем и не ориентирован на единую политику и единый результат.

Нельзя не согласиться с А. Г. Быстровым [23] в том, что оценка состояния формирования коллективного руководства должна начинаться с выявления на предприятии руководящей организационной структуры, затем – сопоставления фактического положения дел с планируемой структурой, оценки состояния налаживания и функционирования соответствующих отношений и подчинений, признания общих корпоративных ценностей и наличия (отсутствия) проявлений девиантного поведения.

Результаты такого предварительного анализа следует дополнить опросом сотрудников предприятия, направленным на выявление таких важных аспектов деятельности руководителей, как готовность брать на себя ответственность за коллектив; готовность брать на себя ответственность за коллективный результат, особенно в случае неудачи, отдавая предпочтение коллективному результату перед личным

(и, в идеале, подчинение и гармонизация собственных интересов с корпоративными ценностями); готовность руководителей сотрудничать с «сильными» подчиненными; умение слушать, готовность и способность учить других; умение организовывать совместную работу среди руководителей; отсутствие попыток самоутверждения за счет других [24].

В качестве завершающего этапа анализа лидерства на промышленных предприятиях проводится оценка влияния лидерства на модернизацию их стратегического развития. Обеспечение такого положительного воздействия является основной стратегической задачей политики внедрения лидерства на предприятиях [25; 26]. На этом этапе анализа мы смогли ответить на вопросы: 1) влияет ли лидерство на совершенствование корпоративных, деловых и функциональных стратегий развития предприятия; 2) насколько и в какой степени эти изменения последовательны и соответствуют тенденциям развития бизнес-среды, конкуренции в целевом сегменте рынка и промышленности в целом, эволюции потребительских запросов на промышленные товары.

Благодаря представленному методическому подходу, путем анкетирования работников промышленных предприятий выявлены положительные аспекты, а также недостатки, подлежащие устранению в процессе усовершенствования методики управлением лидерством:

- идентификация лидерства – низкая доля лидеров (9,7 %) и высокая доля неформального лидерства (44,2 %), менее контролируемого со стороны руководства;
- свойства лидерства – недостаточный охват лидерами таких функций управления, как анализ (35,7 %), планирование (42,8 %), контроль (58,7 %). Неполноценная реализация важных функций лидерства: установления целей и основной линии поведения группы путем указаний сверху от руководства или непосредственного лидера; экспертности, регулирования и внедрения новых подходов к взаимодействию персонала и управлению им;
- влияние лидерства на эффективность хозяйствования – низкая эффективность влияния лидерства на профессионально-квалификационное развитие персонала (79 % опрошенных оценили значение этого показателя ниже 15 %); отсутствие надлежащего влияния лидерства на производительность, эффективность труда и психофизиологическую готовность к труду (7,8 % указали на отсутствие такой связи, 68,4 % – на его низкий уровень); слабое влияние лидерства на улучшение социально-трудовой компоненты корпоративной культуры предприятий (52,4 % респондентов).

Заключение

Важной функцией политики внедрения лидерства в промышленности является оценка лидерства, реализуемая с помощью специально разработанной методической последовательности. Оценка лидерских качеств должна осуществляться в двух направлениях: формирование и использование лидерства. Для получения положительного результата политики внедрения лидерства необходимо осуществить поэтапный анализ состояния и эффективности лидерства, его динамики и интегративных свойств, оказываемого им влияния на бизнес-процессы и модернизацию стратегического плана развития промышленного предприятия. В процессе оценки лидерства на промышленном предприятии важно обращать внимание не только на состояние сформированности и эффективность использования лидерства, но и степень его влияния на достижение основных целевых ориентиров предприятия в таких сферах, как условия труда, социально-трудовые отношения, социальная инфраструктура, стимулирование труда, производительность и эффективность, организация и регулирование труда, обучение и развитие персонала, формирование и эффективное использование интеллектуального кадрового потенциала.

На основе разработанной и апробированной на промышленных предприятиях Луганской Народной Республики авторской методической последовательности оценки лидерских качеств управленцев было установлено, что главными препятствиями для внедрения и реализации лидерства при управлении промышленными предприятиями региона являются: авторитарный стиль руководства, недостаточность квалифицированных кадров, отсутствие должной мотивации персонала, технологическая изолированность работников и недостаточность коммуникации между ними, высокая занятость, неодинаковое отношение руководства к персоналу, несправедливое распределение обязанностей и несправедливое вознаграждение за труд.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Некрасов А. С. Роль лидера в организации. *Инновационная наука*. 2017. Т. 1. № 4. С. 148–150. [Nekrasov A. S. The role of a leader in an organization. *Innovacionnaya nauka*, 2017, 1(4): 148–150. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ylzotv
2. Долгов М. Ю. Лидерство как основной инструмент управления современным промышленным предприятием. *Современные тенденции развития науки и технологий*. 2016. № 4-10. С. 32–35. [Dolgov M. Yu. The features of the creation of the system of the personnel motivation in the innovative organizations. *Sovremennye tendentsii razvitiia nauki i tekhnologii*, 2016, (4 10): 32–35. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vwqeix
3. Лымарева О. А., Слупская А. В. Лидерство как основной инструмент менеджмента производственного предприятия. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 4. С. 371–373. [Lymareva O. A., Slupskaia A. V. Leadership as the main management tool of a manufacturing enterprise. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2014, (4): 371–373. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/sdypbn
4. Вендров А. М. CASE-технологии. Современные методы и средства проектирования информационных систем. *Финансы и статистика*, 1998. 176 с. [Vendrov A. M. CASE technologies. Modern methods and means of designing information systems. *Finansy i statistika*, 1998, 176. (In Russ.)]
5. Емельянов В. А. Анализ существующих подходов к разработке современных корпоративных информационных систем. *Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности*: Междунар. науч.-практ. конф. В 3-х ч. (Уфа, 18 января 2017 г.) Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2017. Ч. 2. С. 53–55. [Emelianov V. A. Analysis of existing approaches to the development of modern corporate information systems. *Synthesis of science and society in solving global problems of our time*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. In 2 Pts, Ufa, 18 Jan 2017. Ufa: OMEGA SAINS, 2017, Pt. 2, 53–55. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/xqqbfd
6. Емельянова Н. Ю. Проектный подход к управлению разработкой информационных систем производственных предприятий. *Автоматизация: проблемы, идеи, решения*: Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 8 сентября 2017 г.) Челябинск: Агентство международных исследований, 2017. С. 23–25. [Emelianova N. Iu. Project approach to managing the development of information systems of industrial enterprises. *Automation: problems, ideas, solutions*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. Chelyabinsk, 8 Sep 2017. Chelyabinsk: Agentstvo mezhdunarodnykh issledovanii, 2017, 23–35. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/zeuczd
7. Григорьева Е. Ю. Методический инструментарий мониторинга неформального лидерства на предприятии. *Проблемы экономики*. 2006. № 3. С. 75–76. [Grigoreva E. Iu. Methodological tools for monitoring informal leadership in the enterprise. *Problemy ekonomiki*, 2006, (3): 75–76. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/kamgzl
8. Авдеев П. С. Технологии комплексного формирования лидерства на предприятии. *Экономика и социум*. 2012. № 4. С. 17–27. [Avdeev P. S. Technologies of complex formation of leadership in the enterprise. *Ekonomika i sotsium*, 2012, (4): 17–27. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/wbgowj
9. Максимов М. И., Ромчук В. К. Обзор современного подхода к корпоративной социальной ответственности как к драйверу устойчивого стратегического развития компании. *Инновации в управлении социально-экономическими системами (ICIMSS-2020)*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24–27 апреля 2020 г.) С. 143–153. [Maksimov M. I., Romchuk V. K. Review of the modern approach to corporate social responsibility as a driver of sustainable strategic development of the company. *Innovation in the management of socio-economic systems (ICIMSS-2020)*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. Moscow, 24–27 Apr 2020. Moscow: Rusains, 2020, 143–153. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/fjmrby
10. Колчина В. В. Формирование и развитие лидерских качеств эффективных менеджеров. *Современный ученый*. 2020. № 4. С. 163–167. [Kolchina V. V. Formation and development of leadership qualities of effective managers. *Modern Scientist*, 2020, (4): 163–167. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/uowwlj
11. Анищенко А. В. Проблемы лидера-руководителя на предприятиях нашего региона. *Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля*. 2021. № 2. С. 22–25. [Anishchenko A. V. Problems of a leader-manager in the enterprises of our region. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalia*, 2021, (2): 22–25. https://www.elibrary.ru/uyttoj
12. Лесина Л. А. Модели эффективного поведения лидера. *Девятые Ковалевские чтения. Социология и социологическое образование в России*: Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2014 г.) СПб: Скифия-принт, 2014. С. 374–375. [Lesina L. A. Models of effective leader behavior. *IX Kovalyov readings. Sociology and Sociological Education in Russia*: Proc. All-Russ Sci.-Prac. Conf., St. Peterburg, 14–15 Nov 2014. St. Petersburg: Skifiia-print, 2014, 374–375. (In Russ.)] https://elibrary.ru/wmqjrd

13. Шевчук Е. А. Системно-структурный подход к лидерству промышленных предприятий. *Экономика развития*. 2014. № 1. С. 94–100. [Shevchuk E. A. A systemic and structural approach to the leadership of industrial enterprises. *Ekonomika razvitiia*, 2014, (1): 94–100. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ryignv
14. Трохина М. М. Лидерство на промышленном предприятии. *Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности*: Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 10 апреля 2015 г.) Уфа: Аэтерна, 2015. С. 309–311. [Trokhina M. M. Leadership at an industrial enterprise. *Breakthrough economic reforms under conditions of risk and uncertainty*: Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa, 10 Apr 2015. Ufa: Aeterna, 2015, 309–311. (In Russ.)] https://elibrary.ru/tpjnzd
15. Карандасова В. В., Лошков Б. Д., Мельников А. С., Колесников А. В. Влияние инновационных изменений в системе управления персоналом на совершенствование системы управления предприятием. *Импульс организационных инноваций*: 2 межвузовский конкурс студентов, магистрантов и аспирантов. М.: Паблит, 2021. Т. 2. С. 209–222. [Karandasova V. V., Loshkov B. D., Melnikov A. S., Kolesnikov A. V. The impact of innovative changes in the personnel management system on the enterprise management system improvement. *The momentum of organizational innovation*: 2nd Interuniversity Competition of Students, Undergraduates and Postgraduates. Moscow: Pablit, 2021, 209–222. https://elibrary.ru/gnnqtq
16. Остапенко В. В., Морозова А. М. Лидерство как стратегический инструмент управления предприятием. *Вестник науки и образования*. 2019. № 21-1. С. 56–60. [Ostapenko V. V., Morozova A. M. Leadership as a strategic enterprise management tool. *Vestnik nauki i obrazovaniia*, 2019, (21-1): 56–60. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ghddci
17. Яндарбаева Л. А., Юшаева Р. С. Э., Дикаева Х. М. Роль лидера в инновационной деятельности предприятия. *ФГУ Science*. 2022. № 2. С. 164–168. [Yandarbaeva L. A., Yushaeva R. S. E., Dikaeva Kh. M. The role of the leader in the innovative activity of the enterprise. *FGU Science*, 2022, (2): 164–168. (In Russ.)] https://doi.org/10.36684/37-2022-26-2-165-170
18. Адизес И. Развитие лидеров. Как понять свой стиль управления и эффективно общаться с носителями иных стилей. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 259 с. [Adizes I. *Leading the leaders. How to enrich your style of management*. M.: Alpina Biznes Buks, 2008, 259. (In Russ.)]
19. Дзюба М. А. Успешные лидеры и факторы лидерства, влияющие на успех предприятия в современных условиях. *Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права*. 2018. № 15. С. 190–193. [Dzyuba M. A., Aralov A. V. Successful leaders and leadership factors affecting the success of the enterprise in modern conditions. *Vestnik Essentukskogo instituta upravleniia, biznesa i prava*, 2018, (15): 190–193. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yzgspz
20. Дилтс Р., Диринг Э., Рассел Дж. Альфа-лидерство. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. 256 с. [Dilts R., Deering A., Russel J. *Alpha leadership*. St. Petersburg: Praim-Evroznak, 2004, 256. (In Russ.)]
21. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1992. 702 с. [Mescon M., Albert M., Khedouri F. *Management*. Moscow: Delo, 1992, 702. (In Russ.)]
22. Чмиль Е. А. Роль лидера в организации. *Бизнес и дизайн ревю*. 2021. № 2. [Chmil E. A. Role of the leader in the organization. *Biznes i dizain reviu*, 2021, (2). (In Russ.)] https://elibrary.ru/pgljej
23. Быстров А. Г. Поведение лидера при внедрении инноваций в организации. *Бизнес информ*. 2013. № 11. С. 377–382. [Bystrov A. G. Behaviour of the leader when introducing innovations in the organization. *Business Inform*, 2013, (11): 377–382. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rpznvn
24. Филонович С. Р. 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 9. Лидерство и практические навыки менеджера. М.: ИНФРА-М, 1999. 328 с. [Filonovich S. R. *17-modular program for managers "Organization development management". Module 9. Leadership and practical skills of a manager*. Moscow: INFRA-M, 1999, 328. (In Russ.)]
25. Авдеев П. С. Технологии комплексного формирования лидерства на предприятии. *Экономика и социум*. 2012. № 4. С. 17–27. [Avdeev P. S. Technologies of complex formation of leadership in the enterprise. *Ekonomika i sotsium*, 2012, (4): 17–27. (In Russ.)] https://elibrary.ru/wbgowj
26. Ильченко С. В. Лидерство в контексте инновационной деятельности предприятия. *Вестник экспериментального образования*. 2020. № 1. С. 30–41. [Ilchenko S. V. Leadership in the context of innovative enterprise activities. *Journal of experimental education*, 2020, (1): 30–41. (In Russ.)] https://elibrary.ru/tpsbel

© 2023. Morozova E. A., Larin S. S.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Социальное предпринимательство как научная категория

Морозова Елена Алексеевна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0003-2215-9808
morea@inbox.ru

Ларин Степан Сергеевич
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово

Поступила 07.09.2023. Принята после рецензирования 02.10.2023. Принята в печать 02.10.2023.

Аннотация: Как относительно новое явление для России социальное предпринимательство проходит процесс научного осмысления, формирования концептуального аппарата. Цель исследования – обосновать авторское видение сущности социального предпринимательства и ее отображения в дефинициях на основе изучения соответствующих подходов. Богатый содержательный смысл социального предпринимательства обусловливает целесообразность его понимания в широкой и узкой трактовке. В узком варианте предлагается определять его как предпринимательскую деятельность субъектов среднего и малого предпринимательства, направленную на достижение общественно полезных целей, способствующую решению социальных проблем граждан и общества. В широком смысле социальное предпринимательство включает в себя то, что предполагает его узкий смысл, а также социально ориентированную деятельность коммерческих предприятий; социальную деятельность некоммерческих организаций, благотворительных фондов; неформальное социальное предпринимательство, в т. ч. меценатство. В данном случае социальное предпринимательство – это организационно-экономическая деятельность, нацеленная на решение социальных проблем общества или его отдельных категорий на базе предпринимательского подхода.

Ключевые слова: социальная проблема, социальное предпринимательство, социальный предприниматель, предпринимательство, предпринимательская деятельность, экономическая деятельность

Цитирование: Морозова Е. А., Ларин С. С. Социальное предпринимательство как научная категория. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 4. С. 462–468. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-462-468

full article

Social Entrepreneurship as a Scientific Category

Elena A. Morozova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0003-2215-9808
morea@inbox.ru

Stepan S. Larin
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 7 Sep 2023. Accepted after peer review 2 Oct 2023. Accepted for publication 2 Oct 2023.

Abstract: As a relatively new phenomenon in Russia, social entrepreneurship is undergoing the scientific understanding and the formation of a conceptual apparatus. The purpose of the study is to substantiate the author's vision of the social entrepreneurship essence and its representation in definitions. The meaning of social entrepreneurship determines the expediency of its understanding in a broad and narrow interpretation. In a narrow intepretation, it is proposed to define it as the entrepreneurial activity of medium-sized and small businesses aimed at achieving socially useful goals, contributing to solving social problems of citizens and society. In a broad sense, social entrepreneurship includes what its narrow meaning implies, as well as socially oriented activities of commercial enterprises; social activities of non-profit organizations, charitable foundations; informal social entrepreneurship, including patronage. In this case, social entrepreneurship is an organizational and economic activity aimed at solving social problems of society or its individual categories based on the entrepreneurial approach.

Keywords: social problem, social entrepreneurship, social entrepreneur, entrepreneurship, entrepreneurship activity, economic activity

Citation: Morozova E. A., Larin S. S. Social Entrepreneurship as a Scientific Category. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 462–468. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-462-468

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Введение

Полноценный научный анализ любого объекта предполагает обязательную экспликацию и интерпретацию понятий, составляющих концептуальную схему его предметного поля. Данная исследовательская задача зачастую оказывается достаточно сложной, в частности, для наук социально-экономического, гуманитарного профилей, поскольку они отличаются высокой степенью многообразия точек зрения относительно трактовок изучаемых объектов, высокой динамикой процессов, которые в них описываются. Не является исключением и тематика социального предпринимательства, которое достаточно активно развивается за рубежом и в России. Несмотря на то, что понятие социального предпринимательства получило в России юридическое оформление, дискуссии о его содержательном толковании и соотношении с другими близкими, смежными понятиями не затихают.

Ученые утверждают, что, несмотря на многолетние исследования ученых, «в научной литературе до сих пор отсутствует единый подход к определению понятия "социальное предпринимательство"» [1, с. 167]. Также высказывается мнение, что «социальное предпринимательство представляет собой сложное и многогранное явление, существующее на стыке разных концепций, рынков и организационных форм, что усложняет его изучение и выявление концептуальных рамок» [2, с. 118].

Целью настоящего исследования является обоснование авторского видения сущности социального предпринимательства и ее отображение в дефинициях. Исследование построено на основе анализа научных источников, отражающих содержание феномена социального предпринимательства, его трактовок, организационно-правовых форм, практик реализации. Часть исследования посвящена анализу российского законодательства в области социального предпринимательства.

Результаты

Категория *социальное предпринимательство* подразумевает, что соответствующее явление представляет собой один из видов предпринимательской деятельности. В словарях экономического профиля предпринимательство чаще всего трактуется как «инициативная самостоятельная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, под свою имущественную ответственность или от имени и под юридическую ответственность юридического лица»[1].

Нам близка позиция, в соответствии с которой признается, что «в настоящее время предпринимательство рассматривается с разных точек зрения: как стиль хозяйствования, процесс организации и осуществления деятельности в условиях рынка, взаимодействие субъектов рынка и т. д.» [3, с. 56–57]. В любом случае предпринимательство подразумевает определенную экономическую деятельность, зачастую новаторскую, которая приносит доход и предполагает ответственность.

Определить место социального предпринимательства в его общей структуре непросто, поскольку обычно разновидностями предпринимательства называют производственное, коммерческое (торгово-коммерческое, посредническое), финансовое (кредитно-финансовое, банковское, страховое), консультативное, иногда добавляют сервисное предпринимательство [4; 5]. В российских первоисточниках, как правило, социальное предпринимательство в этом перечне отсутствует (за редкими исключениями, например, [6, с. 148]), хотя по логике оно должно быть включено в список разновидностей предпринимательства по аналогии с производственной и социальной сферами. К последней относятся здравоохранение, образование, социальная защита, культура, а также другие области, в которых осуществляется предпринимательская деятельность. Такой подход может означать, что социальное предпринимательство все еще не воспринимается как полноценный бизнес.

Относительным оправданием такому «игнорированию» социального предпринимательства можно считать его понимание как сквозного вида деятельности, характерного для различных отраслей – промышленности, строительства, сельского хозяйства, транспорта, финансовых, консалтинговых и прочих услуг, поскольку в каждой из них можно выделить социальный аспект.

Следует подчеркнуть, что некоторые зарубежные исследователи делят предпринимательство на коммерческое и социальное, считая целью последнего создание социальной ценности для блага общества, в то время как коммерческое предпринимательство направлено на поддержание прибыльных операций в личных целях [7]. А. И. Албутова в своей статье приводит классификацию типов предпринимательства под авторством П. Дасин, Т. Дасин и М. Матер, в которой наряду с традиционным, институциональным и культурным присутствует социальное предпринимательство [8, с. 118–119].

[1] Предпринимательство. In: Азрилиян А. Н. *Большой экономический словарь*. М.: Институт новой экономики, 1997. URL: http://economics.niv.ru/doc/dictionary/big-economic/articles/17/predprinimatelstvo.htm (дата обращения: 15.08.2023).

В любом случае социальное предпринимательство имеет некую социальную составляющую, что является основанием так его называть. В научной литературе и официальных документах социальная составляющая предпринимательства трактуется по-разному. Одни специалисты видят социальность предпринимательской деятельности в том, что она решает социальные проблемы, другие – в том, что она осуществляется в отраслях социальной сферы, третьи – в том, что в ней участвуют социально незащищенные или слабо защищенные категории граждан.

Разнообразие подходов к пониманию предпринимательства вообще и социальной составляющей соответствующей деятельности в частности рождает множество трактовок социального предпринимательства. Масла в огонь богатства определений подливают и отличия конкретных практик социального предпринимательства в разных странах, которые ученые в обобщенном виде отражают в его дефинициях. Так, Н. П. Иващенко и Н. И. Булыгина утверждают, что российские исследователи зачастую ориентируются на зарубежные трактовки [9, с. 116].

В странах Запада, где социальное предпринимательство получило практическое распространение и теоретическое подкрепление значительно раньше, чем в России[2] [10; 11], многие исследователи при толковании соответствующей категории обращали внимание прежде всего на организационно-правовые формы предприятий и организаций, занимающихся соответствующей деятельностью[3] [12–14]. В данном контексте убедительна точка зрения Ю. Н. Арай, которая изучила трактовки социального предпринимательства и разделила их на две группы – узкие и широкие: «социальное предпринимательство в узком смысле означает применение некоммерческими организациями инновационных подходов с целью получения дохода. Социальное предпринимательство в широком смысле понимается как социально ориентированная инновационная деятельность как в коммерческом (социально ориентированные коммерческие компании, корпоративное социальное предпринимательство), так и в некоммерческом секторе, либо на их стыке – в организациях смешанного типа» [2, с. 113].

А. А. Московская, посвятившая свои труды в соавторстве с коллегами исследованию процессов становления социального предпринимательства в России и за рубежом, описывает его европейские и англо-американские традиции [15]. «В англо-американском варианте истоки социального предпринимательства кроются в глубоко укорененных ценностях частной инициативы, благотворительности и независимости гражданского общества от государства. В европейском контексте базой для развития социального предпринимательства послужило кооперативное движение. Европейские страны нацелены на предоставление занятости уязвимым группам со сниженной конкурентоспособностью на рынке труда» [16, с. 684–685]. Анализ теоретических разработок позволил ученым вычленить базовые характеристики социального предпринимательства (предприятия): 1) целевая установка – удовлетворение каких-либо потребностей людей или решение социальной проблемы; 2) устойчивая экономическая деятельность; 3) новаторство, производство принципиально новой продукции или услуги [16, с. 685–686]. Данные признаки социального предпринимательства артикулируются и в большинстве определений российских исследователей: З. Г. Зайнашевой и Н. Г. Мешковой [17, с. 46], Н. П. Иващенко и Н. И. Булыгиной [9, с. 118], А. А. Московской и др. [15, с. 15], Фонда региональных социальных программ «Наше будущее»[4].

Однако с нашей точки зрения, более рациональной является позиция Ю. Н. Арай, которая считает, что «социальное предпринимательство – это безубыточная предпринимательская деятельность, движимая основной миссией компании – созданием социальной ценности – и направленная на решение проблем общества» [2, с. 118]. В ее определении не сделан акцент на инновационность (хотя она не исключается), что вполне оправдано, поскольку в реальной жизни новаторский подход может отсутствовать при осуществлении предпринимательской деятельности социальной направленности, что подтверждают и другие исследователи: «социальное предпринимательство не обязательно является инновационной деятельностью в плане производства нового продукта или услуги, ведь главное в данном явлении – это решение социальной проблемы, вне зависимости от оригинальности найденной идеи» [9, с. 119].

Что касается критерия безубыточности, то он тоже воспринимается неоднозначно. Даже крупный коммерческий бизнес в какие-то периоды может быть

[2] Borzaga C., Galera G., Franchini B., Chiomento S., Nogales R., Carini C. Social enterprises and their ecosystems in Europe. Comparative synthesis report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. URL: https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=8274&furtherPubs=yes; A Map of Social Enterprises and Their Ecosystems in Europe. European Commission. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015, 57. URL: https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=12987&langId=en (accessed 17 Aug 2023).

[3] Dees J. G. The meaning of "social entrepreneurship". Duke University's Fuqua School of Business, 2001. URL: https://centers.fuqua.duke.edu/case/knowledge_items/the-meaning-of-social-entrepreneurship/ (accessed 17 Aug 2023).

[4] Кодекс социального предпринимателя. *Фонд «Наше будущее»*. URL: https://www.nb-fund.ru/upload/iblock/9e2/9e249862aa9c1429feaa2ee6494604f0.pdf (дата обращения: 15.08.2023).

экономически неэффективным или даже обанкротиться. Предпринимательская деятельность не всегда складывается успешно, а социальному предпринимательству априори сложнее выдерживать конкуренцию на рынке и быть экономически устойчивым. В данном случае трудно не согласиться с точкой зрения, что категория *социальное предпринимательство* находится на стыке коммерческого и некоммерческого, экономического и социального, ценностного подхода и рационального расчета» [18, с. 109].

Отечественные исследователи не могут не учитывать тот факт, что в России понятие *социальное предпринимательство* определено на законодательном уровне в ФЗ № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" в части закрепления понятий "социальное предпринимательство" и "социальное предприятие"». Закон фиксирует четкие условия для этой деятельности. «Социальное предпринимательство – предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными ч. 1 ст. 24.1 настоящего Федерального закона; социальное предприятие – субъект малого или среднего предпринимательства, осуществляющий деятельность в сфере социального предпринимательства»[5].

Однако ссылка на статью закона в формулировке понятия делает его неполным, требует дополнительного ознакомления с некоторыми условиями. Например, деятельность может быть признана социальным предпринимательством, если предприниматель является инвалидом и осуществляет предпринимательскую деятельность без привлечения работников; предприниматель обеспечивает занятость слабозащищенных слоев населения, обеспечивает реализацию производимой ими продукции или осуществляет деятельность по производству товаров (работ, услуг), предназначенных для данных категорий граждан; предприниматель осуществляет деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей и способствующую решению социальных проблем общества и т. д. При этом в нормативном акте указаны и жесткие организационно-финансовые условия предпринимательской деятельности, необходимые для отнесения ее к социальной.

В законе установлено, что социальным предпринимательством можно считать деятельность, в которой участвуют слабозащищенные слои населения, и / или направленную на достижение значимых целей общества в социальной сфере. Еще одно важное обстоятельство, которое следует учитывать: анализируемый нормативный акт касается только субъектов малого и среднего бизнеса. Исследователи зачастую относят к акторам социального предпринимательства и некоммерческие организации (НКО), и крупный бизнес, если он реализует социальные программы, например, в формате корпоративной социальной ответственности (КСО). Важно подчеркнуть, что в нормативном определении социального предпринимательства отсутствует не только указание на инновационность деятельности, но и на ее безубыточность, окупаемость. Таким образом, законодательное определение социального предпринимательства в его полном виде невозможно считать научным из-за громоздкости и указанных ограничений, хотя без отсылки к определенному пункту закона оно выглядит достаточно адекватным.

На наш взгляд, в силу многоплановости и неоднозначности понятия *социальное предпринимательство* его следует трактовать в двух контекстах – широком и узком. В широком смысле слова социальное предпринимательство означает организационно-экономическую деятельность, нацеленную на решение социальных проблем общества или его отдельных категорий на базе предпринимательского подхода. Данное определение охватывает все виды и формы социального предпринимательства, касается его самых разнообразных субъектов, поскольку «с каждым годом во всем мире появляется все больше организаций, которые решают социальные проблемы с помощью различных бизнес-инструментов» [19, с. 254]. В узком смысле термин *социальное предпринимательство* целесообразно применять относительно деятельности социальных предприятий в их законодательно-нормативном толковании и трактовать как предпринимательскую деятельность субъектов среднего и малого предпринимательства, направленную на достижение общественно полезных целей, способствующую решению социальных проблем граждан и общества.

Особо подчеркнем, что в данных определениях не делается акцент на новаторство и окупаемость, как и на другие принципы предпринимательства (самостоятельность, свобода конкуренции, законность, ответственность и т. п.), поскольку они не являются жесткими и в определенном смысле заложены в самом термине *предпринимательство*.

[5] О внесении изменений в ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие». ФЗ № 245-ФЗ от 26.07.2019 (последняя редакция). *СПС КонсультантПлюс*.

Социальное предпринимательство в широком смысле включает в себя:

- деятельность социальных предприятий (то, что предполагает узкая трактовка социального предпринимательства);
- социально ориентированную деятельность коммерческих предприятий (корпоративная социальная ответственность, спонсорство);
- деятельность социально ориентированных НКО, благотворительных фондов;
- неформальное предпринимательство.

Следует учитывать, что названные субъекты социального предпринимательства участвуют в решении социальных проблем общества и отдельных категорий людей в разных масштабах и формах, но на базе предпринимательской активности и с учетом экономических возможностей.

Наличие оснований для дифференциации понятия *социальное предпринимательство* на широкое и узкое отчасти подтверждают выводы Р. В. Клиндуха, который, проанализировав его различные определения, пришел к выводу, что существует 3 соответствующих подхода. 1-й из них предполагает, что если деятельность приносит прибыль, которая направляется на решение социальных задач, то в этом случае ее можно считать социальным предпринимательством [1, с. 172]. Подобная точка зрения достаточно широко распространена, хотя сам автор ее не разделяет.

Рассматривая сущность социального предпринимательства, исследователи зачастую останавливаются на характеристиках социальных предпринимателей, описывают специфику их отношения к делу, личные качества. Д. Борнштейн отмечает такие характеристики, как принятие на себя роли руководителя миссии, стойкость, творческий подход к делу [20]. Дж. Л. Томпсон в своей работе называет способность сопереживать, стремление изменить мир к лучшему [21]. Г. Дис отмечает высокую ответственность перед обществом, преданность идее, готовность решать общественные проблемы[6]. Ш. А. Захра и М. Райт выделяют такие черты, как преданность идеям, инициативность, способность и готовность использовать новые возможности, ориентированность на инновации [22]. Но существуют и такие позиции, которые подчеркивают коммерческую жилку социальных предпринимателей. Например, Р. В. Клиндух предлагает формулу «созидательный бизнес с максимальной пользой для людей и очевидной перспективой для себя» [6, с. 156].

Представляет некоторый интерес описание типов социальных предпринимателей под авторством Ш. А. Захра и М. Райт, представленное Н. А. Гладким. Авторы, ориентируясь на такие критерии, как цель деятельности, масштабы деятельности, социальная значимость, социальная ценность, влияние на социальное равновесие, потенциал, ограничения и риски, эффективность, выделяют 3 типа социальных предпринимателей: *социальные мастера*, *социальные конструкторы*, *социальные инженеры* [23, с. 49–50].

Таким образом, вслед за понятием *социальное предпринимательство* весьма разнообразно трактуется и понятие *социальный предприниматель*. Однако в большинстве исследуемых подходов основной характеристикой социального предпринимателя называется его нацеленность на достижение общественной миссии с использованием бизнес-моделей и новаторства. В соответствии с приведенной в исследовании авторской трактовой социального предпринимательства, под социальным предлагается понимать такого предпринимателя, деятельность которого направлена на решение социальных проблем общества или его отдельных категорий на базе предпринимательского подхода.

Заключение

Социальное предпринимательство уверенно вошло в российскую действительность, активно развивается, приобретает новые формы. Это означает, что понятие социального предпринимательства требует теоретического оформления и категориальной определенности. К сожалению, принятое на законодательном уровне определение социального предпринимательства не совпало с теми экспликациями, которые приводятся в научных источниках российских и зарубежных авторов, что обусловило необходимость поиска новых, более гибких вариантов толкования, которые отражали бы его сущностную природу и при этом не противоречили принятой нормативной трактовке.

Богатое смысловое содержание явления *социальное предпринимательство* приводит к необходимости его понимания как минимум в двух контекстах – широком и узком. В широком смысле это понятие следует трактовать как организационно-экономическую деятельность, нацеленную на решение социальных проблем общества или его отдельных категорий на базе предпринимательского подхода. В узком смысле – как предпринимательскую деятельность субъектов среднего и малого предпринимательства, направленную на достижение общественно полезных целей, способствующую решению социальных проблем граждан и общества,

[6] Dees J. G. The meaning of…

что соответствует нормативному закрепленному определению данного термина. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что социальный предприниматель – это тот предприниматель, деятельность которого направлена на решение социальных проблем общества или его отдельных категорий на базе предпринимательского подхода.

В приведенных выше определениях отсутствует прямое указание на некоторые признаки, которые часто встречаются в дефинициях социального предпринимательства (получение прибыли и инновационность деятельности), поскольку они заложены в самом понимании предпринимательства, что делает их включение в определение понятия социальное предпринимательство необязательным. Однако данные авторами этого исследования определения не претендуют на истину в последней инстанции и требуют дальнейшего научного осмысления.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. А. Морозова – концептуализация, формирование методологии исследования, его логики и выводов, редактирование. С. С. Ларин – сбор информации, обзор литературы, подготовка черновика.
Contribution: E. A. Morozova conceptualized the research idea, chose the methodology, defined the research logic, formulated conclusions, and edited the article. S. S. Larin collected data, performed literature review, prepared a draft of the study.

Литература / References

1. Клиндух Р. В. Социальное предпринимательство: понятийно-терминологическая систематизация. *Экономика, предпринимательство и право*. 2019. Т. 9. № 3. С. 167–178. [Klindukh R. V. Social entrepreneurship: conceptual and terminological systematization. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, 2019, 9(3): 167–178. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/epp.9.3.41085
2. Арай Ю. Н. Социальное предпринимательство в начале XXI века: основные понятия и страновые особенности. *Российский журнал менеджмента*. 2013. Т. 11. № 1. С. 111–130. [Arai Yu. N. Social entrepreneurship at the beginning of the XXI century: basic concepts and country features. *Russian Management Journal*, 2013, 11(1): 111–130. (In Russ.)] https://elibrary.ru/pwyjdl
3. Болор Б. Понятие и содержание предпринимательства. *Проблемы науки*. 2017. № 7. С. 52–57. [Bolor B. The concept and content of entrepreneurship. *Problemy nauki*, 2017, (7): 52–57. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zbiexd
4. Кошелев А. А., Цацулин Д. С. Молодежное предпринимательство: теоретическое обоснование понятия, основные виды и функции. *Тенденции развития науки и образования*. 2022. № 84-1. С. 54–56. [Koshelev A. A., Tsatsulin D. S. Youth entrepreneurship: theoretical substantiation of the concept, main types and functions. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2022, (84-1): 54–56. (In Russ.)] https://doi.org/10.18411/trnio-04-2022-11
5. Потапцева А. Г., Субботина Т. Н. Анализ видов предпринимательской деятельности в России: современная ситуация. *Дневник науки*. 2022. № 5. [Potaptseva A. G., Subbotina T. N. Analysis of types of entrepreneurial activity in Russia: the current situation. *Dnevnik nauki*, 2022, (5). (In Russ.)] https://doi.org/10.51691/2541-8327_2022_5_3
6. Клиндух Р. В. Социальное предпринимательство: почему реализованные проекты смогли решить лишь малую часть социальных проблем в России. *Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность*. 2022. Т. 3. № 3. С. 145–158. [Klindukh R. V. Social entrepreneurship: why implemented projects have been able to solve only a small part of Russia's social problems. *Sotsialnoe predprinimatelstvo i korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost*, 2022, 3(3): 145–158. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/social.3.3.116798
7. Остин Дж., Стивенсон Г., Вей-Скиллерн Дж. Социальное и коммерческое предпринимательство: сходства и различия. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Менеджмент»*. 2010. № 3. С. 115–145. [Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social and commercial entrepreneurship: same, different, or both? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia "Menedzhment"*, 2010, (3): 115–145. (In Russ.)]
8. Албутова А. И. Социальное предпринимательство в России: ключевые игроки и потенциал формирования. *Экономическая социология*. 2013. Т. 14. № 3. С. 109–132. [Albutova A. I. Social entrepreneurship in Russia: key actors and the development potential. *Economic Sociology*, 2013, 14(3): 109–132. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ryihqr

9. Иващенко Н. П., Булыгина Н. И. Социальное предпринимательство в России: текущее состояние и особенности развития. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2019. Т. 10. № 1. С. 114–132. [Ivashchenko N. P., Bulygina N. I. Social entrepreneurship in Russia: current state and development features. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie)*, 2019, 10(1): 114–132. (In Russ.)] https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.1.114-132
10. Кадол Н. Ф. Развитие социального предпринимательства в странах европейского союза. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2020. № 3. [Kadol N. F. Development of social entrepreneurship in the countries of the European Union. *Regional economy and management: electronic scientific journal*, 2020, (3). (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/hraeho
11. Defourny J., Nyssens M. Conceptions of social enterprise and social entrepreneurship in Europe and the United States: convergences and divergences. *Journal of Social Entrepreneurship*, 2010, 1(1): 32–53. http://dx.doi.org/10.1080/19420670903442053
12. *New social entrepreneurs: the success, challenge, and lessons of non-profit enterprise creation*, eds. Emerson J., Twersky F. San Francisco: The Roberts Foundation, 1996, 417.
13. Johnson S. *Literature review on social entrepreneurship*. Edmonton: Canadian Centre for Social Entrepreneurship, 2000, 15.
14. Certo S. T., Miller T. Social entrepreneurship: key issues and concepts. *Business Horizons*, 2008, 51(4): 267–271. http://dx.doi.org/10.1016/j.bushor.2008.02.009
15. Московская А. А., Аларичева М. А., Албутова А. И., Лыткина Т. С., Мамута М. В., Попова И. П., Силаева В. Л., Сорокина О. С., Сыкалов И. А., Шлыкова О. В. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 286 с. [Moskovskaya A. A., Alaricheva M. A., Albutova A. I., Lytkina T. S., Mamuta M. V., Popova I. P., Silaeva V. L., Sorokina O. S., Sykalov I. A., Shlykova O. V. *Social entrepreneurship in Russia and in the world: practice and research*. Moscow: HSE, 2011, 286. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vtbpgh
16. Moskovskaya A. A., Soboleva I. V. Social entrepreneurship in the system of social policy: international experience and prospects of Russia. *Studies on Russian Economic Development*, 2016, (27): 683–688. https://doi.org/10.1134/S1075700716060113
17. Зайнашева З. Г., Мешкова Н. Г. Особенности социальных предпринимателей и понятие социального предпринимательства. *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. 2018. № 1. С. 45–53. [Zainasheva Z. G., Meshkova N. G. Peculiarities of social entrepreneurs and the concept of social enterprise. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy*, 2018, (1): 45–53. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/xrlabn
18. Благов Ю. Е., Арай Ю. Н. Социальное предпринимательство: проблемы типологии (предисловие к разделу). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Менеджмент»*. 2010. № 3. С. 109–114. [Blagov Yu. E., Arai Yu. N. Social entrepreneurship: problems of typology (preface to the section). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia "Menedzhment"*, 2010, (3): 109–114. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/mvvgyf
19. Арай Ю. Н. Бизнес-модели в социальном предпринимательстве: подход к построению типологии. *Российский журнал менеджмента*. 2018. Т. 16. № 2. С. 253–272. [Arai Yu. N. Business models in social entrepreneurship: an approach to building a typology. *Russian Management Journal*, 2018, 16(2): 253–272. (In Russ.)] https://doi.org/10.21638/spbu18.2018.205
20. Борнштейн Д. Как изменить мир. Социальное предпринимательство и сила новых идей. М.: Альпина Паблишер, 2015. 499 с. [Bornstein D. *How to change the world: social entrepreneurs and the power of new ideas.* Moscow: Alpina Pablisher, 2015, 499. (In Russ.)]
21. Thompson J. L. The world of the social entrepreneur. *International Journal of Public Sector Management*, 2002, 15(5): 412–431. http://dx.doi.org/10.1108/09513550210435746
22. Zahra S. A., Wright M. Understanding the social role of entrepreneurship. *Journal of Management Studies*, 2016, 53(4): 610–629. https://doi.org/10.1111/joms.12149
23. Гладкий Н. А. Типы социального предпринимательства и их роль в развитии национальной экономики. *Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право*. 2020. № 2. С. 47–52. [Gladkiy N. A. Types of social entrepreneurship and their part within the development of national economic. *Bulletin of Donetsk National University. Series C. Economics and Law*, 2020, (2): 47–52. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/oxllmt

© 2023. Попсуйко А. Н., Артамонова Г. В.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Особенности измерения производительности труда в медицинских организациях (на примере Кемеровской области – Кузбасса)

Попсуйко Артем Николаевич
Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0002-5162-0029
popsan@kemcardio.ru

Артамонова Галина Владимировна
Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний, Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0003-2279-3307

Поступила 09.11.2023. Принята после рецензирования 30.11.2023. Принята в печать 30.11.2023.

Аннотация: Статья посвящена проблеме измерения производительности труда в здравоохранении. В условиях отсутствия общепринятого стандарта оценки данного показателя в исследовании применяется количественный подход на основе анализа динамики посещений и численности врачей медицинских организаций Кемеровской области – Кузбассе. Авторы обращают внимание на остроту научных дискуссий вокруг проблемы соизмерения категорий количества и качества в контексте оценки производительности труда медицинских работников. Цель – проанализировать динамику и составить прогноз производительности труда врачебного персонала в Кемеровской области – Кузбассе. Реализация поставленной цели осуществлялась с опорой на общенаучные методы анализа и синтеза, логического анализа. Осуществлен анализ отечественной и зарубежной литературы, нормативно-правовой документации за период 2011–2021 гг., а также данных Федеральной службы государственной статистики. Для анализа данных применялись стандартные методы описательной статистики. Прогнозная модель составлена методом анализа временных рядов с помощью кроссплатформенного программного пакета для эконометрического анализа Gretl. Впервые представлен опыт оценки производительности труда врачебного персонала Кемеровской области – Кузбасса, выявлена отрицательная динамика показателя, составлен прогноз его развития. Продемонстрированы различные позиции ученых-исследователей в отношении проблемы количественного анализа труда сотрудников социальной сферы. Актуализирована проблема дальнейшего анализа производительности труда медицинского персонала с опорой на методологию многофакторного анализа.

Ключевые слова: производительность труда, врачи, Кемеровская область – Кузбасс, менеджеризм, число посещений, экономика медицинского труда

Цитирование: Попсуйко А. Н., Артамонова Г. В. Особенности измерения производительности труда в медицинских организациях (на примере Кемеровской области – Кузбасса). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 4. С. 469–477. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-469-477

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Features of Labour Productivity Measurement in Medical Organizations of the Kemerovo Region – Kuzbass

Artem N. Popsuyko
Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0002-5162-0029
popsan@kemcardio.ru

Galina V. Artamonova
Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0003-2279-3307

Received 9 Nov 2023. Accepted after peer review 30 Nov 2023. Accepted for publication 30 Nov 2023.

Abstract: The article is devoted to the problem of measuring labor productivity in healthcare. In the absence of a generally accepted standard for evaluating this indicator, the study uses a quantitative approach based on the analysis of the visits and doctors numbers dynamics in medical organizations of the Kemerovo Region. The purpose of the study is to analyze the dynamics and make a forecast of the medical personnel productivity. The authors use general scientific methods of analysis and synthesis, logical analysis; for data analysis standard methods of descriptive statistics were used. The forecast model is compiled by time series analysis using

a cross-platform software package for econometric analysis Gretl. Materials for analysis included domestic and foreign literature, regulatory documentation for 2011–2021, as well as data of the Federal State Statistics Service. The authors present the experience of evaluating the medical personnel productivity of the Kemerovo Region – Kuzbass, reveal negative dynamics of the indicator, and make a forecast of its development. The article demonstrates various views of scientists and researchers on the problem of quantitative analysis of social workers performance and actualizes the problem of further analysis of the medical personnel labor productivity based on the methodology of multivariate analysis.
Keywords: labour efficiency, doctors, Kemerovo Region – Kuzbass, managerism, visits number, medical labour economics

Citation: Popsuyko A. N., Artamonova G. V. Features of Labour Productivity Measurement in Medical Organizations of the Kemerovo Region – Kuzbass. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 469–477. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-469-477

Введение

Вопросы повышения производительности труда (ПТ) занимают одно из центральных мест в экономике труда. Принято считать, что данный показатель играет ключевую роль в понимании того, как наша экономика использует и распределяет ресурсы [1]. Однако существует ряд видов деятельности, профессий, для которых определить производительность весьма проблематично, что делает исследования в данной области не только сложными, но и интересными, актуальными. Авторам настоящего исследования близка мысль некоторых зарубежных экспертов о том, что в контексте здравоохранения производительность медицинского персонала трудно описать и измерить [2].

Предвосхищая анализ подходов к измерению ПТ в отрасли здравоохранения, необходимо отметить остроту научных дискуссий вокруг проблемы количественного измерения деятельности персонала в учреждениях социальной сферы. В центре внимания отечественных и зарубежных авторов находится проблема осмысления роли концепции менеджеризма в здравоохранении, образовании, социальной работе и других видах общественно значимой деятельности. Противники данного подхода указывают, что ориентация на количественные показатели в оценке эффективности деятельности приводит к инверсии и снижению качества, а также к росту имитационных практик, сокращению уровня профессионализма сотрудников организаций науки, здравоохранения и образования, утрате общественного предназначения социальных институтов, а также нецелевому использованию государственных ресурсов [3, с. 31]. Фокус на менеджеризм в рутинной управленческой практике, по мнению В. В. Ковалева и А. В. Дятлова, обусловлен стремлением повысить интенсивность труда (ученых, медиков, преподавателей, учителей и др.) и снизить издержки на его финансирование [3, с. 27]. В этом же направлении исследователи J. R. Zelnick и M. Abramovitz, проведя анонимный опрос 3000 специалистов социальных служб Нью-Йорка, пришли к выводу, что работникам с высокой приверженностью к данной концепции оказалось значительно труднее придерживаться миссии и фундаментальных ценностей социальной работы [4, p. 215]. На этом основании ПТ и иные показатели количественного анализа рассматриваются с позиции отрицательного влияния на качество оказываемых услуг.

Одновременно существует противоположный взгляд на рассматриваемую проблему. Так, T.-Y. Park et al. утверждают, что различные стимулы повышения ПТ в отрасли здравоохранения организационно и функционально связаны и одновременно создают дополнительные эффекты в виде безопасности медицинской помощи, высокого качества оказываемых услуг и человек-ориентированного поведения медицинских работников [5, p. 100]. У отечественных авторов можно обнаружить работы, в которых количественный анализ не противопоставляется, а дополняется вопросами качества. Так, Ю. Р. Кашерининов отмечает, что состояние медицинской помощи следует рассматривать одновременно в 4-х взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектах: качество, адекватность, производительность и эффективность [6, с. 170].

Существует мнение, что «нельзя управлять тем, что невозможно измерить, но всего, что измеримо, можно достичь» [7, с. 93]. В этой связи ПТ является одним из показателей, позволяющих оценить результативность труда медицинских работников. В ранее опубликованной работе авторов была показана взаимосвязь данного понятия с другими смежными категориями [8]. Несмотря на наличие исследований, посвященных анализу подходов к измерению и пониманию ПТ в учреждениях социальной сферы [9–11], наблюдается заметный дефицит знаний в области изучения данного вопроса применительно к региональному здравоохранению.

Цель исследования – проанализировать динамику и составить прогноз ПТ врачебного персонала в Кемеровской области – Кузбассе.

Реализация поставленной цели осуществлялась с опорой на общенаучные методы анализа и синтеза, логического анализа. Был проведен анализ отечественной и зарубежной литературы, нормативно-правовой документации за период 2011–2021 гг., а также информации официального интернет-ресурса Федеральной службы государственной статистики. При анализе данных применялись стандартные методы описательной статистики, прогнозная модель составлена методом анализа временных рядов с помощью кроссплатформенного программного пакета для эконометрического анализа Gretl.

Результаты

В условиях отсутствия единых подходов к измерению ПТ в исследовательском пространстве существует множество подходов к измерению данного показателя в отрасли здравоохранения (табл. 1).

1. Натуральный:
   - число посещений врача;
   - число вылеченных больных на одного врача;
   - число процедур на одного работника среднего медицинского персонала;
   - загрузка кабинета.
2. Трудовой:
   - выполнение норм времени приема на одного пациента.
3. Стоимостный:
   - выручка на одного работника;
   - прибыль на одного работника.
4. Качественный:
   - экономия рабочего времени за счет восстановления трудоспособности.

В рамках настоящего исследования для измерения ПТ был выбран натуральный метод, который нашел отражение в ряде работ зарубежных авторов [12; 13]. Данный подход близок по своему содержанию к термину *нагрузка на персонал*. В качестве основного показателя будет использоваться количество посещений, приходящихся на одного врача в единицу времени (неделя, месяц, год). В настоящем исследовании расчет был произведен в годовом измерении. Руководствуясь настоящим методом, а также опираясь на информацию Федеральной службой государственной статистики[1], авторами проанализирована динамика основных элементов вышеназванного подхода.

В первую очередь изучено количество посещений на амбулаторно-поликлиническом этапе в Кемеровской области – Кузбассе в период 2011–2021 гг. (табл. 1).

Табл. 1. Эконометрический анализ числа посещений врачей (включая профилактические, посещения зубных врачей)
Tab. 1. Econometric analysis of the office visits number (including preventive and dental)

Год	Общая численность посещений, количество человек	Абсолютный прирост, количество человек		Темп роста, %		Темп прироста, %		Абсолютное содержание 1 % прироста	Средний уровень интервального ряда, количество человек	Средний темп роста	Средний темп прироста	Средний абсолютный прирост, количество человек
		Цепной	Базисный	Цепной	Базисный	Цепной	Базисный					
2011	30543347	–	–	100,00	100,00	–	–	–	27371921	0,97	–0,028	–757277
2012	31113823	570476	570476	101,80	101,80	1,80	1,80	305433				
2013	30212650	–901173	–330697	97,10	98,90	–2,90	–1,10	311138				
2014	28964148	–1248502	–1579199	95,80	94,83	–4,10	–5,10	302126				
2015	28292647	–671501	–2250700	97,60	92,60	–2,30	–7,30	289641				
2016	27647262	–645385	–2896085	97,70	90,50	–2,20	–9,40	282926				
2017	28058547	411285	–2484800	101,40	91,80	1,40	–8,10	276472				
2018	26248871	–1809676	–4294476	93,50	85,90	–6,40	–14,06	280585				
2019	25755580	–493291	–4787767	98,10	84,30	–1,80	–15,60	262488				
2020	21283685	–4471895	–9259662	82,60	69,60	–17,30	–30,30	257555				
2021	22970576	1686891	–7572771	107,90	75,20	7,90	–24,70	212836				

[1] Официальная статистика. Население. Здравоохранение. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13721 (дата обращения: 29.09.2023).

На протяжении всего исследуемого периода наблюдается отрицательный ежегодный прирост числа посещений, за исключением 2012, 2017 и 2021 гг. В течение 10 лет количество посещений уменьшилось на 7572771 или на 24,8 %. Данный показатель с каждым периодом сокращался на 2,8 %, в абсолютном выражении – 757277. Максимальный прирост наблюдается в 2021 г. (1686891). Минимальный прирост зафиксирован в 2020 г. (–4471895), что может быть обусловлено ограничениями, связанными со сложной эпидемиологической ситуацией.

Далее в рамках настоящего исследования была проанализирована динамика численности врачей, оказывающих медицинскую помощь на амбулаторно-поликлиническом этапе в медицинских организациях, подведомственных Министерству здравоохранения Кемеровской области (табл. 2).

В исследуемом периоде численность врачей преимущественно ежегодно сокращалась, за исключением 2012, 2016 и 2017 гг. За весь период наблюдения численность врачей уменьшилась на 2011 человек или на 15,1 %. Максимальный прирост наблюдался в 2016 г. (235), минимальный зафиксирован в 2015 г. (–852). Численность врачей ежегодно сокращалась на 1,6 % или на 201 человека.

На основании данных таблиц 2 и 3 можно сделать вывод о том, что число посещений сокращалось быстрее (–24,8 %), чем изменялась численность врачей (15,1 %), что может быть обусловлено как отрицательной динамикой общей численности населения территории Кемеровской области, так и низкой приверженностью к лечению у пациентов.

Руководствуясь подходом, описанным выше, был произведен расчет ПТ врачей Кемеровской области – Кузбасса (табл. 3).

Динамика ежегодного прироста ПТ в медицинских организациях Кемеровской области характеризуется своей неоднородностью. Периоды незначительного подъема (2012, 2013, 2017, 2019 гг.) сменяются существенным снижением (2016, 2018, 2020 гг.). Исключение составляют 2015 и 2021 гг., когда значение показателя выросло больше, чем в предыдущих периодах (4,7 % и 11,3 % соответственно). В 2011–2021 гг. показатель ПТ уменьшился на 261 (число посещений / 1 врача) или на 11,4 %. Максимальный прирост данного показателя наблюдался в 2021 г. (207 посещений / 1 врача). Минимальный зафиксирован в 2020 г. (–382 посещения / 1 врача), что может быть обусловлено наличием сложной эпидемиологической ситуации.

Табл. 2. Эконометрический анализ численности врачей всех специальностей (физических лиц) в организациях, оказывающих амбулаторно-поликлинические медицинские услуги, на конец отчетного года
Tab. 2. Econometric analysis of the doctors' number (individuals) in organizations providing outpatient care, as of the end of the reporting year

Год	Общая численность врачей, количество человек	Абсолютный прирост, количество человек		Темп роста, %		Темп прироста, %		Абсолютное содержание 1 % прироста	Средний уровень интервального ряда, количество человек	Средний темп роста	Средний темп прироста	Средний абсолютный прирост, количество человек
		Цепной	Базисный	Цепной	Базисный	Цепной	Базисный					
2011	13301	–	–	100,00	100,00	–	–	–	12202	0,98	–0,016	–201
2012	13396	95	95	100,70	100,70	0,70	0,70	133				
2013	12943	–453	–358	96,60	97,30	–3,30	–2,60	133				
2014	12513	–430	–788	96,60	94,00	–3,30	–5,90	129				
2015	11661	–852	–1640	93,10	87,60	–6,80	–12,30	125				
2016	11896	235	–1405	102,00	89,40	2,00	–10,50	116				
2017	12038	142	–1263	101,10	90,50	1,10	–9,50	119				
2018	11892	–146	–1409	98,70	89,40	–1,20	–10,50	120				
2019	11652	–240	–1649	97,90	87,60	–2,00	–12,40	118				
2020	11643	–9	–1658	99,90	87,50	–0,07	–12,40	116				
2021	11290	–353	–2011	96,90	84,80	–3,03	–15,10	116				

Табл. 3. Эконометрический анализ производительности труда врачебного персонала
Tab. 3. Econometric analysis of medical personnel labour productivity

Год	Общая ПТ (число посещений / 1 врача)	Абсолютный прирост		Темп роста		Темп прироста		Абсолютное содержание 1% прироста	Средний уровень интервального ряда	Средний темп роста	Средний темп прироста	Средний абсолютный прирост, количество человек
		Цепной	Базисный	Цепной	Базисный	Цепной	Базисный					
2011	2296	–	–	100,0	100,0	–	–	–	2239	0,980	–0,012	–26,100
2012	2323	27	27	101,1	101,1	1,1	1,1	22,0				
2013	2334	11	38	100,4	101,6	0,4	1,6	23,0				
2014	2315	–19	19	99,1	100,8	–0,8	0,8	23,0				
2015	2426	111	130	104,7	105,6	4,7	5,6	23,0				
2016	2324	–102	28	95,8	101,2	–4,2	1,2	24,0				
2017	2331	7	35	100,3	101,5	0,3	1,5	23,0				
2018	2207	–124	–89	94,6	96,1	–5,3	–3,8	23,0				
2019	2210	3	–86	100,1	96,2	0,1	–3,7	22,0				
2020	1828	–382	–468	82,7	79,6	–17,2	–20,3	22,0				
2021	2035	207	–261	111,3	88,6	11,3	–11,3	18,2				

Используя возможности кроссплатформенного программного пакета для эконометрического анализа Gretl, была составлена прогнозная модель динамики изучаемого показателя в Кемеровской области до 2026 г. (рис.).

Прогнозные значения показателя ПТ в 2022–2026 гг. во многом продолжают тенденцию к ежегодному снижению. Несмотря на уверенный подъем в 2021 г., символизирующий восстановление стабильной работы учреждений здравоохранения после сложного периода пандемии COVID-19, острыми по-прежнему остаются проблемы кадрового обеспечения и формирования устойчивых потоков пациентов. Для каждого из прогнозируемых значений определена стандартная ошибка и доверительный интервал (табл. 4).

С учетом диапазона значений доверительного интервала можно говорить о вариантах сценария развития динамики показателя как в лучшую, так и в худшую сторону, в зависимости от изменения факторов внутренней и внешней среды, изучение которых необходимо для управления ПТ врачебного персонала.

Табл. 4. Характеристики прогнозных значений производительности труда врачебного персонала
Tab. 4. Characteristics of medical personnel labour productivity forecast values

Год	Прогнозное значение	Стандартная ошибка	Доверительный интервал, 95 %
2022	2022	151,172	(1680,59; 2364,54)
2023	1986	157,345	(1630,55; 2342,43)
2024	1950	164,180	(1579,02; 2321,82)
2025	1914	171,597	(1526,17; 2302,52)
2026	1878	179,524	(1472,16; 2284,38)

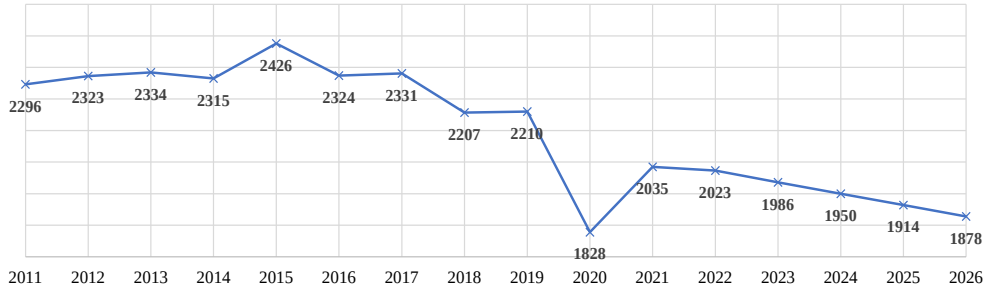

Рис. Динамика и прогноз производительности труда врачебного персонала
Fig. Dynamics and forecast of medical personnel labour productivity

Обсуждение

Полученные результаты сопоставимы с выводами некоторых отечественных и зарубежных авторов. В проанализированных работах рассматриваются либо отдельные характристики региональной системы здравоохранения, связанные с ПТ, либо оценивается непосредственно изучаемый показатель. Так, Ю. С. Положенцева и др., проанализировав динамику численности врачей Центрального федерального округа в период 2014–2018 гг., делают вывод о сокращении данного показателя в исследуемом периоде [14]. К аналогичному выводу приходят В. А. Крапивин и др., объектом анализа которых стала система здравоохранения Нижегородской области [15]. Изучая здравоохранение Курской области в период 2000–2015 гг., Е. В. Репринцева указывает на различную динамику показателей численности врачей и нагрузки на персонал [16]. В работе О. В. Власовой проведена оценка ПТ медицинского персонала ОБУЗ «Курская городская поликлиника № 5» в период 2016–2018 гг. с опорой на аналогичную методику. Результаты, полученные автором, согласуются с выводами настоящей работы о незначительном росте показателя производительности в 2017 г. по отношению к 2016 г. [17]. В исследовании Е. О. Почкина и Е. Е. Швакова описываются количественные изменения в здравоохранении Алтайского края в период 2019–2020 гг. Авторы заключают, что пандемия SARS-CoV-2 оказала значимое влияние на все отрасли экономики, в т. ч. здравоохранение [18].

Настоящее исследование показало падение ПТ в региональном здравоохранении в 2020 г. в связи со сложной эпидемиологической обстановкой, вызванное в первую очередь со снижением посещаемости медицинских учреждений. К аналогичным выводам приходят M. Yaghoubi et al., доказавшие, что снижение ПТ обусловлено влиянием пандемии COVID-19 на здоровье самого медицинского персонала [19]. Анализируя динамику посещений в штате Виктория (Австралия), R. L. Jessup et al. приходят к выводу, что в период пандемии число обращений упало на 36 % и продолжало снижаться на 1 % в неделю в пиковых условиях. Данная ситуация послужила стимулом к развитию более доступной медицинской помощи в виде телемедицины [20]. Как уже было отмечено, одной из особенностей ПТ в здравоохранении является отсутствие унифицированных подходов к ее измерению. Используемый в работе метод натурального измерения является одним из возможных способов оценки данного показателя у врачей. Данный подход был также использован в работе B. Erus и O. Hatipoglu для оценки эффективности проведенных реформ в здравоохранении Турции [21].

В практике зарубежных и отечественных исследований можно обнаружить примеры успешного применения других способов расчета ПТ в здравоохранении. J. Pourmahmoud и N. Bagheri, анализируя ПТ в период начала и завершения пандемии в 25 странах, уровень дохода которых выше среднего и высокий, использовали индекс производительности Мальмквиста (Malmquist Productivity Index, MPI) [22]. В исследовании получены результаты, которые нашли подтверждение и в данной работе. После окончания пандемии большая часть стран продемонстрировала лучшие показатели ПТ, что может свидетельствовать о приспособлении учреждений здравоохранения к новым условиям функционирования. Аналогичный метод был использован Y. Kim et al., в работе которых была поставлена цель оценить изменения производительности в системах здравоохранения 30 стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) за период 2002–2012 гг. [23]. В ходе исследования авторами доказано, что политические реформы в странах ОЭСР улучшили рост производительности в системах здравоохранения за исследуемый период. Представляют интерес также выводы P. Chai et al. Применяя метод MPI, они проанализировали реформу здравоохранения в Китае, в рамках которой расширение схемы социального медицинского страхования сочеталось с повышением эффективности, доступности и качества медицинской помощи в стране [24].

Предложенный в настоящем исследовании 5-летний прогноз ПТ врачебного персонала, имеющий незначительную отрицательную динамику, отчасти согласуется с выводами некоторых отечественных исследователей. В работе Е. С. Узяковой здравоохранение относится к группе отраслей с медленным ростом ПТ [25].

Заключение

В исследовании показана особенность измерения производительности труда в области здравоохранения во взаимосвязи с развернувшейся научной дискуссией вокруг концепции менеджеризма. Продемонстрировано многообразие точек зрения различных авторов на проблему оценки данного показателя в анализируемой отрасли. Впервые представлен опыт измерения ПТ врачебного персонала медицинских организаций Кемеровской области натуральным методом, что представляет как теоретическую новизну, так и прикладную ценность.

В 10-летнем периоде выявлена отрицательная динамика показателя ПТ в региональном здравоохранении, что может служить основанием для дальнейшего научного поиска в исследовании ее причин,

факторов и детерминат. Продемонстрировано непосредственное влияние количества посещений на показатель ПТ, что требует принятия необходимых организационных решений в направлении увеличения потока пациентов, в т. ч. путем формирования культуры здорового образа жизни и повышения приверженности к лечению у пациентов. Доказано, что в исследуемом периоде в Кемеровской области – Кузбассе число посещений сокращалось быстрее (–24,8 %), чем изменялась численность врачей (15,1 %), что может быть обусловлено как демографическими и социально-экономическими процессами в регионе, так и иными причинами, требующими дополнительного углубленного анализа. Полученный в рамках настоящего исследования 5-летний прогноз динамики ПТ подчеркивает проблему необходимости повышения результативности деятельности медицинских организаций.

Выводы и рекомендации авторов, представленные в настоящей работе, во многом сопоставимы с результатами отечественных и зарубежных исследователей и могут быть востребованы для органов управления здравоохранением Кемеровской области – Кузбасса на всех уровнях публичной власти. Перспективным направлением дальнейшего изучения рассматриваемой проблемы является многофакторный анализ ПТ в региональном здравоохранении.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. Н. Попсуйко – формулировка проблемы и целей исследования, критический обзор исследований по рассматриваемой проблеме, сбор данных, написание чернового варианта исследования. Г. В. Артамонова – анализ статистических данных, редактирование чернового варианта статьи.

Contribution: A. N. Popsuyko formulated the research problem and objectives, performed critical review of research on the problem, collected data, and wrote the draft version of the study. G. V. Artamonova performed statistical analysis, reviewed and edited the text of the article.

Финансирование: Работа выполнена при поддержке комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН в рамках фундаментальной темы НИИ КПССЗ № 0419-2022-0002 «Разработка инновационных моделей управления риском развития болезней системы кровообращения с учетом коморбидности на основе изучения фундаментальных, клинических, эпидемиологических механизмов и организационных технологий медицинской помощи в условиях промышленного региона Сибири» (№ госрегистрации 122012000364-5 от 20.01.2022).

Funding: The work was supported by the scientific research programme of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences as part of the fundamental topic of the Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases № 0419-2022-0002 "Development of innovative models for managing the risk of developing circulatory system diseases, taking into account comorbidity based on the study of fundamental, clinical, epidemiological mechanisms and organizational technologies of medical care in the conditions of the industrial region of Siberia", state task 122012000364-5 from 20.01.2022.

Литература / References

1. Isham A., Mair S., Jackson T. Worker wellbeing and productivity in advanced economies: re-examining the link. *Ecological Economics*, 2021, 184. https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2021.106989
2. Kaye E. C., Abramson Z. R., Snaman J. M., Friebert S. E., Baker J. N. Productivity in pediatric palliative care: measuring and monitoring an elusive metric. *Journal of Pain and Symptom Management*, 2017, 53(5): 952–961. https://doi.org/10.1016/j.jpainsymman.2016.12.326
3. Ковалев В. В., Дятлов А. В. Идеология менеджеризма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение. *Вестник университета*. 2023. № 7. С. 24–32. [Kovalev V. V., Dyatlov A. V. The ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, healthcare. *Vestnik universiteta*, 2023, (7): 24–32. (In Russ.)] https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32
4. Zelnick J. R., Abramovitz M. The perils of privatization: bringing the business model into human services. *Social Work*, 2020, 65(3): 213–224. https://doi.org/10.1093/sw/swaa024
5. Park T.-Y., Eaglesham R., Shaw J. D., Burton M. D. Beyond productivity: incentive effects on alternative outcomes research in personnel and human resources management. *Research in personnel and human resources management*, eds. Buckley M. R., Wheeler A. R., Baur J. E., Halbesleben J. R. B. Leeds: Emerald Publishing Limited, 2021, 40: 99–131. https://doi.org/10.1108/S0742-730120220000040004
6. Кашерининов Ю. Р. Особенности проведения экспертизы качества медицинской помощи в условиях многопрофильного федерального центра. *Артериальная гипертензия*. 2009. Т. 15. № 2. С. 170–180.

[Kasherininov Y. R. Evaluation of the quality of medical care in a multiprofile federal center. *Arterialnaya Gipertenziya*, 2009, 15(2): 170–180. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/lspfev

7. Томпсон-мл. А. А., Стрикленд III А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа. М.: Вильямс, 2007. 928 с. [Thompson Jr. A. A., Strickland III A. J. *Strategic management: concepts and cases*. Moscow: Viliams, 2007, 928. (In Russ.)]
8. Попсуйко А. Н., Бацина Е. А., Морозова Е. А., Артамонова Г. В. К вопросу об определении онтологического статуса понятия «производительность труда» в здравоохранении. *Российский экономический журнал*. 2021. № 6. С. 43–65. [Popsuyko A. N., Batsina E. A., Morozova E. A., Artamonova G. V. Defining the ontological status of labour productivity in health care. *Russian Economic Journal*, 2021, (6): 43–65. (In Russ.)] https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-6-43-65
9. Зарова Е. В., Крючкова П. В., Мусихин С. Н. Методы оценки достижения целевых параметров роста производительности труда. М.: ИНФА-М, 2017. 74 с. [Zarova E. V., Kryuchkova P. V., Musikhin S. N. *Assessment methods of the labour productivity growth target parameters achievement*. M.: INFA-M, 2017, 74. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/zrpxqn
10. Столбов К. Л., Савченко И. А. Актуальные проблемы оценки производительности труда работников социальной сферы. *Научный журнал Дискурс*. 2017. № 4. С. 90–95. [Stolbov K. L., Savchenko I. A. Actual problems of assessing the productivity of workers in the social sphere. *Nauchnyi zhurnal Diskurs*, 2017, (4): 90–95. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/yjmozf
11. Татуев А. А., Починок Н. Б. Сфера услуг: грядущие системные вызовы. *Социальная политика и социология*. 2021. Т. 20. № 1. С. 22–34. [Tatuev A. A., Pochinok N. B. Service sector: future system challenges. *Social'naya politika i sociologiya*, 2021, 20(1): 22–34. (In Russ.)] https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-1-22-34
12. Butala N. M., Hidrue M. K., Swersey A. J., Singh J. P., Weilburg J. B., Ferris T. G., Armstrong K. A., Wasfy J. H. Measuring individual physician clinical productivity in an era of consolidated group practices. *Healthcare*, 2019, 7(4). https://doi.org/10.1016/j.hjdsi.2019.02.001
13. Johannessen K. A., Kittelsen S. A. C., Hagen T. P. Assessing physician productivity following Norwegian hospital reform: a panel and data envelopment analysis. *Social Science & Medicine*, 2017, 175: 117–126. http://dx.doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.01.008
14. Положенцева Ю. С., Муштенко Н. С., Хомутинникова А. Д. Анализ эффективности системы здравоохранения: основные тенденции развития и перспективы модернизации. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2020. Т. 10. № 3. С. 123–139. [Polozhentseva Yu. S., Mushtenko N. S., Khomutinnikova A. D. Analysis of health system effectiveness: main development trends and prospects for modernization. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2020, 10(3): 123–139. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/qdgcfc
15. Крапивин В. А., Кочкурова Е. А., Кочкуров А. С. Основные социально-экономические аспекты развития системы здравоохранения Нижегородской области. *Фундаментальные исследования*. 2019. № 11. С. 83–88. [Krapivin V. A., Kochkurova E. A., Kochkurov A. S. Basic socio-economic aspects of health care system development in the Nizhny Novgorod Region. *Fundamental research*, 2019, (11): 83–88. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/mrnfxi
16. Репринцева Е. В. Развитие здравоохранения в курской области: социальный и экономический аспекты. *Иннов: электронный научный журнал*. 2017. № 3. [Reprintseva E. V. Health care development in Kursk region: social and economic aspects. *Innov: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2017, (3). (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/zhelyd
17. Власова О. В. О реализации кадровой политики в медицинских организациях Курской области. *Региональный вестник*. 2019. № 19. С. 49–51. [Vlasova O. A. On the implementation of personnel policy in medical organizations of the Kursk region. *Regionalnyi vestnik*, 2019, (19): 49–51. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/xcvajc
18. Почкин Е. О., Шваков Е. Е. Развитие региональной системы здравоохранения в условиях до и после пандемии COVID-19. *Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров*. 2021. № 8. С. 194–197. [Pochkin E. O., Shvakov E. E. Development of the regional health system in the conditions before and after the COVID-19 pandemic. *Ekonomicheskoe razvitie regiona: upravlenie, innovatsii, podgotovka kadrov*, 2021, (8): 194–197. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/sdlidg
19. Yaghoubi M., Salimi M., Meskarpour-Amiri M. Systematic review of productivity loss among healthcare workers due to Covid-19. *The International Journal of Health Planning and Management*, 2022, 37(1): 94–111. https://doi.org/10.1002/hpm.3351

20. Jessup R. L., Bramston C., Beauchamp A., Gust A., Cvetanovska N., Cao Y., Haywood C., Conilione P., Tacey M., Copnell B., Mehdi H., Alnasralah D., Kirk M., Zucchi E., Campbell D., Trezona A., Haregu T., Oldenburg B., Stockman K., Semciw A. I. Impact of COVID-19 on emergency department attendance in an Australia hospital: a parallel convergent mixed methods study. *BMJ Open*, 2021, 11. http://dx.doi.org/10.1136/bmjopen-2021-049222
21. Erus B., Hatipoglu O. Physician payment schemes and physician productivity: analysis of Turkish healthcare reforms. *Health Policy*, 2017, 121(5): 553–557. https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2017.02.012
22. Pourmahmoud J., Bagheri N. Uncertain Malmquist productivity index: An application to evaluate healthcare systems during COVID-19 pandemic. *Socio-Economic Planning Sciences*, 2023, 87A. https://doi.org/10.1016/j.seps.2023.101522
23. Kim Y., Oh D. H., Kang M. Productivity changes in OECD healthcare systems: bias-corrected Malmquist productivity approach. *The International Journal of Health Planning and Management*, 2016, 31(4): 537–553. https://doi.org/10.1002/hpm.2333
24. Chai P., Zhang Y., Zhou M., Liu S., Kinfu Y. Health system productivity in China: a comparison of pre- and post-2009 healthcare reform. *Health Policy and Planning*, 2020, 35(3): 257–266. https://doi.org/10.1093/heapol/czz157
25. Узякова Е. С. Производительность труда и возможности роста экономики. *ЭКО*. 2020. № 6. С. 87–110. [Uzyakova E. S. Labor productivity and opportunities for economic growth. *ECO*, 2020, (6): 87–110. (In Russ.)] https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-87-110

© 2023. Afzali M., Vazirov Z. K.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Economic Contribution of International Students (Case of the Russian Federation)

Mehdi Afzali
Institute for Demographic Research FCTAS RAS,
Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0002-9577-5639
Scopus Author ID: 57212506339
mehdiafzali1991@gmail.com

Zafar K. Vazirov
Institute for Demographic Research FCTAS RAS,
Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0002-9318-6873
Scopus Author ID: 57194508693

Received 19 Jun 2023. Accepted after peer review 13 Sep 2023. Accepted for publication 2 Oct 2023.

Abstract: The number and mobility of international student is a sign of quality and prestige for universities and educational institutions. International student mobility impacts different aspects of global society, including socioeconomic, political, and cultural environment, science, and technology. In order to compete in the global educational environment and attract international students, Russia has been offering a wide range of programs where the English is the language of instruction. This paper offers a descriptive research and uses a systematic approach to analyze monetary gains of Russia brought in by international students. The research uses secondary data provided by official international organizations. The results show that 64.5% of the international students who studied full-time in Russian universities in academic year 2017 / 2018 were self-financed. Among the top 6 destination countries for international students, Russia spends the lowest percentage of GDP on education, has the lowest economic contribution of international students to GDP and total economic contribution of international students. International students in Russia spent around $637.5 million on tuition and $1,632.7 million on household expenses during the period of study. The aggregate income from providing Russian educational services to foreign citizens is $2,270.2 million.

Keywords: higher education, migration, students, foreign students, monetary impact, economic impact, Russia

Citation: Afzali M., Vazirov Z. K. Economic Contribution of International Students (Case of the Russian Federation). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 478–487. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-478-487

оригинальная статья

Экономический вклад иностранных студентов в Российскую Федерацию

Афзали Мехди
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0002-9577-5639
Scopus Author ID: 57212506339
mehdiafzali1991@gmail.com

Вазиров Зафар Кабутович
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0002-9318-6873
Scopus Author ID: 57194508693

Поступила 19.06.2023. Принята после рецензирования 13.09.2023. Принята в печать 02.10.2023.

Аннотация: Количество и мобильность иностранных студентов являются признаком качества и престижа вузов и учебных заведений. Международная студенческая мобильность влияет на различные аспекты глобального общества, включая социально-экономическую, политическую и культурную среду, науку и технологии. Чтобы позиционировать свою конкурентоспособность в мировой образовательной среде и привлекать иностранных студентов, Россия предлагает широкий спектр программ, где английский язык является языком обучения. Статья представляет собой описательное исследование, использующее системный подход для анализа денежных доходов от иностранных студентов в России. Результаты показывают, что 64,5 % иностранных студентов (182893) обучались в российских вузах в 2017 / 2018 учебном году очно на хозрасчете. Среди 6 ведущих стран, принимающих иностранных студентов, Россия тратит на образование самый низкий процент от ВВП (3,7 %) и имеет самый низкий экономический вклад иностранных студентов

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

в ВВП (0,1 %), общий экономический вклад иностранных студентов ($2,3 млрд). За период обучения иностранные студенты потратили в России около $637,5 млн на обучение и $1632,7 млн на бытовые расходы. Совокупный доход от оказания российских образовательных услуг иностранным гражданам в Российской Федерации составляет $2270,2 млн.

Ключевые слова: высшее образование, миграция, студенты, иностранные студенты, денежное воздействие, экономическое воздействие, Россия

Цитирование: Афзали М., Вазиров З. К. Экономический вклад иностранных студентов в Российскую Федерацию. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 4. С. 478–487. (In Eng) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-478-487

Introduction

Due to globalization and internationalization of the education sector, the number of international students worldwide has grown. Universities increase the competitiveness in national education systems and strengthen the country's position in the world's educational system, by providing educational services and promoting national educational brands to international students. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) defines *international mobile students* as "individuals who have physically crossed an international border between two countries with the objective to participate in educational activities in the country of destination, where the country of destination of a given student is different from their country of origin"[1].

The number and mobility of incoming and outgoing international students is a sign of quality and prestige for universities and educational institutions [1] because the internationalization of universities is one of the important indicators of globalization [2]. While the economies are growing, the number of people in middle-class families seeking educational opportunities abroad (mostly from developing to developed countries) is increasing. Statistics of the migration data portal show that the number of overseas students worldwide increased from 2 million in 2000 to 6.7 million in 2020. Half of these students enrolled in the United States of America, the United Kingdom, Australia, Germany, Canada, France, and China[2].

International student mobility impacts different aspects of global society, including socioeconomic, political, and cultural environment, science, and technology [3]. Based on economic theory, students as potential high-skilled immigrants will positively impact the economy of the receiving countries [4]. International students have socioeconomic impacts on both sending and receiving countries. Hence by increasing globalization, universities intend to attract international students and foreign partners, and the Russian education system is no exception [5].

Russian President's Decree No. 204 of 7 May 2018 clearly shows the intention of the Russian government to double the number of international students in Russia[3]. With the increase of foreign students' importance in the countries' socioeconomic development, Russia has started providing English-medium instruction programs. In the academic year 2018 / 2019, more than 355.4 thousand international students studied in Russia (mostly from the Commonwealth of Independent States and post-soviet countries), which is 8.54% of all students at Russian universities (the total number of students in universities of Russia is 4,161.7 thousand)[4].

Students contribute to the economy of Russia by paying tuition fees, paying for living expenses, and sometimes paying taxes during their studies. Moreover, the international students who stay in Russia after graduation increase competitiveness of the country through their competencies and continue to pay taxes and living expenses. International students also contribute to the national gross domestic product (GDP), cause an increase in tourism, add cultural values to local communities, and generate significant spillover benefits, including addressing skill shortages by becoming a part of the qualified workforce in Russia [6]. Therefore, this paper aims to explain the monetary gains provided by the international students and its economic impact, by considering and reviewing the secondary data provided by national and international organizations.

[1] Internationally mobile students. *UNESCO Institute of Statistics*. URL: https://uis.unesco.org/node/4789141 (accessed 24 May 2023).

[2] International students. *Global Migration Data Portal*. URL: https://www.migrationdataportal.org/themes/international-students#:~:text=the%20three%20definitions.-,Key%20Trends,2000%20(UIS%2C%202022); Global flow of tertiary-level students. *UNESCO Institute of Statistics*. URL: https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow (accessed 19 May 2023); Russia hosted the 4th highest number of international students globally in 2019. However, the data on international students in the Russian Federation for 2020 is not available.

[3] Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of 2018 on the National Goals and Strategic Objectives of the Russian Federation until 2024. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf (accessed 17 May 2023).

[4] Export of Russian educational services: statistical collection. Issue 10. M.: Pushkin State Russian Language Institute, 2020, 557.

Literature Review

Based on T. W. Schultz's human capital theory, *education is a form of capital that enhances an individual's knowledge and skills, thereby leading to higher income and productivity* [7]. This theory shows the importance of the higher education in the economy. According to the 2030 United Nations Sustainable Development Goals (SDGs), which have been accepted by 190 countries[5], higher education institutions (HEIs) and universities have an effective role in providing further opportunities to access sustainable higher education[6] [8]. Even a regional campus or the campus of the university which is far from the main campus can influence on the economic development of business and communities in the region [9]. Growing recognition of internationalization is an essential factor in achieving global sustainable development [10]. Quality of education, research, students, and academic staff improves because of the internationalization [11]. Higher education internationalization is described as *the process of integrating an international, intercultural, and global dimension into the purpose, functions (teaching, research, and service), and the delivery of higher education* [12].

Thus, as international students and students' mobility have an essential role in the internationalization process, the efforts by countries and universities to attract young talents have increased. It is an indicator of prosperity and prestige in some of the countries such as Hong Kong or Singapore, which position themselves and *educational hubs* [13]. Internationalization attracted students from different ethnic, linguistic, and socio-cultural background [14]. However, the students' mobility (usually from developing to developed countries) significantly contributes to the developed and wealthy countries [15] because countries such as the USA, Canada, Australia, and Western European countries are rule setters in the international academic landscape[7].

Based on the report of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD), developing countries are origins of approximately 67% of all international students[8]. The USA is the first destination for more than one million students with an income of $44.04 billion in education exports[9]. Moreover, internationalization enhances economic productivity because of the cultural differences and experiences of the students obtained abroad. The development of multi-cultural skills is seen as indispensable in the European Union that strives for full economic integration while preserving the diversity of its cultures [16]. Therefore, countries try to attract and retain international students for a long time [17].

Globalization and internationalization have also increased international competition between universities, including attracting international students; by expanding the HEIs, access to learning among students nationally or internationally is more attainable. Not only does the international mobility of students and academics bring more knowledge and intellectual capital, but it also promotes competitiveness among individuals, companies, and countries. International students ultimately contribute to regional economic growth through tuition fees and other costs associated with their study, by taking part in academic mobility.

One of the economic effects of international students in the host countries is the income they bring by paying higher tuition fees than domestic students. Tuition fees are one of the most important factors that shape the internationalization of HEIs[10]. Usually, studying abroad is expensive, and the choice of host country may also depend on the nationality, agreements, programs, and level of study [18]. However, the tuition fee is the main comparison tool in cases when all other factors are equivalent [19]. Scholarships provided to students to continue studying abroad are quite beneficial, which is also emphasized by SDG indicator 4.B.1 *scholarships for developing countries*[11]. In the countries where there is no tuition fee number of international students has increased drastically and increased the cost of education for the state; therefore, countries have started to modify their policies regarding tuition fees[12].

[5] Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. *Sustainable Development Goals Knowledge Platform*. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld/publication (accessed 15 May 2023).

[6] Education for sustainable development goals: learning objectives. *UNESCO Digital Library*. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247444 (accessed 16 May 2023).

[7] Marginson S. The global higher education market and its tensions. URL: https://www.aera.net/LinkClick.aspx?fileticket=9nu_avOu7OI%3D&portalid=38 (accessed 15 May 2023).

[8] Education at a Glance 2021. *OECD iLibrary*. URL: https://doi.org/10.1787/b35a14e5-en (accessed 19 May 2023).

[9] U.S. Education Service Exports. *International Trade Administration.* URL: https://www.trade.gov/education-service-exports (accessed 20 May 2023).

[10] Varghese N. V. Globalization of higher education and cross-border student mobility. *International Institute for Educational Planning.* URL: https://www.iiep.unesco.org/en/publication/globalization-higher-education-and-cross-border-student-mobility (accessed 17 May 2023).

[11] Sustainable development goal 4. Ensure inclusive and quality education for all and promote lifelong learning. URL: https://sdg-tracker.org/quality-education (accessed 18 May 2023).

[12] Education at a glance 2014. *OECD iLibrary*. URL: https://doi.org/10.1787/19991487 (accessed 12 May 2023).

Moreover, the migration of international students from developing to developed countries increases the number of educated workforce in the receiving countries, which impacts their economy [20]. Both governments and universities consider international students and potential human resources capable of directly and indirectly influencing the economic development and international competitiveness; therefore, universities try to increase the share of international students in the overall number of students [21]. Hence governments implement policies to facilitate solving the visa, transportation, and employment problems.

International students also play an important role in demographic and environmental changes that universities have been challenged with, such as declining enrollment trends [22]. For example, because of the declining number of students enrolled in universities in Taiwan, the Ministry of Education set an internationalized goal of attracting 130,000–140,000 inbound students to increase enrollment in higher education by 2020 [23]. However, balancing the expansion of HEIs and the enrollment of new international students is challenging. Moreover, due to globalization and internationalization, the number of international students and academic staff, HEIs' quality, and people's cultural level in host countries are improving.

Provincial and federal initiatives of the regions that face considerable demographic challenges understand the role of universities and their contribution to the region's demographic balance. For example, the university-aged population in Atlantic provinces (15–24 years) declined between 2010 and 2015, ranging from –2% in Prince Edward Island to –9% in Newfoundland and Labrador. These trends created impediments to regional economic growth and enrollment challenges for the region's universities and colleges[13]. However, the fact that international students offer excellent potential to help address the demographic challenges in some of the Canadian regions has made universities and government intensify their efforts to attract and retain international students to become permanent residents after graduation [24].

Export of higher education and educational migration have become relevant research topics in light of the globalization of educational markets and increased international competition in higher education. Several key studies on higher education exports and the economic role of international students in Russia identify unexplored aspects that may be of interest for future research. The article by V. K. Nikolaev examines the mechanism for increasing the competitiveness and attractiveness of the Russian higher education system in the international market through the development of the educational services export. The author emphasizes that the export of education has become an important tool for attracting foreign applicants, a source of income and a means of strengthening the reputation of Russian universities. This article focuses on the role of branding and digital marketing in promoting Russian universities in the global education market [25].

The empirical part of the study performed by D. A. Endovitsky et al. establishes the importance of the university's geographical location for its international competitiveness. Universities of Moscow and St. Petersburg demonstrate high competitiveness, but at the same time there are indications that the international market of educational services does not always give preference to universities with national or federal status. This highlights the importance of effective university management in order to increase its competitiveness [26].

S. V. Ryazantsev and E. E. Pismennaya pay attention to the economic role of educational migration for Russia. The authors note that the admission of foreign students has become a significant source of income for the Russian economy. Of particular interest is that a large proportion of these funds are intra-family transfers, which highlights the importance of this type of economic activity. In addition to the economic impact, the authors also emphasize the great importance of demographic, social, and political aspects for Russia [27]. Research of A. R. Ainalieva analyzes the data on the educational services export in Russia and reveals a significant increase in income from training foreign citizens. Particular attention is paid to citizens of the Commonwealth of Independent States (CIS) countries, which indicates the importance of this group of students for Russian higher education [28].

The paper presents descriptive research and uses a systematic approach to analyze the role of international students in Russia's economic development, including logical analysis, synthesis, generalization, induction, and deduction. The research uses secondary data provided by official international organizations such as The World Bank, The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO); national organizations such as the Federal State Statistics Service, The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; the statistical compilation Export of Russian Educational Services, Issue 10, and previous scientific publications on this topic.

[13] Population estimates on July 1st, by age and sex. Table 17-10-0005-01. *Statistics Canada*. URL: https://doi.org/10.25318/1710000501-eng (accessed 13 May 2023).

Results and discussion

Russia occupies the 6th place in the top 10 destinations for international students. The main flow of international students in Russia comes from CIS countries due to the socio-economic, political, and cultural pull factors: many students from these countries speak Russian, are familiar with Russian culture, have family members, friends, and relatives who study, live, and work in Russia.

Russia has become one of the leading countries in attracting international students, by providing more affordable prices and accepting less strict admission policies compared with European and American universities. Leading universities in the total number of foreign students, interns, residents, doctoral students, and students of preparatory departments in the 2018 / 2019 academic years are the Peoples' Friendship University of Russia (12,515), Kazan (Volga Region) Federal University (7,232), Saint Petersburg Polytechnic University of Peter the Great (6,543), M. V. Lomonosov Moscow State University (5,511), Saint Petersburg University (5,375), HSE University (4,060), Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (3,601), ITMO University (3,377), I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (3,248), and Tomsk Polytechnic University (3,016).

Table 1[14] shows that 64.5% of the international students (182,893) who studied full-time in Russian universities in 2017 / 2018 were self-financed. The education of 35.1% of the international students was funded by budget, without tuition fees. This shows the great monetary impact since most students are self-financed. Undergraduate, master, and specialty degrees are the most popular among international students, which indicates a great potential of Russian higher education among young international students with potential demographic impact.

Average tuition fees and total income from tuition fees of full-time foreign students in Russian universities in the top 5 departmental affiliations and forms of ownership in the 2018 / 2019 academic year are shown in table 2[15]. The foreign citizens studying full time (182,893) pay, on average, 175,386 rubles or 2,698 USD per year of tuition fees. Total income received per academic year from foreign students' tuition fees in all Russian affiliations amounts to 32,076,989,579 rubles or 493,492,147 USD. The highest average cost of tuition fees belongs to the Russian Academy of Arts universities (579,336 rubles or 8,912 USD), and the universities of the Ministry of Foreign Affairs (441,602 rubles or 6,793 USD).

Universities of the Ministry of Science and Higher Education and Universities of the Ministry of Health are leaders in the total payments both in rubles and dollars. This is due to the popularity of the specialties and educational programs offered by the universities under these two ministries.

Tab. 1. Distribution of full-time budget and contract foreign students in Russian universities by training programs, 2018 / 2019 academic year,
Табл. 1. Распределение иностранных граждан очной формы обучения на бюджетной и контрактной основе в российских вузах по программам подготовки в 2017 / 2018 академическом году

Programs	Budget		Contract		Total
	People	%	People	%	People
Preparatory branches	4,428	1.6	24,148	8.6	28,576
Undergraduate	55,724	19.7	69,075	24.5	124,799
Specialty	13,597	4.8	49,677	17.6	63,274
Master's degree	13,962	4.9	11,480	4.1	25,442
Internships	6,592	2.3	23,003	8.1	29,595
Residency	532	0.2	2,500	0.9	3,032
PhD	4,555	1.6	2,976	1.1	7,531
Doctorate	12	–	34	–	46
Total	99,402	35.1	182,893	64.9	282,295

[14] Source: Export of Russian educational… P. 42, Tab. 2.2.
[15] Source: Ibid. Pp. 271–274, Tab. 2.11.

Tab. 2. Average tuition fees and total income from full-time foreign students' tuition fees in Russian universities, 2018 / 2019 academic year
Табл. 2. Средняя стоимость обучения и общий доход от платы за очную форму обучения иностранных граждан в российских вузах, 2018 / 2019 учебном году

Departmental affiliation / type of ownership	Contract students	Average tuition fee, rubles	Average tuition fee, USD	Total income, rubles	Total income, USD
Universities of the Ministry of Science and Higher Education	111,430	155,406	2,390	17,316,933,118	266,414,355
Universities of the Ministry of Health	35,646	185,383	2,852	6,608,180,362	101,664,313
HEIs of the government of the Russian federation	10,109	294,917	4,537	2,981,316,470	45,866,407
Non-state HEIs	6,407	281,529	4,331	1,803,760,398	27,750,159
Universities of the Ministry of Culture	2,779	269,349	4,143	748,521,653	11,515,717

Figure[16] shows the share of income from full-time education of foreign citizens in the 2018 / 2019 academic year. The universities of the Ministry of Education and Science and universities of the Ministry of Health account for approximately 75% of the total income from the full-time education of international students. The Ministry of Transport universities have the lowest share of the total income.

In academic year 2018 / 2019 international students from CIS (29.5%), Asian Countries (29.4%), African and south Saharan countries (12.1%), Middle East and North African countries (11.4%), Eastern European and Balkan countries (7.1%), Latin America Countries (5.7%), Baltic countries (2.6%), Western European countries (1.8%), Countries of North America and Oceania (0.2%) and Nordic countries (0.2%) received state scholarships in Russia.

In the 2016 / 2017 academic year, the total revenues from the export of the Russian educational services amounted to 116.1 billion rubles (equivalent to $1,785.4 million). The main part of the income from the export of educational services comes from the full-time education of foreign citizens in universities on the territory of the Russian Federation, and it is gradually increasing every year.

Among the top 6 host countries for international students, Russia spends the lowest percentage of GDP on education (3.7%) and has the lowest economic contribution to GDP (0.1%). International students have the highest economic contribution in the UK (approximately $52 billion) and the USA ($34 billion). Among the top 6 countries, Russia has the lowest economic contribution – $2.3 billion. The highest estimated economic contribution belongs

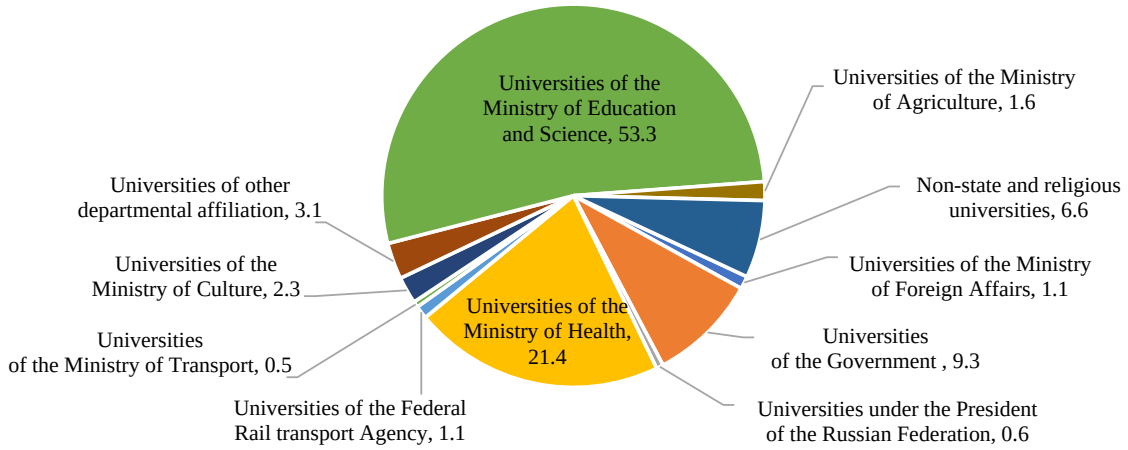

Fig. Share of income from international students' full-time education attributable to universities of various departmental subordination / form of ownership, 2018 / 2019 academic year, %
Рис. Доля доходов от очной формы обучения иностранных студентов, приходящаяся на вузы различной ведомственной подчиненности / формы собственности, 2018 / 2019 учебный год, %

[16] Source: Ibid P. 274, Tab. 2.12.

to Australia – 1.7% of GDP and the UK – 1.69% of GDP (tab. 3).

The primary economic impact of international students is monetary, since students pay their tuition fees and living expenses. Therefore, the demand for programs where the language of instruction is English is increasing in Russian education. With the help of the project Export of Russian Education, Russia has focused on the purely economic benefit of international students by promoting the attractiveness of Russian educational programs and facilitating the procedures for staying in Russia.

However, the economic benefits brought by international students are not only monetary. The existence of international students in Russia helps the internationalization process of Russian universities and institutions. Students in internationalized educational environments benefit from international contacts and an understanding of other cultures, which prepares them for work in the globalized labor market. In 2018 / 2019, during their stays in the Russian Federation international students spent around $637.5 million on tuition fees and $1,632.7 million on household expenses such as accommodation, food, etc. International students on territory of Russian Federation have brought in more than $2,270 million of aggregate income to educational system. The main source of income is the full-time students, who contributed $1.7 billion in aggregate income. Full-time students have spent 72% on household goods and services such as accommodation, food, etc. and 28% on tuition fees (tab. 4[17]).

Full-time education in Russian universities (accounts for 77% of income), Russian general education schools (12.4% of income), and part-time learning in universities in Russia (5.2% of income) are the most important sources of income for the export of Russian educational services in 2018 / 2019.

Tab. 3. Characteristics of the economic impact on top 6 receiving countries of international students
Табл. 3. Характеристики экономического воздействия на 6 ведущих стран, принимающих иностранных студентов

Countries	Number of international students, 2020[18]	Economic contribution	GDP, 2022[19]	Estimated economic contribution, % of GDP	% of GDP spent on education, 2020[20]
USA	1,075,496	$33.8 billion, 2021 / 2022[21]	$25,464.48 billion	0.13	6.10
UK	551,495	£41.9 billion ($52.1 billion), 2021 / 2022[22]	$3,070.6 billion	1.69	5.50
Canada	503,270	$22.3 billion, 2018 / 2019[23]	$2,139.84 billion	1.04	5.20
Australia	463,643	$29 billion, 2021 / 2022[24]	$1,701.89 billion	1.70	6.10
France	358,000	€5 billion ($5.35 billion), 2021 / 2022[25]	$2,784.02 billion	0.19	5.50
Russia	353,331	$2.3 billion, 2018 / 2019[26]	$2,215.29 billion	0.10	3.70

[17] Source: Export of Russian educational… Pp. 552–553, Tab. 2; * – in 2020 training became free for all students in schools at Russian embassies abroad; ** – estimated.

[18] Top host destination of international students worldwide in 2022, by number of students. *Statista*. URL: https://www.statista.com/statistics/297132/top-host-destination-of-international-students-worldwide/ (accessed 18 May 2023) .

[19] The 20 countries with the largest gross domestic product (GDP) in 2022. *Statista*. URL: https://www.statista.com/statistics/268173/countries-with-the-largest-gross-domestic-product-gdp/ (accessed 18 May 2023).

[20] Government expenditure on education, total (% of GDP). *The World Bank*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS (accessed 18 May 2023).

[21] Economic value statistics. *NAFSA*. URL: https://www.nafsa.org/policy-and-advocacy/policy-resources/nafsa-international-student-economic-value-tool-v2 (accessed 18 May 2023)

[22] International students boost UK economy by £41.9 billion. *Universities UK*. URL: https://www.universitiesuk.ac.uk/latest/news/international-students-boost-uk-economy#:~:text=On%20average%2C%20international%20students%20in,member%20of%20the%20resident%20population (accessed 18 May 2023)

[23] Economic impact of international education in Canada. *International Education*. URL: https://www.international.gc.ca/education/report-rapport/impact-2018/index.aspx?lang=eng (accessed 18 May 2023)

[24] International education adds $29 billion to the economy. *Universities Australia*. URL: https://www.universitiesaustralia.edu.au/media-item/international-education-adds-29-billion-to-the-economy/ (accessed 18 May 2023)

[25] Study estimates economic impact of foreign students in France at €5 billion. *ICEF Monitor*. URL: https://monitor.icef.com/2022/12/study-estimates-economic-impact-of-foreign-students-in-france-at-e5-billion/ (accessed 18 May 2023)

[26] Export of Russian educational…

Tab. 4. Financial indicators of the export of Russian educational services in the 2018 / 2019 academic year
Табл. 4. Финансовые показатели экспорта российских образовательных услуг в 2018 / 2019 учебном году

Education forms	International students	Tuition, million rubles (equivalent in USD)	Household expenses (accommodation, food, etc.), million rubles (equivalent in USD)	Aggregate income of international students, million rubles (equivalent in USD)
Full-time education in universities on the territory of the Russian Federation	282,295	32,076.9 (493.50)	81,628.0 (1,1 271.20)	113,704.9 (1,749.30)
Part-time and evening education in universities on the territory of the Russian Federation	73,091	5,620.0 (86.50)	2,113.5 (32.00)	7,733.5 (118.90)
Full-time, part-time, distance learning at joint universities, branches, and other divisions of universities abroad	40,017	2,000.9 (30.80)	–	2,000.9 (30.80)
Full-time education in organizations of secondary vocational education on the territory of the Russian Federation	26,463	758.9 (11.70)	4,631.1 (71.80)	5,390.0 (82.90)
Distance learning in organizations of secondary vocational education in the territory of the Russian Federation	4,677	31.1 (0.48)	81.8 (1.26)	112.9 (1.70)
Full-time education in general education schools on the territory of the Russian Federation.	171,586	650.0 (10.00)	17,673.3 (271.90)	18,323.3 (281.90)
Full-time, part-time (part-time, remote, external) education in general education programs at schools and partner organizations abroad*	20,530	62.9 (0.97)	2.5 (0.04)	65.4 (1.01)
Full-time education in Russian language courses at the Russian Center for Science and Culture Abroad	17,958	233.5 (3.60)**	–	233.5 (3.60)
Total	636,614	41,434.2 (637.50)	106,130.2 (1,1 632.70)	147,564.4 (2,270.20)

Conclusion

By paying tuition fees and purchasing goods and services in the country where they study, international students contribute to its economy and development. As one of the sources of income, universities in Russia must adapt themselves to the international trends in attracting international students by providing more programs where English is the main language of instruction. Approximately 72% of the monetary benefits have been due to the international student's expenditure on household expenses (accommodation, food, etc.) of foreign citizens during the study period, and only 28% has been spent on tuition fees. This shows the importance of retaining international students in the country, especially after graduation.

Although Russia is the main destination for international students from the CIS countries (focusing on attracting students who speak the Russian language and are familiar with the Russian culture), there needs to be clearer integration and adaptation plan for international students. By providing easier legislation and simplifying the extending of visas and residence permits, Russia, which suffers the population decline, besides the direct monetary benefits of students paying taxes and working after graduation, will enjoy an educated workforce familiar with the country's socio-cultural and economic environment. Thus, the diversity they bring to society will increase economic relations and bring monetary benefit.

At the macroeconomic level, spending 3.7% of the GDP on education is almost 30% of the aggregate income from providing Russian educational services to foreign citizens on the territory of the Russian Federation. In the long run, increasing the level of expenditure on education to at least 5% is necessary to increase the competitiveness of Russian education. It is also required to control and regulate the inflow of money into the universities (lab instruments and equipment, student's life activities framework and support, universities' relationship with industries, etc.), and educational programs (specialties) at bachelor, master, and Ph.D. level to sustain the country's position as the region's leading scientific center. Because of the current geopolitical changes and focus on the East, Russia must position itself as an educational hub.

To be competitive in the world's current educational environment, Russian universities need to focus on continuously improving technologies and increasing innovation. Universities need to be respond and adapt to the educational process and procedures changes in the world by providing and offering new courses and programs, attracting new students, and implementing innovative methods. Relevance, Excellence, and Agility are three key factors of the Russian Universities' competitiveness. The universities must adapt to society's needs and prepare graduates who can fit well in the job market, use their knowledge, and fulfill society's needs. Excellence in the knowledge development and the learners' inspiration is critical for Russian universities for increasing the research activities most fitted for the world's current state, by providing grants and well-selected research topics that respond to external influences ahead of time rather than after the event.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Contribution: M. Afzali conceptualized the idea and objectives of the study, developed the methodology, performed formal analysis, collected data, created visualization. Z. K. Vazirov performed formal analysis, collected data, verified the results of the study.
Критерии авторства: М. Афзали – концептуализация, составление методологии, формальный анализ, предоставление ресурсов, создание визуализации. З. К. Вазиров – проверка результатов исследования, формальный анализ, предоставление ресурсов.

References / Литература

1. Green M. F. *Measuring and assessing internationalization*. NAFSA, Association of International Educators, 2012. URL: https://goglobal.fiu.edu/_assets/docs/m-green-2012-measuring_and_assessing_internationalization.pdf (accessed 19 May 2023).
2. Hazelkorn E. *Rankings and the reshaping of higher education. The battle for world-class excellence*. L.: Palgrave Macmillan, 2015, 259. https://doi.org/10.1057/9780230306394
3. De Moor B., Henderkx P. International curricula and student mobility. *LERU: Advice Paper*, 2013, (12). URL: https://www.leru.org/files/International-Curricula-and-Student-Mobility-Full-paper.pdf (accessed 19 May 2023).
4. Docquier F., Lohest O., Marfouk A. Brain drain in developing countries. *The World Bank Economic Review*, 2007, 21(2): 193–218. https://doi.org/10.1093/wber/lhm008
5. Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K., Skorobogatova V. I., Bezverbny V. A. International academic mobility in Russia: trends, types, state stimulation. *Ekonomika regiona*, 2019, 15(2): 420–435. (In Russ.) [Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И., Безвербный В. А. Международная академическая мобильность в России. Тенденции, виды, государственное стимулирование. *Экономика региона*. 2019. Т. 15. № 2. С. 420–435.] http://dx.doi.org/10.17059/2019-2-9
6. Bleaney M. F., Binks M. R., Greenaway D., Reed G. V., Whynes D. K. What does a University add to its local economy? *Applied Economics*, 1992, 24(3): 305–311. https://doi.org/10.1080/00036849200000143
7. Schultz T. W. Capital formation and education. *Journal of Political Economy*, 1960, 68(6): 571–583. https://doi.org/10.1086/258393
8. Blanco-Portela N., R-Pertierra L., Benayas J., Lozano R. Sustainability leaders' perceptions on the drivers for and the barriers to the integration of sustainability in Latin American higher education institutions. *Sustainability*, 2018, 10(8). https://doi.org/10.3390/su10082954
9. Rossi F., Goglio V. Satellite university campuses and economic development in peripheral regions. *Studies in Higher Education*, 2020, 45(1): 34–54. https://doi.org/10.1080/03075079.2018.1506917
10. Ghani N. A., Teo P.-C., Ho T. C. F., Choo L. S., Kelana B. W. Y., Adam S., Ramliy M. K. Bibliometric analysis of global research trends on higher education internationalization using Scopus database: towards sustainability of higher education institutions. *Sustainability*, 2022, 14(14). https://doi.org/10.3390/su14148810

11. Altbach P. G., De Wit H. Internationalization and global tension: lessons from history. *Journal of Studies in International Education*, 2015, 19(1): 4–10. https://doi.org/10.1177/1028315314564734
12. Knight J. Internationalization remodeled: definitions, rationales and approaches. *Journal of Studies in International Education*, 2004, 8(1): 5–31. https://doi.org/10.1177/1028315303260832
13. Knight J. Education hubs: a fad, a brand, an innovation? *Journal of Studies in International Education*, 2011, 15(3): 221–240. https://doi.org/10.1177/1028315311398046
14. Yuan R., Li S., Yu B. Neither "local" nor "global": Chinese university students' identity paradoxes in the internationalization of higher education. *Higher Education*, 2019, 77(6): 963–978. https://doi.org/10.1007/s10734-018-0313-7
15. Altbach P. G. *The international imperative in higher education*. Rotterdam: Sense Publishers, 2013, 198. https://doi.org/10.1007/978-94-6209-338-6
16. Mechtenberg L., Strausz R. The Bologna process: how student mobility affects multi-cultural skills and educational quality. *International Tax and Public Finance*, 2008, 15(2): 109–130. https://doi.org/10.1007/s10797-007-9040-1
17. Arefiev A. L. Russian language and Russian speaking education in the Republic of Lithuania. *Alma Mater (Vestnik Vysshey Shkoly)*, 2020, (8): 70–84. (In Russ.) [Арефьев А. Л. Русский язык и русскоязычное образование в Литовской Республике. *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2020. № 8. С. 70–84.] https://doi.org/10.20339/AM.08-20.070
18. Phang S. L. *Factors influencing international students' study destination decision abroad*. Gothenburg, 2013. URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/32136/1/gupea_2077_32136_1.pdf (accessed 19 May 2023).
19. Soo K. T., Elliott C. Does price matter? Overseas students in UK higher education. *Economics of Education Review*, 2008, 29(4): 553–565. https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2009.10.016
20. Docquier F., Turati R., Valette J., Vasilakis C. Birthplace diversity and economic growth: evidence from the US states in the Post-World War II period. *Journal of Economic Geography*, 2020, 20(2): 321–354. https://doi.org/10.1093/jeg/lbz016
21. Levent F. The economic impacts of international student mobility in the globalization process. *International Journal of Human Sciences*, 2016, 13(3): 3853–3870. https://doi.org/10.14687/jhs.v13i3.3877
22. Chang D.-F., Chang A. Detecting the impacts of newborn babies and its effect on elementary school enrollment. *ICIC Express Letters, Part B: Applications*, 2021, 12(6): 499–506. https://doi.org/10.24507/icicelb.12.06.499
23. Chang D.-F. Implementing internationalization policy in higher education explained by regulatory control in neoliberal times. *Asia Pacific Education Review*, 2015, 16(4): 603–612. http://dx.doi.org/10.1007/s12564-015-9407-4
24. Siddiq F., Baroni J., Lye J, Nethercote W. C. E. *The economic impact of post-secondary international students in Atlantic Canada*. Dalhousie University, School of Public Administration, 2010, 118.
25. Nikolaev V. K. Exporting Russian higher education in the conditions of a new reality. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2022, 31(2): 149–166. (In Russ.) [Николаев В. К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности. *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31. № 2. С. 149–166.] https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166
26. Endovitsky D. A., Korotkikh V. V., Voronova M. V. Competitiveness of Russian universities in the global system of higher education: quantitative analysis. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2020, 29(2): 9–26. (In Russ.) [Ендовицкий Д. А., Коротких В. В., Воронова М. В. Конкурентоспособность российских университетов в глобальной системе высшего образования: количественный анализ. *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29. № 2. С. 9–26.] https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-2-9-26
27. Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E. Effects of the foreign students' migration in Russia. *Narodonaselenie*, 2009, (2): 69–79. (In Russ.) [Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Эффекты иностранной учебной миграции для России. *Народонаселение*. 2009. № 2. С. 69–79.] https://elibrary.ru/ocbdft
28. Ainalieva A. R. The place of foreign students in the Russian higher education system. *The world of science, culture and education*, 2016, (6): 9–11. (In Russ.) [Айналиева А. Р. Иностранный студент в системе российского высшего образования. *Мир науки, культуры, образования*. 2016. № 6. С. 9–11.] https://elibrary.ru/xhcyzn

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS
This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Технологическая многоукладность лесопромышленного комплекса России: прошлое и настоящее

Латыпова Виктория Дмитриевна
Байкальский государственный университет, Россия, Иркутск
https://orcid.org/0009-0000-0484-7346
tervik@bk.ru

Поступила 03.07.2023. Принята после рецензирования 11.10.2023 Принята в печать 23.10.2023.

Аннотация: Сырьевая модель экономики России не обеспечивает ни достойного уровня благосостояния граждан, ни международной конкурентоспособности. Двусторонние санкции дали возможность лесопромышленной отрасли развиваться за счет создания собственных технологий и производств. Однако развитие осложняется недостатком квалифицированных кадров; отсутствием собственной техники, соответствующей мировым технологиям; недостоверными сведениями о качественном и количественном составе лесов и т. д. Статья рассматривает необходимость перехода от экспортно-сырьевой к инновационной модели развития лесопромышленного комплекса в аспекте перехода на новый технологический уклад. Цель – проанализировать возможности перехода лесопромышленного комплекса на 6-й технологический уклад, а также трудности, сопряженные с этим переходом. Выделены этапы становления лесопромышленного комплекса в разрезе уровней технологических укладов начиная с 1703 г. В лесопромышленном комплексе РФ выявлена многоукладность промышленного производства, представленная 3-м, 4-м и 5-м технологическими укладами. Поэтому для перехода на новый технологический уклад необходимо провести подготовку высококвалифицированных кадров, строительство лесохимических комбинатов полного цикла переработки, применяющих передовые технологии очистки с учетом принципов «зеленой» экономики, и др.

Ключевые слова: лесопромышленный комплекс, лесной комплекс, технологический уклад, смена технологического уклада, экспортно-сырьевая политика, лесная продукция

Цитирование: Латыпова В. Д. Технологическая многоукладность лесопромышленного комплекса России: прошлое и настоящее. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8. № 4. С. 488–497. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-488-497

full article

Technological Multistructurality of Timber Industry Complex in Russia: Past and Present

Viktoriya D. Latypova
Baikal State University, Russia, Irkutsk
https://orcid.org/0009-0000-0484-7346
tervik@bk.ru

Received 2 Jul 2023. Accepted after peer review 11 Oct 2023. Accepted for publication 23 Oct 2023.

Abstract: The raw material model of Russia's economy does not provide a suitable level of citizen wellbeing or international competitiveness. The sanctions have enabled the timber industry of Russia to develop by creating its own technologies and production facilities. However, the development is complicated by lack of qualified personnel, modern equipment, and reliable information about the composition of forests, etc. The article considers switching from an export-raw material to an innovative model of the timber industry development in the aspect of transitioning to a new technological paradigm. The purpose of the article is to analyze timber industry's possibilities of transitioning to the 6th technological paradigm, as well as difficulties associated with this transition. The authors highlight timber industry complex formation stages in the technological paradigm levels context. The Russian timber industry complex is multistructural due to relying on 3rd, 4th and 5th technological paradigms. Therefore, in order to transition to a new technological paradigm, it is necessary to train highly qualified personnel, construct

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

full-cycle processing timber chemical plants that use advanced technologies and take into account the green economy principles, etc.
Keywords: timber industry complex, timber complex, technological paradigm, technological paradigm shift, raw materials export policy, forest produce

Citation: Latypova V. D. Technological Diversity of Timber Industry Complex in Russia: Past and Present. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 488–497. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-488-497

Введение

Переход от экспортно-сырьевой модели развития к инновационной является одной из главнейших задач, намеченных на ближайшее десятилетие Правительством Российской Федерации. После распада СССР организации лесопромышленного комплекса (ЛПК) придерживались этой цели до начала военного конфликта в феврале 2022 г. После наложения двусторонних санкций на лесопродукцию стало очевидно, что предприятия ЛПК были ориентированы на удовлетворение мирового спроса на древесные материалы. Интересы внутренних потребителей лесопродукции имели второстепенное значение для производителей; структура потребительского спроса не учитывалась.

Оборудование, которое экспортировалось из мировых лесных держав (Финляндия, Китай, США, Швеция, Япония), используется для уничтожения лесных массивов путем спиливания и первичной обработки древесины в целях вывозки в эти же страны. Технологически лесная отрасль не развивается, а только использует средства труда, импортированные извне. Санкции на экспорт лесных ресурсов со стороны РФ и экспорт технологических машин со стороны зарубежных стран показали, что экономический рост как фактор благосостояния для граждан РФ невозможен без развития технологий и создания инноваций. Это обуславливает необходимость перехода экономики государства на новый технологический уклад (ТУ) в ускоренном темпе за счет создания и развития собственных технологий, способных конкурировать с мировыми лидерами.

Большинство ученых-экономистов, исследующих проблему мировых социально-экономических кризисов, являются приверженцами концепции экономических циклов, которые рассматриваются как смены технико-экономических парадигм и технологических укладов [1–13]. С. Ю. Глазьев рассматривает цикличность экономики с точки зрения смены главной передовой технологии в обществе. Эта цикличность называется «сменой технологических укладов – группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в структуре экономики, связанных друг с другом однотипными технологическими "цепочками" и образующих воспроизводящие целостности» [14]. Согласно теории технологического уклада, эта цикличность объясняется замещением предыдущего технологического уклада другим. В настоящее время выделяют 5 промышленных технологических укладов и инновационный 6-й.

В период становления 2-го ТУ появилась возможность производства товаров в больших количествах, поскольку линейная модель экономики предусматривает одноразовое использование природных ресурсов в производстве с последующей утилизацией продуктов производства (концепция take-make-waste).

В середине XX в. общество начало осознавать, что ресурсы планеты не бесконечны. С ростом количества населения они истощаются, а также происходит загрязнение земельных фондов отходами, которые природа не может переработать. В качестве альтернативы линейной экономике экологи и экономисты предложили экономику замкнутого цикла (концепция take-make-reuse), предусматривающую безотходное производство и продление срока жизни уже произведенных товаров. Ее развитие приходится на конец 5-го технологического уклада (табл.1[1]).

Каждый такой уклад заканчивается кризисом, за которым происходит перетекание производительных сил на более высокую фазу развития. Новый технологический уклад в фазе своего эмбрионального развития остается связан со старым технологическим укладом и использует сложившиеся ранее энергоносители и инфраструктуру, постепенно развиваясь на базе новых технологических совокупностей. Сам технологический уклад имеет сложную структуру. Его ядро создают отрасли, применяющие определенный ключевой вид энергии. По мере его формирования начинается новая волна экономического роста.

В России технологические уклады развиваются с отставанием. В то же время за счет скачкообразного развития экономики новые уклады быстро становятся доминирующими.

[1] Сост. по: Шесть технологических укладов. URL: https://general-skokov.livejournal.com/24586.html (дата обращения: 10.02.2023); [15, с. 12–16].

Табл. 1. Мировое развитие технологических укладов
Tab. 1. Global development of technological paradigms

ТУ	Период	Источник энергии	Описание
1	1770–1830	Гидроэнергия	Создание Дж. Харгривсом механической прядильной машины, которая повысила эффективность работы 1 прядильщика в 6 раз
2	1830–1880	Пар	Зарождение тяжелой промышленности (время стали, угля, железных дорог); 1 и 2 промышленные революции; зарождение линейной экономики
3	1880–1930	Электричество	Замена паровых двигателей электродвигателями; расширение области применения телеграфа, радиосвязи; рост автомобильной промышленности; концентрация банков и финансового капитала
4	1930–1970	Нефть и газ	Активное развитие автомобилестроения, самолетостроения, производства товаров народного потребления; развитие разных видов вооружения; широкое распространение компьютеров и компьютерных технологий; 3 промышленная революция
5	1970–2010	Атомная энергетика	Основан на микроэлектронике, информатике, биотехнологии, генной инженерии. Применение новых форм энергии, освоение космической спутниковой связи, программного обеспечения, телекоммуникаций; начало 4 промышленной революции. В некоторых странах мира – внедрение принципов циркулярной экономики
6	2010–2060(прогноз)	Наноэнергетика	Основные отрасли: нано- и био-технологии; молекулярные, клеточные и ядерные технологии, нанобионика, медицина с использованием стволовых клеток, инженерия живых тканей и органов

Результаты

Вопросы инновационного развития промышленных предприятий рассматривали такие ученые, как В. В. Корелин и Н. Л. Попов, И. И. Шанин, О. Е. Иванова, А. Л. Лисовский, М. Г. Трейман, А. И. Паненко и др. [16–21] В частности, В. В. Корелин и Н. Л. Попов рассматривали вопрос внедрения концепции интернета вещей на предприятиях ЛПК [16]. М. Г. Трейман раскрыла основные аспекты инновационного развития и использования лесных ресурсов страны [20]. А. И. Паненко рассматривала показатели структуры продуктовых и процессных инноваций, их экспортного потенциала, затрат на инновационную деятельность организаций, а также кооперации предприятий при реализации инновационной деятельности [21].

Развитие лесного комплекса в разрезе уровней технологического уклада в трудах ученых-экономистов не анализировалось. Данный контекст развития лесного комплекса имеет научный интерес, поскольку именно ретроспективный разбор может помочь проанализировать возможность перехода лесопромышленного комплекса на 6-й ТУ, а также выявить трудности, сопряженные с этим переходом. Рассмотрим исторические этапы развития лесного комплекса в разрезе уровней ТУ (табл. 2[2]).

Первый исторический этап развития лесного комплекса предполагает полное отсутствие технологий. Все производственные процессы осуществлялись при помощи человеческой силы, приводящей средства труда в движение за счет кинетической энергии. Древесину с делян вывозили с помощью конной силы и посредством сплава по реке. Этот этап развития представлен нулевым укладом (версия автора).

Этап 1917–1945 гг., во время которого происходит становление советского государства, характеризуется зарождением научных ресурсов для технологического прорыва. В отрасли лесозаготовки и деревообработки, так же как и в царской России, использовали ручной труд. Единственное технологическое преимущество прослеживалось при перевозке древесины на дальние расстояния благодаря строительству железной дороги на закате царской империи.

Этап 1945–1991 гг. характеризуется мощным технологическим всплеском во всей промышленности СССР, включая лесную промышленность. В сфере лесозаготовок производительность труда увеличилась в несколько раз благодаря использованию электро-, а затем бензомоторных пил для валки леса.

[2] Сост. по: Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: стат. ежегодник. М.: Статистика, 1977. URL: http://www.great-country.ru/content/library/knigi/dokumenty_spravochniki_statistika/xoz_60/xoz_60.php (дата обращения: 01.05.2023); [21–29].

Глухая тайга Сибири стала более доступной для освоения, поскольку для достижения этой цели появилась специализированная техника, способная проходить в отдаленную труднодоступную местность. В 1950 г. производство бумаги увеличилось по сравнению с 1917 г. в 7,6 раза и составило 1180 тыс. т в г. В 1965 г. производство бумаги составило 3231 тыс. т, 170 % по сравнению с 1950 г.

Этап 1991–2020 гг. в РФ характеризуется снижением наукоемкости технологичных производств. Оборудование, характерное для 4-го и 5-го ТУ, в основном импортировалось из стран-лидеров лесной промышленности. Производство оборудования для нужд ЛПК внутри страны использовало технологии уровня 3-го и 4-го ТУ.

Табл. 2. Развитие технологических укладов в ЛПК России
Tab. 2. Technological paradigms development in the Russian timber industry

Этап	Период	Уклады	Средства труда	Деятельность
1	1703–1917	0	• Топор и двуручная пила • Лошади	• Механическая валка леса • Механическая деревообработка • Конная вывозка
		1	• Река	• Вывозка леса посредством сплава по реке
2	1917–1945	0	• Топор и двуручная пила • Лошади	• Механическая валка леса • Механическая деревообработка • Конная вывозка
		1	• Река	• Вывозка леса посредствам сплава по реке
		2	• Железная дорога	• Перемещение древесины из Сибири по Транссибирской магистрали
3	1945–1991	3	• Электрические пилы	• Валка леса
			• Электрические деревообрабатывающие станки	• Производство пиломатериалов, ДВП, ДСП, фанеры и др.
		4	• Бензомоторные пилы	• Валка леса
			• Автолесовозы, валочные, валочно-трелевочные машины, тракторы	• Валка, трелевка леса и вывозка
		5	• Оборудование для производства спирта, бумаги, картона, лесохимической продукции	• Развитие глубокой переработки
4	1991–2020	3	• Электрические деревообрабатывающие станки	• Производство пиломатериалов, ДВП, ДСП, фанеры и др.
		4	• Автолесовозы, валочные, валочно-трелевочные машины, трактор	• Валка, трелевка леса и вывозка
		5	• Деревообрабатывающие станки с ЧПУ • Харвестеры, форвардеры с программным обеспечением	• Производство продукции из древесины без механического труда человека • Валка, трелевка леса без механического труда человека
5	2020–2070	6 (модель будущего)	• Машины с встроенным искусственным интеллектом • Дроны-наблюдатели • Дроны-лесопатологи • Лесопосадочные машины • Дроны-пожарные	• Повсеместное применение искусственного интеллекта • Цифровой двойник в производстве • Полная цифровая инвентаризация лесов • Контроль над соблюдением санитарных правил • Мониторинг лесных массивов от пожаров и незаконных рубок • Роботизированная посадка сеянцев дронами

Переход ЛПК РФ на 6-й ТУ возможен лишь при полной мобилизации научного и технического потенциала на приоритетных направлениях развития экономики. 6-й ТУ способен трансформировать всю экономическую систему государства, после чего технологии могут применяться в любой отрасли с учетом их специфических особенностей. Использование лесопосадочных машин с искусственным интеллектом в ЛПК РФ приведет к интенсивному лесовосстановлению, снижению себестоимости посаженных деревьев, эффективному уходу за подростом. Беспилотные летательные аппараты с встроенным программным обеспечением способны многократно увеличить производительность труда, при этом в лесном комплексе необходимо использовать дронов-наблюдателей и дронов-лесопатологов.

Источниками энергии на 6-м ТУ должны стать возобновляемые ресурсы, которые является неотъемлемой частью природы. Это напрямую связано с текущим дефицитом невозобновляемых ресурсов в ряде стран мира и тенденцией стремления к нулевому углеродному следу. Огромный потенциал лесных ресурсов РФ способен внести свой неоценимый вклад в развитие «зеленой» энергетики и поглощению выбросов от деятельности человека.

На данный момент в США, Японии, Китае, Канаде и других странах начинает формироваться 6-й технологический уклад. Его зарождение началось в начале XXI в., на данный момент происходит его распространение. В то же время 5-й технологический уклад ослабевает и подходит к пределам роста. После полного перехода на 6-й технологический уклад для всего человечества будут открыты огромные возможности: био- и нанотехнологии, генная инженерия, инженерия живых клеток и органов, квантовые технологии, микромеханика и термоядерная энергетика, дающая импульс развитию искусственного интеллекта и квантового компьютера.

Согласно мнению А. Ю. Федотовой, на конец 2010 г. «в стране практически отсутствуют отрасли, формирующие 6-й технологический уклад. Доля технологий 5-го уклада в объеме промышленной продукции составляет около 5 %, 4-го – около 30 %, 3-го – свыше 60 %» [30, с. 45]. Для лесопромышленного комплекса РФ сейчас предоставляется возможность перейти с 4-го технологического уклада на 6-й, однако переход сопряжен с множеством трудностей: например, технологическая многоукладность производства, ставшая следствием замкнутого технологического пространства, зарожденного еще в советское время, а также концентрация качественных ресурсов в военно-промышленном комплексе и авиакосмической отрасли. Развитые страны, наоборот, перемещают более низкие технологии в третьи страны, и проблема многоукладности у них не существует как таковая.

На данном этапе переход от экспортно-сырьевой модели экономики к инновационной является приоритетом для правительства РФ. На заседании президиума Совета по науке и образованию В. В. Путин приравнял значение стратегии научно-технического развития России к национальной безопасности[3]. Обладая значительным преимуществом в ресурсообеспеченности лесом, технически ЛПК РФ значительно уступает развитым лесным державам. Это связано прежде всего с низким развитием политики стратегического управления. Приоритеты государства направлены на развитие космической, военной, авиационной отраслей, что сказывается на технологическом оснащении других отраслей промышленности.

Бóльшая часть лесопромышленной отрасли относится к низкотехнологичной (согласно разработанному Евростатом перечню высоко-, средне- и низкотехнологичных видов экономической деятельности). Рассмотрим структуру ЛПК в разрезе уровня технологичности:

- Низкотехнологичные: обработка древесины; заготовка древесины; производство мебели; целлюлозно-бумажная промышленность; производство фанеры, ДВП, ДСП и т. д).
- Среднетехнологичные: лесохимическая промышленность (производство химических веществ и химических продуктов)[4].

Так, только лесохимическая отрасль относится к среднетехнологичной. Несмотря на такую структуру, лесопромышленный комплекс в целом должен интенсивно развиваться.

Лесохимическая отрасль в Восточной Сибири имеет широкие перспективы развития ввиду наличия достаточного количества сырья и ресурсов. Относительно дешевая электроэнергия дает возможности для создания крупных лесохимических комбинатов. В то же время отрасль относится к загрязняющей, поскольку многие комбинаты и производства до сих пор работают на основных средствах, требующих модернизации очистных сооружений. Строительство новых комбинатов должно быть осуществлено с размещением на них передовых технологий очистки. Только при соблюдении этого условия развитие

[3] Завражин К., Латухина К. Путин приравнял научно-технологическое развитие к нацбезопасности. *Rg.ru*. URL: https://rg.ru/2016/01/21/putin-site.html (дата обращения: 13.05.2023).

[4] Glossary: High-tech classification of manufacturing industries. *Eurostat*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:High-tech_classification_of_manufacturing_industries (accessed 25 Jun 2022).

и переход на 6-й технологический уклад может происходить с учетом принципов «зеленой» экономики.

Стратегия развития лесного комплекса до 2030 г.[5] рассматривает возможность обеспечить отрасль иностранным оборудованием за счет локализации производств иностранных производителей на территории страны. В текущих реалиях иностранные компании видят большой риск инвестирования в экономику РФ и организации производств, поскольку для иностранного капитала существует высокий политический риск. Данное положение стратегии неактуально на современном этапе.

Стратегией также предусмотрено создание собственных производств лесозаготовительной техники. Однако эффективность производства и качество такой техники вызывает сомнения, поскольку основная ценность лесозаготовительной машины сосредоточена в технологичном программном обеспечении, позволяющем предприятиям увеличивать производительность работ в пересчете на 1 работника. Так, для того чтобы вырубить и предварительно заготовить лес на деляне, достаточно 3 высококвалифицированных работников. Они выступают операторами техники, производственный процесс заготовки древесины практически автоматизирован.

Одной из проблем достижения целей стратегии является низкая актуальность сведений о лесных ресурсах. Об этом свидетельствуют многочисленные расхождения данных сайтов государственных лесных органов и государственного лесного реестра. Внедрение цифровизации в лесной отрасли должно повысить точность информации о лесах и обеспечить ее своевременное обновление. Эта информация необходима в первую очередь участникам лесных отношений. Используя актуальную информацию о лесных участках, частные предприятия могут оценить целесообразность аренды участка для целей лесозаготовки, в т. ч. выявить для себя предельную максимальную цену аренды для участия в аукционе или конкурсе. Это поспособствует применению дифференцированного подхода к определению объективной цены участка.

Таксация, проводимая в большей степени наземными методами, является длительной и неэффективной. В Финляндии используется автоматическая подеревная таксация лесов и лазерное сканирование с помощью аэросъемки и последующего анализа полученных материалов искусственным интеллектом. Таксация определяет породы дерева, диаметр и объем стволов, возраст, повреждения, качество ухода за молодняком, необходимость проведения санитарных рубок.

В России на некоторых лесных участках давность информации о лесоустройстве превышает 10–30 лет, т. е. участникам лесных отношений приходится принимать стратегические решения в условиях полной неопределенности. Согласно лесоустроительной инструкции, цикл обновления информации о лесах составляет 10 лет. Для развития лесного хозяйства необходимо перейти как минимум на 5-летний цикл. Для разрешения проблемы устаревших данных необходимо перейти от инвентаризации полевым глазомерным способом к цифровой инвентаризации и применению беспилотных летательных аппаратов, работающих на основе нейронной сети. Данные нововведения станут началом развития 6-го технологического уклада. Это позволит создать единую «живую» цифровую базу данных всех лесов страны, что в свою очередь даст возможность органам государственной власти своевременно принимать управленческие решения, связанные с предоставлением лесных участков в аренду, назначением точечных лесопатологических обследований, пожарным мониторингом.

В настоящее время на российском рынке беспилотных летательных аппаратов готовые решения по цифровой таксации предлагают международные компании. Так, компания Aeromotus предлагает использовать в лесном хозяйстве дрона, который способен создать 3D-модель деревьев и в дальнейшем использовать эту информацию для подеревной таксации[6]. Отечественные разработчики – сами лесные компании, заинтересованные в снижении издержек по обязательной таксации перед вырубкой участков леса. В 2022 г. группа «Илим» разработала решение для цифровой таксации леса. На основе большого количества фотографий местности специальный алгоритм создает ортофотопланы, которые в дальнейшем анализирует нейросеть и расчитывает количество и объем древостоя[7].

С 1 марта 2023 г. вступили в силу добавленные в лесной кодекс РФ ч. 3 и ч. 4 ст. 67[8]. Данными нормами введены названия исполнителей работ по лесоустройству (инженер-таксатор, техник-таксатор);

[5] Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ № 1989-р от 20.09.2018. *СПС КонсультантПлюс*.

[6] Таксация леса с применением БПЛА. *Aeromotus*. URL: https://aeromotus.ru/taksacziya-lesa-s-primeneniem-bpla/ (дата обращения: 03.06.2023).

[7] Группа «Илим» разработала решение для цифровой таксации леса. *РАО «Бумпром»*. URL: https://bumprom.ru/news/novosti-kompaniy/gruppa-ilim-razrabotala-reshenie-dlya-tsifrovoy-taksatsii-lesa (дата обращения: 03.06.2023).

[8] С 1 марта 2023 г. устанавливается порядок проведения предварительного осмотра лесосеки. *СПС КонсультантПлюс*.

установлено, что с 1 марта 2025 г. будет проводиться аттестация специалистов. Порядок аттестации будет разрабатываться органами исполнительной власти. По нашему мнению, аттестовывать специалиста необходимо не только по формальным критериям, т. е. предъявлять требования к наличию образования (проф. переподготовка в области лесоустройства), но и оценивать умение пользоваться новейшим современным оборудованием для автоматической таксации леса и наличие данного оборудования у специалиста. Вводя данную проактивную норму, можно ускорить переход на автоматическую таксацию с помощью оборудования с современным программным обеспечением.

Для эффективной стратегии управления ЛПК планируется создать национальную платформу «Цифровой лес»[9], включающую в себя инвентаризацию, учет, использование и мониторинг лесов. Это поможет государству улучшить контроль над лесным фондом, даст реальное преставление о состоянии лесов, позволит следить за лесовосстановлением, даст возможность прогнозировать будущие объемы вывозки и поставки сырья, а также находить способы декриминализации лесной отрасли. Также в рамках цифровизации отрасли в июле 2020 г. Федеральное агентство лесного хозяйства РФ создало IT-платформу для электронного взаимодействия бизнеса и государства.

На территории Российской Федерации работает автоматизированный сервис мониторинга леса – система под названием «Кедр», которая при помощи автоматического алгоритма работает с оперативной космической съемкой и функционирует на основе сети искусственного интеллекта. Искусственный интеллект получает, обрабатывает, анализирует данные по всем изменениям лесного пространства, а затем отображает эти изменения на карте.

В деревообрабатывающей отрасли на крупных предприятиях стала внедряться предиктивная аналитика с помощью виртуальной цифровой модели производственного процесса. Цифровой двойник анализирует информацию о состоянии деревообрабатывающих машин и оборудования, чтобы предотвратить преждевременную поломку техники, повысить эффективность производственного цикла деревообработки.

6-й технологический уклад предполагает, что умные производства будут организованы повсеместно, благодаря искусственному интеллекту снизится себестоимость и повысится качество готовой продукции, минимизируются риски потери сырья.

Заключение

На данном этапе в лесной отрасли РФ сформированы предпосылки для развития цифровизации. Происходит зарождение эмбриональной фазы, соответствующей 4-му и частично 5-му ТУ, на основе которых происходит перераспределение основных производств. Чтобы цифровизация заработала, производителям необходимо объединить все цепочки внутри производственной деятельности.

Предприятия ЛПК РФ имеют многоукладный характер промышленного производства, в котором представлено производство 3-го, 4-го и 5-го укладов. Производство машин и оборудования основано на технологиях 3-го технологического уклада, что не позволяет государству быть в полной мере технологически суверенным и ставит под угрозу переход на 6-й технологический уклад.

Еще одной серьезной проблемой является нехватка специалистов, способных управлять программным обеспечением. В лесозаготовительной отрасли РФ в начале XXI в. произошла смена технологии валки леса от ручной к полностью механизированной с помощью лесозаготовительных машин типа харвестер и форвардер, что соответствует 5-му технологическому укладу. Переход повысил производительность труда, исключив часть низкоквалифицированного персонала.

Развитие всех отраслей экономики должно происходить равномерно. Лесной комплекс вносит всего 0,5 % в ВВП страны[10]. В стратегии развития лесного комплекса до 2030 г. планируется увеличить вклад ЛПК в экономику страны до 1 %, также предусматривается развитие частных предприятий глубокой переработки древесины, в т. ч. химических и механических. «ЛПК РФ является нереализованным потенциалом российской экономики, на данный момент находящимся на периферии российской экономики. Переход на 6 технологический уклад – это вопрос выживания на мировой арене, гарантия безопасности страны, высокий уровень благосостояния населения» [31, с. 529]. Нельзя забывать и о принципах «зеленой» экономики, устойчивого развития и неистощительного использования лесных ресурсов.

Переход России на 6-й технологический уклад возможен при проведении ряда экономических и политических реформ. ЛПК РФ сможет удовлетворять внутренний спрос, а также экспортировать продукты с высокой добавленной стоимостью на мировой рынок, обеспечивая конкуренцию мировым лесным державам.

[9] В России создается платформа «Цифровой лес». *TAdviser*. URL: https://www.tadviser.ru/a/510585 (дата обращения: 05.05.2023).
[10] Об утверждении Стратегии развития…

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993. 310 с. [Glaz′ev S. Iu. *Theory of long-term technical and economic development*. Moscow: VlaDar, 1993, 310. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ysxiuv
2. Убушиев Э. В. Экономическая безопасность в различных технологических укладах. *Теоретическая и прикладная экономика*. 2018. № 3. С. 1–21. [Ubushiev E. V. Economic security in various technological structures. *Theoretical and Applied Economics*, 2018, (3): 1–21. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/yajhcp
3. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. М.: Дело, 2011. 231 с. [Perez C. *Technological revolutions and financial capital: the dynamics of bubbles and golden ages*. Moscow: Delo, 2011, 231. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/qulvfb
4. *Techno-economic paradigms: essays in honour of Carlota Perez*, ed. Drechsler W., Kattel R., Reinert E. S. L.: Anthem Press, 2009, 442. https://doi.org/10.7135/UPO9781843318224
5. Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН, 2012. 356 с. [Sadovnichii V. A., Akaev A. A., Korotayev A. V., Malkov S. Yu. *Modelling and forecasting world dynamics*. Moscow: ISPR RAS, 2012, 356. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/qvjjiv
6. Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности, ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко. М.: Учитель, 2017. 384 с. [*Kondratiev N. D.: crises and forecasts in the light of the long waves theory. A look from the present*, eds. Grinina L. E., Korotaeva A. V., Bondarenko V. M. Moscow: Uchitel, 2017, 384. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/zhvuoh
7. Schumpeter J. A. *Business cycles. A theoretical, historical and statistical analysis of the capitalist process*. L.: McGraw-Hill Book Company, 1939, 461.
8. Кондратьев Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны. Вологда: Вологодское областное отделение государственного издательства, 1922. 258 с. [Kondratiev N. D. *World economy and its conjuncture during and after the war*. Vologda: Regional branch of the State Publishing House, 1922, 258. (In Russ.)]
9. Львов Д. С., Глазьев С. Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП. *Экономика и математические методы*. 1986. № 5. С. 793–804. [Lvov D. S., Glazyev S. Yu. Theoretical and applied aspects of NTP management. *Economics and the Mathematical Methods*, 1986, (5): 793–804. (In Russ.)]
10. Ключищев Д. А. Технологические уклады и их влияние на формирование экономических структур и институтов: автореф. дис. … канд. эконом. наук. Воронеж, 2005. 23 с. [Kliuchishchev D. A. T*echnological paradigms and their influence on the economic structures and institutions formation*: Dr. Econ. Sci. Diss. Abstr. Voronezh, 2005, 23. (In Russ.)]
11. Glushchenko V. V. The structure of the mechanism of development of social and professional institutions of the new technological order. *Kazakhstan Science Journal*, 2021, 4(7): 22–39. https://www.elibrary.ru/aslkpr
12. Uskov V. S. Scientific and technological development of the Russian economy in the transition to a new technological order. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2020, 13(1): 70–86. (In Russ.)] https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.4
13. Рукинов М. В. Векторы технологических трансформаций и перспективы безопасного развития экономики России в условиях нового технологического уклада. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2020. № 1. С. 7–15. [Rukinov M. V. Vectors of technological transformations and prospects of Russia's secure development in the new technological paradigm. *Izvestia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomiceskogo universiteta*, 2020, (1): 7–15. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ctuepv
14. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с. [Glazyev S. Yu. *A leap into the future. Russia in the new technological and world economic structures.* Moscow: Knizhnyi mir, 2018, 768. (In Russ.)] https://elibrary.ru/vqdbyv

15. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике, ред. С. Ю. Глазьев, В. В. Харитонов. М.: Тровант, 2009. 304 с. [*Nanotechnology as a key factor of a new technological structure in the economy*, eds. Glaz′ev S. Iu., Kharitonov V. V. Moscow: Trovant, 2009, 304. (In Russ.)]
16. Корелин В. В., Попов Н. Л. Развитие современных технологий и внедрение инноваций на предприятиях лесопромышленного комплекса. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2019. № 6. С. 95–98. [Korelin V. V., Popov N. L. New technologies and innovations in forest industry. *Izvestia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomiceskogo universiteta*, 2019, (6): 95–98. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/czlhzb
17. Шанин И. И. Об инновационном развитии предприятий лесопромышленного комплекса. *Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика*. 2020. Т. 8. № 1. С. 363–368. [Shanin I. I. On innovative enterprise development timber processing complex. *Current directions of scientific research of the XXI century: theory and practice*, 2020, 8(1): 363–368. (In Russ.)] https://doi.org/10.34220/2308-8877-2020-8-1-363-368
18. Иванова О. Е. Оценка готовности промышленных предприятий в контексте цифровой трансформации. *Экономика и предпринимательство*. 2023. № 7. С. 912–919. [Ivanova O. E. Assessing the readiness of industrial enterprises in the context of digital transformation. *Journal of Economy and entrepreneurship*, 2023, (7): 912–919. (In Russ.)] https://doi.org/10.34925/EIP.2023.156.7.158
19. Лисовский А. Л. Оптимизация бизнес-процессов для перехода к устойчивому развитию в условиях четвертой промышленной революции. *Стратегические решения и риск-менеджмент*. 2018. № 4. С. 10–19. [Lisovsky A. L. Optimization of business processes for transition to a sustainable development in the conditions of the fourth industrial revolution. *Strategic Decisions and Risk Management*, 2018, (4): 10–19. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yroovf
20. Трейман М. Г. Инновационная деятельность в лесопромышленном комплексе Российской Федерации. *Лесотехнический журнал*. 2018. Т. 8. № 1. С. 214–226. [Treiman M. G. Innovative activity in forestry industry complex of the Russian Federation. *Forestry Engineering Journal*, 2018, 8(1): 214–226. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/article_5ab0dfca551ea2.51843894
21. Паненко А. И. Анализ инновационной деятельности отраслей лесопромышленного комплекса России. *Управленческий учет*. 2020. № 6. С. 64–82. [Panenko A. I. Analysis of innovative activity of sectors of the Russian timber industry. *Management Accounting*, 2020, (6): 64–82. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zuvjov
22. Васильев П. В., Невзоров Н. В. Лесное хозяйство и лесная промышленность СССР. Госпланиздат, 1948. 106 с. [Vasil′ev P. V., Nevzorov N. V. *Forestry of the USSR*. Gosplanizdat, 1948, 106. (In Russ.)]
23. Макарова В. В. *Формирование механизма лесопользования в регионе*: автореф. дис. … канд. эконом. наук. Иркутск, 1998. 22 с. [Makarova V. V *Formation of the forest management mechanism in the region*: Dr. Econ. Sci. Diss. Abstr. Irkutsk, 1998, 22. (In Russ.)]
24. Лесные богатства СССР, общ. ред. С. Г. Струмилин. М.: Плановое хозяйство, Госплан СССР, 1925. 80 с. [*Forest resources of the USSR*, ed. Strumilin S. G. Moscow: Planovoe khoziaistvo, Gosplan SSSR, 1925, 80. (In Russ.)]
25. Печаткин В. В. Лесной сектор экономики России: прошлое, настоящее и будущее. *ЭКО*. 2013. № 5. С. 95–107. [Pechatkin V. V. Forest sector of economy of Russia: last, present and future. *ECO*, 2013, (5): 95–107. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/qbhqft
26. Суходолов А. П., Хаматаев В. А. Развитие отечественной гидролизной промышленности. *Известия Иркутской государственной экономической академии.* 2009. № 3. С. 49–52. [Sukhodolov A. P., Khamataev V. A. Stages of development of the domestic hydrolysis industry. *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2009, (3): 49–52. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/khqoex
27. Белаенко А. П., Борисов В. А., Гиряев Д. М., Гусев Н. Н., Дякун Ф. А., Ерусалимский В. И., Зеленина Т. К. Двухсотлетие учреждения лесного департамента: 1798–1998. М.: ВНИИЦлесресурс. 1998. Т. 2. 242 с. [Belaenko A. P., Borisov V. A., Giriaev D. M., Gusev N. N., Diakun F. A., Erusalimskii V. I., Zelenina T. K. *Bicentennial of the establishment of the Forest Department: 1798–1998.* Moscow: VNIITSlesresurs, 1998, vol. 2, 242. (In Russ.)]

28. Самаруха В. И., Жабина Д. А., Ловчагин С. А. Трансформация управления лесопромышленным комплексом Байкальского региона при переходе на новый технологический уклад. *Baikal Research Journal*. 2021. Т. 12. № 2. [Samarukha V. I., Zhabina D. A., Lovchagin S. A. Transformation of management of the timber industry complex of the Baikal region during the transition to a new technological paradigm. *Baikal Research Journal*, 2021, 12(2). (In Russ.)] https://doi.org/10.17150/2411-6262.2021.12(2).18
29. Самаруха В. И., Иванова Д. А. Модернизация управления лесопромышленным комплексом Байкальского региона. Иркутск: БГУ, 2018. 232 с. [Samarukha V. I., Ivanova D. A. *Modernization of the management of the Baikal region's timber industry complex*. Irkutsk: BSU, 2018, 232. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ozftnf
30. Федотова А. Ю. Промышленные кластеры и переход к новому технологическому укладу: исторический аспект и перспективные тенденции. *Инженерный вестник Дона*. 2012. № 4-2. [Fedotova A. Yu. Industrial clusters and the transition to a new technological order: historical aspect and promising trends. *Engineering journal of Don*, 2012, (4-2). (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/pvjcmp
31. Терентьева В. Д. Возможности и угрозы для потенциала ЛПК РФ в условиях экономической блокады. *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 12. С. 525–529. [Terent'eva V. D. Opportunities and threats to the potential of the timber industry of the Russian federation in the conditions of economic blockade. *Journal of Economy and entrepreneurship*, 2021, (12): 525–529. (In Russ.)] https://doi.org/10.34925/EIP.2021.137.12.101

© 2023. Nizamutdinov I. K.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Промышленная политика и инновационный процесс в современной российской экономике

Низамутдинов Ирек Камилевич
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
http://orcid.org/0000-0003-3458-7607
irek.nizamutdinov@gmail.com

Поступила 26.07.2023. Принята после рецензирования 04.11.2023. Принята в печать 30.11.2023.

Аннотация: Статья посвящена анализу взаимосвязи эффективной промышленной политики и инновационного процесса в современной экономической системе. Промышленная политика определяет особенности развития отраслей промышленности и конкурентоспособность отдельных промышленных предприятий. Она основана на комплексе экономических политик, проводимых государством, но имеет ряд особенностей. Инновационный и инвестиционный процессы являются основой эффективной промышленной политики. Цель исследования – рассмотреть различные подходы к определению взаимозависимости эффективной промышленной политики и инновационного процесса зарубежных и российских ученых, а также проанализировать факторы и условия, обеспечивающие эффективность реализации промышленной политики государства. В статье рассматриваются различные подходы к определению взаимозависимости эффективной промышленной политики и инновационного процесса зарубежных и российских ученых. Используются методы научного анализа и синтеза. Определены позитивные и негативные черты особенностей реализации промышленной политики в современной российской экономике в условиях глобализации, выявлена недооцененность роли предпринимательского сектора в реализации инновационного процесса. Определены факторы, снижающие эффективность реализации инновационной модели промышленной политики из-за противоречивости используемого инструментария и методов реализации. Выявлены условия обеспечения эффективности экономического развития на длительный промежуток времени. Совершенствование существующей системы научных исследований и современной системы образования позволит обеспечить долгосрочное опережающее развитие отечественной промышленности, а также предоставить возможность развить импортозамещение и занять новые ниши в мировой экономической системе. Промышленная политика определяется особенностями реализации инновационного процесса в экономической системе. Инновационная модель реализации промышленной политики может обеспечить долгосрочное развитие национальной экономической системы и повышение ее конкурентоспособности.

Ключевые слова: промышленность, промышленная политика, экономическое развитие, инновации, инвестиции, глобализация

Цитирование: Низамутдинов И. К. Промышленная политика и инновационный процесс в современной российской экономике. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 4. С. 498–506. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-498-506

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

full article

Industrial Policy and Innovation Process in the Modern Russian Economy

Irek K. Nizamutdinov
Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan
http://orcid.org/0000-0003-3458-7607
irek.nizamutdinov@gmail.com

Received 26 Jul 2023. Accepted after peer review 4 Nov 2023. Accepted for publication 30 Nov 2023.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the relationship between effective industrial policy and the innovation process in the modern economic system. The industrial policy determines the specifics of the industries development, the competitiveness of individual industrial enterprises and is based on a set of economic policies implemented by the state; however, it also has its own features. Innovation and investment processes are the basis of effective industrial policy. The purpose of the study is to consider various approaches to determining the interdependence

of effective industrial policy and the innovation process of foreign and Russian scientists, as well as to analyze the factors and conditions that ensure the effectiveness of the state industrial policy implementation. As part of the analysis of factors and conditions that ensure the effectiveness of the state's industrial policy, the article assesses the advantages and disadvantages of the industrial policy implementation and its impact on the state's to form and regulate the innovation process. The author uses methods of scientific analysis and synthesis. The positive and negative features of the industrial policy implementation in modern Russian economy in the context of globalization are identified, the underestimation of the business sector's role in the innovation process implementation is revealed. The factors that reduce the effectiveness of the industrial policy innovative model implementation due to the inconsistency of the tools and methods are identified. The conditions for ensuring the long-term economic development effectiveness are revealed. Modern industrial policy requires consideration of the factors influencing its efficiency, as well as the specifics of the investment and innovation process implementation in the national economy's industrial development in the context of globalization. The improvement of the existing scientific research and education systems will ensure the long-term advanced development of domestic industry, provide an opportunity to develop import substitution and occupy new niches in the global economic system. Industrial policy is determined by the peculiarities of the innovation process implementation in the economic system. An innovative model of industrial policy implementation can ensure the long-term development of the national economic system and increase its competitiveness.
Keywords: industry, industrial policy, economic development, innovation, investment, globalization

Citation: Nizamutdinov I. K. Industrial Policy and Innovation Process in the Modern Russian Economy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 498–506. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-498-506

Введение

Промышленная политика имеет свои особенности и во многом определяет возможности промышленного развития национальной экономики в рамках заданных приоритетов. Место и роль промышленной политики в развитии территорий, формировании условий для развития новых отраслей промышленности в российском обществе остаются предметом споров и дискуссий между представителями власти и бизнеса о приоритетах реализации промышленной политики, а также базовых направлениях ее формирования. В российской экономической науке, последние десятилетия формируемой в парадигме рыночного подхода к регулированию экономических процессов в условиях глобализации, само понятие промышленной политики и возможности ее реализации часто сталкивались с негативным восприятием. Это объясняется тем, что некоторые исследователи приравнивают возможность проведения промышленной политики к возвращению государства в регулирование экономических процессов на уровне централизованной экономики.

С момента возникновения интереса к реализации активной промышленной политики в российском обществе сформировалось два основных подхода, поддерживающих или отрицающих усиление роли государства в регулировании промышленного развития. Некоторые эксперты и экономисты считают, что промышленная политика изначально создает неравные условия для ведения бизнеса, нарушая принципы функционирования рыночной экономики. Они заключают, что реализация подобной политики со стороны государства приносит вред в условиях глобализации. Противоположный подход, согласно которому признается необходимость активизации промышленной политики, пользуется поддержкой самих хозяйствующих субъектов, выступающих на рынке как по отдельности, так и в составе групп влияния, основанных на объединении интересов экономических агентов и выделяющих промышленную политику как отдельный элемент в действиях государства. Сложившаяся точка зрения предполагает, что промышленная политика имеет свою структуру, свою систему целей и приоритетов, отличных от политики государства в других сферах экономики. Целью промышленной политики в данном случае считается повышение конкурентоспособности российской промышленности. Если, например, монетарная или фискальная политика имеют целью улучшение общей макроэкономической ситуации в стране, то целью промышленной политики должно являться выделение на основе индикативного планирования отдельных бизнес-проектов, создающих выгодные условия для повышения конкурентоспособности отдельных групп отраслей в российской промышленности.

При этом если жесткая модель промышленной политики предполагает непосредственное вмешательство государства в развитие экономики (протекционизм или субсидирование из бюджета наиболее значимых отраслей промышленности), то мягкий

вариант промышленной политики прежде всего направлен на создание и формирование условий для обязательного исполнения некоторых базовых правил всеми организациями бизнеса. Несмотря на то, что жесткие экономические санкции против российского бизнеса вынудили использовать жесткий вариант реализации промышленной политики в первую очередь для развития импортозамещающей промышленности, мягкий вариант реализации промышленной политики остается востребованным, т. к. позволяет задействовать весь инструментарий рыночной экономики для повышения эффективности национальной промышленности.

Промышленная политика в современной экономической системе, сформированная в условиях активизации процессов глобализации, может рассматриваться на различных уровнях. При рассмотрении особенностей реализации и формирования промышленной политики отдельного предприятия достаточно часто используется процессный подход. В таком случае границами, направляющими основной тренд развития предприятия, могут считаться плановые показатели, ограничивающие процессы развития.

Динамическая согласованность формирования эффективного управления предприятием при реализации промышленной политики за последние десятилетия получила основательную методологическую основу. M. S. Tolstel et al. обосновали методологический подход к устойчивому развитию промышленного предприятия [1], L. Xin проанализировал технологические инновации в рамках развития [2]. В настоящее время анализ текущих процессов промышленного предприятия фактически стал основой налаженной системы обратных связей для постоянного мониторинга развития промышленности. Потребность в совершенствовании мониторинга устойчивого развития промышленных предприятий привела к необходимости анализа используемых для этого программных средств, что нашло отражение в научных исследованиях (напр., E. Lorek, P. Lorek [3]). J. Chen et al. разработал модель прогнозирования устойчивого развития [4], D. Kralj и M. Markič анализировали процессы развития инноваций в устойчивом развитии промышленности [5]. В последующем анализе Т. А. Селищева обратила внимание на инструментарий и показатели устойчивого развития [6]. Было определено, что решение задач адаптации приводит к росту эффективности в управлении промышленными предприятиями. В данном случае и необходимая коррекция развития промышленного предприятия, и предупреждение возникновения различных негативных отклонений в развитии связывались либо с текущей адаптацией, либо с предадаптацией действий и решений предприятия на основе прогнозирования развития текущей ситуации. Z. Wysokińska рассматривала инструментарий устойчивого развития промышленности в рамках цели устойчивого развития ООН [7], W. L. Filho et al. обращали внимание на роль целей в устойчивом развитии [8], возможные проблемы в достижении данных целей рассматривались в научном исследованияи R. B. Swain и F. Yang-Wallentin [9].

Обращаясь к пониманию промышленной политики в российской экономике на уровне государства, можно утверждать, что термин был заимствован из западной литературы еще в 1990-х гг. Первоначально он рассматривался как перевод английского понятия *industrial policy*. При этом данный термин скорее соответствовал понятию *отраслевая* или *секторальная политика* и, как правило, обозначал меры государства по поддержке или развитию конкретных секторов экономики [10]. Дальнейшая эволюция термина предполагала различную трактовку разными экономистами.

Ю. Карманов определяет промышленную политику как целенаправленную деятельность государства в лице его представительной и исполнительной ветвей власти по развитию приоритетных отраслей промышленности, базирующихся на достижениях фундаментальной и прикладной науки, где у страны имеется неоспоримый конкурентный приоритет [11]. Данная им трактовка понятия в настоящее время встречается чаще всего. Из-за этого определения, а также трактовки термина начала 1990-х гг., в котором термин соответствовал именно *отраслевой политике* (из понимания переведенного термина), у значительного числа отечественных ученых понятия *промышленная* и *отраслевая политика* стали пересекаться, обозначая близкие по смыслу понятия. Некоторые исследователи (напр., Б. С. Алешин) в проведении промышленной политики делает упор на организационно-правовой инструментарий организации эффективного взаимодействия государства и бизнес-структур в концентрации инвестиций, технологий и человеческого капитала с целью роста конкурентоспособности и рынка сбыта (в условиях определения приоритетных целей развития промышленности). Промышленная политика – это система мер по обеспечению конкурентоспособности национальной промышленности на основе дальнейшей либерализации, развития рыночных стимулов. Исходя из данного определения, мы можем говорить о реализации мягкого варианта промышленной политики, когда основное внимание уделяется непосредственно инструментарию регулирования реализации и развития производственных процессов. А. В. Данилов-Данильян считает, что промышленная политика – это комплекс мер государства, направленных на реализацию

конкретных инвестиционных и инфраструктурных проектов в сфере промышленности[1]. При этом государственная промышленная политика не охватывает соответствующие направления экономической политики государства, достаточно сильно отличаясь от нее. В частности, она не призвана решать социальные вопросы, вопросы поддержания соответствующего уровня жизни или борьбы с инфляцией. В. В. Малаев и И. К. Низамутдинов обращают внимание на то, что ряд сфер экономики для повышения эффективности функционирования экономики в целом подлежат регулированию со стороны государства [12], и именно человеческий капитал во многом определяет эффективность реализации промышленной политики государства.

А. А. Быкова, В. С. Катькало, Г. Б. Клейнер, анализируя особенности промышленного развития в современной экономике, обращают внимание на кластеризацию и роль кластеров в промышленном развитии, особенности и значимую роль процессов эффективного управления в реализации промышленной политики, различные аспекты взаимодействия регионов и отраслей экономики [13–15]. Данные аспекты позволяют принять во внимание различные факторы, определяющие эффективность реализации элементов современной промышленной политики. А. Р. Сафиуллин и др. [16], рассматривая особенности формирования отличительных характеристик территорий, лежащих в основе реализации ее конкурентного потенциала, во многом уточняют аспекты теории промышленного развития в контексте научных подходов таких ученых, как R. P. Rumelt [17; 18] и D. J. Teece [19–21]. Эффективность управления развитием промышленности при реализации государственной промышленной политики требует рассмотрения управления изменениями в контексте трансформации методов и инструментов промышленной политики с опорой на научный подход С. И. Ашмариной и соавторов [22; 23], а также формируемые в постиндустриальном обществе изменения в приоритетах промышленной политики, которые рассматривали M. S. Guseva и E. O. Dmitrieva [24]. Значимость инновационного и инвестиционного инструментария в реализации эффективного промышленного развития и формирования промышленной политики государства также позволяет выделить взаимосвязь трансформации инструментария промышленной политики и трансформации общего процесса развития мировой экономической системы в последние десятилетия в условиях глобализации, что можно обосновать в рамках анализа концепций развития И. Валлерстайна и С. П. Хантингтона [25; 26]. С точки зрения И. Валлерстайна, само появление капитализма можно рассматривать как глобальный процесс. Именно глобальное разделение труда, сосредоточение дешевой рабочей силы и ресурсов на периферии, а возможностей для извлечения доходов – в странах капиталистического ядра (формирующих и направляющих инновационный процесс в рамках реализации собственной промышленной политики) и определяет особенности реализации и формирования эффективной промышленной политики в различных странах и регионах. Данная структура является достаточно стабильной, и в современных развитых странах экономическую политику, по мнению И. Валлерстайна, определяют представители промышленной и финансовой олигархии, реализующие промышленную политику именно в интересах своей социальной группы. При этом промышленная политика в современной экономике становится направленной в первую очередь на совершенствование качественных характеристик промышленного производства.

С. П. Хантингтон, рассматривая современные направления развития экономики, определяет возможное усиление процессов формирования противоречий экономического и промышленного развития. В то же время развитие промышленных центров будет по-прежнему формироваться в рамках существующих возможностей минимизации затрат промышленного развития, на что и должна быть нацелена промышленная политика национальных экономических систем. При этом минимизация затрат достигается при реализации инновационно и инвестиционно ориентированной промышленной политики государства. Однако в современном глобализированном мире промышленная политика различных государств взаимоувязана и со стремлением государств поддерживать группы именно своих промышленных предприятий, повышая их конкурентоспособность на внешнем рынке.

Результаты

Промышленная политика может рассматриваться как экономическая категория, охватывающая систему взаимосвязей мер, инструментов и механизмов, формирующих процессы совершенствования и развития структуры промышленности в национальной экономике при реализации инновационного пути развития. Промышленная политика формируется с учетом существующих в национальной экономике институтов и традиций, основываясь на инвестиционной, инновационной и структурной политике государства, определяя систему распределения

[1] Данилов-Данильян А. В. Рыночный подход к импортозамещающей промышленной политике государства. Современная национальная промышленная политика России: сб. мат-лов. М.: Академкнига, 2004. Вып. 1. 232 с.

и перераспределения экономических ресурсов общества между отраслями промышленности с целью повышения их конкурентоспособности.

Можно утверждать, что современная промышленная политика в российской экономике охватывает практически весь инструментарий промышленной политики, используемый в мировой экономической системе. Частичное заимствование инструментария и методов промышленной политики, используемых в различных странах, привело к соединению инструментов США и Евросоюза в российской экономике. Некоторые элементы реализации промышленной политики были заимствованы из азиатских государств (Японии, Китая, Кореи). Если в США определяющие моменты реализации промышленной политики – это создание общей инновационной системы в рамках национальной экономики, а также работа по формированию технополисов и инноваций, то азиатский вариант модели реализации промышленной политики предполагает заимствование или покупку инновационных решений у стран технологического инновационного ядра в мировой экономике (США, Великобритания, Германия). При этом научная система национальной экономики играет менее значимую роль и направлена в первую очередь на развитие прикладных инноваций (которые можно эффективно использовать в бизнесе) и развитие отдельных районов в экономике, интенсифицирующих промышленное и инновационное развитие. Подобные центры развития инноваций создаются и эффективно функционируют и в регионах США. Альтернативная модель промышленной политики, реализуемая в основном в развивающихся странах, направлена преимущественно на использование традиционных особенностей промышленного развития, существующих в стране (на основе продвижения на рынке традиционных национальных товаров и условий их производства при заимствовании технологических и инновационных решений у ведущих развитых стран). В российской экономике смешение инструментария реализации различных моделей промышленной политики фактически усложняет достижение положительного эффекта от ее реализации.

Кроме того, в современных условиях глобализации, взаимопроникновения экономик, бизнеса и культуры, промышленная политика, изолированная от мирового опыта и особенностей развития мировой экономики (в рамках данного нами определения) не может быть реализована достаточно эффективно в отдельной национальной экономике. В условиях глобализации результаты реализации промышленной политики различных государств (нацеленной в первую очередь либо на поддержку собственных промышленных предприятий, либо на формирование общих интегрированных промышленных производств в отдельных регионах и группах стран мировой экономики), оказывает непосредственное влияние на промышленное развитие отдельных стран. Поэтому при формировании планов реализации промышленной политики должны учитываться особенности промышленной политики конкурирующих стран в мировой экономике по группам промышленных производств.

Даже если наше предположение, что промышленная политика пересекается с другими направлениями государственной политики, верно, можно утверждать, что промышленная политика характеризуется своим набором целей и инструментов их достижения. Она основывается на общей макроэкономической, социальной и региональной, фискальной и внешнеторговой политике государства, отличаясь от каждого вида перечисленных политик.

Среди задач промышленной политики, которые традиционно выделяются как наиболее значимые в рамках мирового опыта регулирования промышленности, можно назвать ускорение экономического и промышленного развития, повышение производительности труда в национальной экономике, рост конкурентоспособности отечественной промышленности как внутри страны, так и на внешнем рынке. Среди других задач промышленной политики обычно отмечают укрепление национальной безопасности, улучшение условий для работы промышленных предприятий, развитие и реализацию инновационных программ национальной экономики или отдельного региона, способствование реструктуризации и развитию отраслей промышленности, привлечение дополнительных инвестиций в развитие и модернизацию промышленности. При наличии данных задач можно утверждать, что главной целью промышленной политики является обеспечение устойчивого экономического и социального развития страны, а также достижение безопасности посредством реализации инновационного и инвестиционного процессов в экономике.

Касаясь экономической ситуации в российской экономике и реализации инновационной составляющей промышленной политики, мы можем сказать, что инвестирование в российскую науку (на исследования и разработки) является крайне низким и не соответствует потребностям российской науки и общества (табл. 1[2]). Затраты на исследования и разработки, составляющие 1,10 %, значительно уступают уровню затрат таких стран, как США,

[2] Сост. по: Российский статистический ежегодник. 2022. М.: Федеральная служба государственной статистики. С. 680.

Япония, Республика Корея, Германия. Низкий уровень затрат на науку приводит к уменьшению числа создаваемых технологий и, соответственно, к уменьшению конкурентоспособности национальной промышленности.

Крайне низкий уровень финансирования научных исследований сохраняется в России достаточно давно и воспринимается как негативное явление. В прогнозах развития ситуации, составленных в 2009 г., в 2020 г. планировался рост показателя финансирования научных разработок до 4 % от ВВП, однако он остался на прежнем уровне – 1,1 %. Это свидетельствует о том, что в России сложилась достаточно жесткая структура финансирования науки, которую невозможно улучшить без сознательного определения приоритетов развития со стороны государственных органов власти.

Табл. 1. Внутренние затраты на исследования и разработки, 2010, 2019–2020 гг., % от ВВП
Tab. 1. Domestic research and development costs, 2010 and 2019–2020, % of gross domestic product

Страна	2010	2019	2020
Россия	1,13	1,04	1,10
Китай	1,71	2,23	2,40
Австрия	2,73	3,13	3,22
Бельгия	2,06	3,16	3,38
Венгрия	1,13	1,48	1,60
Германия	2,73	3,17	3,13
Дания	2,92	2,90	2,97
Испания	1,36	1,25	1,41
Италия	1,22	1,46	1,51
Литва	0,78	0,99	1,17
Нидерланды	1,70	2,18	2,32
Польша	0,72	1,32	1,39
Финляндия	3,71	2,80	2,91
Франция	2,18	2,19	2,35
Швеция	3,17	3,39	3,49
Австралия	2,18	1,80	–
Аргентина	0,56	0,46	–
Канада	1,83	1,75	1,84
Мексика	0,49	0,28	0,30
Норвегия	1,65	2,16	2,28
Республика Корея	3,32	4,63	4,81
Соединенное Королевство (Великобритания)	1,64	1,71	–
США	2,71	3,18	3,45
Турция	0,79	1,07	1,09
Япония	3,10	3,21	3,27

При рассмотрении инновационного механизма реализации промышленной политики нам необходимо также обратиться к источникам финансирования проводимых научных исследований в российской экономике. В рыночной экономике финансирование реализуется либо за счет бюджета государства, либо за счет частного бизнеса. Частный бизнес обычно финансирует подобные научные исследования только в силу необходимости выживания в конкурентной среде. Государство, в свою очередь, имеет достаточно ограниченные возможности и финансирует подобные исследования в крайне малом масштабе. Однако если обратиться к официальной статистике российской экономки, то очевидно, что основным источников финансирования подобных исследований в России является именно государство[3]. Недостаток финансовых вложений и то, что исследования реализуются именно в рамках государственных программ, приводит к тому, что данные исследования часто ограничиваются созданием теоретического контента, исследования не доходят до стадии производства продукта. При этом на мировом рынке роль России как поставщика сырья, а не инновационных технологий, воспринимается большинством развитых государств как должное.

При рассмотрении текущих затрат на исследования и разработки необходимо отметить, что непосредственно отечественные производители даже при увеличении вложения собственных ресурсов в исследования и разработки в целом финансируют их незначительно (табл. 2[4]).

В развитии и формировании инновационных возможностей российского бизнеса необходимо отметить некоторое улучшение показателей инновационной активности (табл. 3[5]).

Тем не менее текущая ситуация с финансированием исследований и разработок в российской экономике в целом продолжает оставаться достаточно неблагополучной.

С учетом вышесказанного в контексте рассмотрения инновационного и инвестиционного процессов мы можем вновь обратиться к понятию промышленная политика. Это некая совокупность решений

[3] Российский статистический ежегодник… С. 501. Табл. 22.13.
[4] Российский статистический ежегодник… С. 500. Табл. 22.10.
[5] Российский статистический ежегодник… С. 509.

Табл. 2. Внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования, 2010, 2019–2021 гг., млрд руб.
Tab 2. Internal research and development costs by source of funding, 2010 and 2019–2021, billion roubles

Источник финансирования	2010	2019	2020	2021
Бюджет	360,3	730,8	768,8	840,4
Научные организации	47,4	193,4	205,5	242,9
Фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности	–	11,7	14,4	13,0
Организации предпринимательского сектора	85,9	169,1	161,9	176,5
Образовательные организации высшего образования	0,5	1,5	1,5	2,0
Частные некоммерческие организации	0,6	1,1	1,7	1,7
Иностранные источники	18,6	27,2	20,7	25,1
Всего	523,4	1134,8	1174,5	1301,5

Табл. 3. Основные показатели инновационной деятельности российского бизнеса, 2019–2021 гг.
Tab. 3. Main indicators of Russian businesses' innovative activities, 2019–2021

Показатели	2019	2020	2021
Уровень инновационной активности организаций, %	9,1	10,8	11,9
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, % в общем числе обследованных организаций	21,6	23,0	23,0
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млрд руб.	4863,4	5189,0	6003,3
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг, % в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	5,3	5,7	5,0
Затраты на инновационную деятельность организаций, млрд руб.	1954,1	2134,0	2379,7
Удельный вес затрат на инновационную деятельность организаций, % в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	2,1	2,3	2,0

и действий государства, влияющих на деятельность предприятий и корпораций посредством стимулирования инвестиционного и инновационного процессов, а также на отдельные элементы экономической деятельности организаций (организацию производства, распределение ресурсов, реализацию произведенного продукта) с целью повышения эффективности работы как отдельного предприятия, так и групп предприятий в национальной или региональной экономической системе. Территориальное размещение предприятий; формирование и совершенствование необходимой инфраструктуры; направление инвестиционных потоков; перераспределение финансовых, материальных и трудовых ресурсов, реализуемое в промышленной политике государства, оказывает непосредственное влияние на развитие территорий, формирование условий для интенсификации их промышленного развития, повышение конкурентоспособности отечественной промышленности как на внутреннем, так и на внешнем рынке в условиях трансформации глобальных мировых экономических процессов.

Заключение

В условиях взаимной связи предприятий различных отраслей промышленности точечный подход в реализации промышленной политики является наиболее эффективным. В современных условиях хозяйствования жесткие структурные приоритеты могут применяться только в развитии значимых импортозамещающих отраслей промышленности при проведении регулирующих действий государства межотраслевого характера, а также направленных на повышение конкурентоспособности предприятий различных групп отраслей. Таким образом, развитие промышленности в современной российской экономике направлено на поддержание ключевых отраслей и формирование импортозамещающих отраслей промышленности, повышающих эффективность функционирования национальной экономики в целом. В то же время необходимо учитывать, что национальная промышленная политика в стране во многом учитывает промышленную политику, применяющуюся в других странах (конкурентах по формированию инновационного процесса и направленности

инвестиционных потоков). В условиях глобализации и конкуренции между отдельными регионами мировой экономики (конкуренции между группами стран и соответствующей поддержкой отечественных производителей) невозможно реализовать изолированную промышленную политику без учета направлений развития процессов глобализации. Опережающее инновационное развитие промышленного производства в отдельных государствах либо регионах внутри национальных экономик требует трансформации используемого инструментария реализации эффективной промышленной политики на основе анализа мирового опыта (что требует проведения дальнейших исследований за пределами материала данной статьи).

Промышленная политика в любой национальной экономической системе базируется на двух основных составляющих – инновациях и инвестициях. В настоящее время инновационная составляющая промышленной политики играет все более значимую роль в постиндустриальной экономике. Помимо инновационного развития собственных отраслей промышленности и создания условий для повышения их конкурентоспособности на мировом рынке, инновационная составляющая реализуется как возможный источник извлечения дополнительной прибыли (торговля и передача инноваций, активно использующиеся в развитых странах) и применяется в рамках контроля за промышленным развитием в других регионах. Рассматривая перспективы промышленного развития мировой экономики, следует обратить внимание и на роль глобализации в трансформации направлений промышленного развития. Перемещение промышленных производств в страны Восточной Азии и трансформация промышленного развития в постиндустриальных экономиках представляют собой единый объективный феномен процессов, определяющих перспективы развития экономики и общества. Фактически инновации и инвестиции, являясь базовыми элементами промышленной политики в современной экономике, одновременно определяют и общие тенденции (направления) процесса глобализации. Противоречивость используемого инструментария и применяемых подходов к рассмотрению самого понятия промышленная политика в современной российской экономике снижают эффективность ее реализации.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Tolstel M. S., Kosinova N. N., Grigorenko I. V., Shelestova D. A., Chigareva T. V. Development of methodological approach to analysis of sustainable development of industrial enterprises under the conditions of clustering. *Russia and the European Union. Contributions to Economics*, ed. Popkova E. Cham: Springer, 2017, 299–305. https://doi.org/10.1007/978-3-319-55257-6_39
2. Xin L. The researches on operational mechanism of circular economy. *International conference on management*, 2013, 725–730.
3. Lorek E., Lorek P. Modern software tools in sustainable development programming. *Ekonomia i Środowisko*, 2017, 1: 72–80.
4. Chen J., Xiao Y., Zhou J. Comprehensive evaluation and prediction model of sustainable development. *JIMET 2015*: Proc. Joint Intern. Mechanical, Electronic and Information Technology Conf., Chongqing, 18–20 Dec 2015. Atlantis Press, 2015, 565–569. https://doi.org/10.2991/jimet-15.2015.107
5. Kralj D., Markič M. Sustainable development and processes innovation. *Environmental Science, Ecosystems & Development*: 5th WSEAS Intern. Conf. on Environment, Ecosystems and Development, Puerto De La Cruz, 14–16 Dec 2007. WSEAS Press, 2007, 200–206.
6. Селищева Т. А. «Зеленая» экономика как модель устойчивого развития стран ЕАЭС. *Проблемы современной экономики*. 2018. № 3. С. 6–12. [Selishcheva T. A. "Green" economy as a model of sustainable development in EEU countries. *Problems of Modern Economics*, 2018, (3): 6–12. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ynkpul
7. Wysokińska Z. Millenium Development Goals/UN and Sustainable Development Goals/UN as instruments for realising sustainable development concept in the global economy. *Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe*, 2017, 20(1): 101–118.
8. Filho W. L., Azeiteiro U., Alves F., Pace P., Mifsud M., Brandli L., Caeiro S. S., Disterheft A. Reinvigorating the sustainable development research agenda: the role of the sustainable development goals (SDG). *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*, 2018, 25(2): 131–142. https://doi.org/10.1080/13504509.2017.1342103

9. Swain R. B., Yang-Wallentin F. Achieving sustainable development goals: predicaments and strategies. *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*, 2020, 27(2): 96–106. https://doi.org/10.1080/13504509.2019.1692316
10. Гриб С. А. Промышленная политика. *Аудитор*. 2006. № 1. С. 55–57. [Grib S. A. Industrial policy. *Auditor*, 2006, (1): 55–57. (In Russ.)]
11. Карманов Ю. Промышленная политика и внешнеэкономические связи. *Экономист*. 2008. № 6. С. 31–35. [Karmanov Iu. Industrial policy and foreign economic relations. *Ekonomist*, 2008, (6): 31–35. (In Russ.)]
12. Малаев В. В., Низамутдинов И. К. Неравенство и экономическое развитие общества. *Экономический вестник Республики Татарстан*. 2014. № 1. С. 38–42. [Malaev V. V., Nizamutdinov I. K. Inequality and economic development of society. *Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan*, 2014, (1): 38–42. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ryijeh
13. Быкова А. А. Проблематика формирования инновационных кластеров. *Инновации*. 2009. № 8. С. 39–46. [Bykova A. A. The issue of the formation of innovation clusters. *Innovations*, 2009, (8): 39–46. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/mjczuv
14. Катькало В. С. Эволюция теории стратегического управления. СПб.: СПбГУ, 2006. 548 с. [Katkalo V. S. *Evolution of the strategic management theory*. St. Petersburg: SPbU, 2006, 548. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/qrytot
15. Клейнер Г. Б. Государство – регион – отрасль – предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Часть 2. *Экономика региона*. 2015. № 3. С. 9–17. [Kleiner G. B. State – region – field – enterprise: framework of economics system stability of Russia. Part 2. *Ekonomika regiona*, 2015, (3): 9–17. (In Russ.)] https://doi.org/10.17059/2015-3-1
16. Сафиуллин А. Р., Сафиуллина К. Г., Гатауллина Л. Р. Промышленный профиль как основа конкурентных преимуществ территории. *Вестник Казанского государственного аграрного университета*. 2015. Т. 10. № 2. С. 41–48. [Safiullin A. R., Safiullina K. G., Gataullina L. R. Industry profile as the basis of competitive advantages of the territory. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2015, 10(2): 41–48. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/12050
17. Rumelt R. P. Towards a strategic theory of the firm. Lamb R. B. *Competitive strategic management.* Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1984, 556–570.
18. Rumelt R. P. *Strategy, structure and economic performance.* Harvard University, 1974, 235.
19. Teece D. J. *Managing intellectual capital: organizational, strategic, and policy dimensions.* Oxford University Press, 2001, 312.
20. Teece D. J. Economies of scope and the scope of the enterprise. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 1980, 1(3): 223–247. https://doi.org/10.1016/0167-2681(80)90002-5
21. Teece D. J. Towards an economic theory of the multi-product firm. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 1982, 3(1): 39–63.
22. Ашмарина С. И., Кандрашина Е. А., Плаксина И. А. Моделирование направленных изменений в глобальных цепочках стоимости как перспективное направление развития теории и методологии управления изменениями. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2020. № 12. С. 30–40. [Ashmarina S. I., Kandrashina E. A., Plaksina I. A. Modeling directed changes in global value chains as a promising development direction of change management theories and methodologies. *Vestnik of Samara State University of Economics*, 2020, (12): 30–40. (In Russ.)] https://doi.org/10.46554/1993-0453-2020-12-194-30-40
23. Ashmarina S. I., Murzagalina G. M. Entrepreneurial potential of Russian regions: comparative assessment and development prospects. *Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World*, eds. Ashmarina S. I., Horák J., Vrbka J., Šuleř P. Cham: Springer, 2021, 160: 33–39. https://doi.org/10.1007/978-3-030-60929-0_5
24. Guseva M. S., Dmitrieva E. O. The competitiveness of single-industry cities in the digital transformation of the economy. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2020, 908: 216–226. https://doi.org/10.1007/978-3-030-11367-4_20
25. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 2. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики. 1600–1750. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2016. 528 с. [Wallerstein I. *The modern world-system II: mercantilism and the consolidation of the European world-economy (1600–1750)*. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke, 2016, 528. (In Russ.)]
26. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2014. 576 с. [Huntington S. P. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. Moscow: AST, 2014, 576 p. (In Russ.)]

© 2023. Рогова К. В., Сычева-Передеро О. В.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Оценка внутрирегиональных сдвигов предпринимательской активности в условиях пандемических и геополитических изменений 2020–2022 гг. (на материалах Кемеровской области – Кузбасса)

Рогова Ксения Валерьевна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0003-0735-6424
kseniyaporlikova@mail.ru

Сычева-Передеро Ольга Валерьевна
Кемеровский государственный университет,
Россия, Кемерово
https://orcid.org/0000-0002-1051-4182

Поступила 25.10.2023. Принята после рецензирования 15.11.2023. Принята в печать 30.11.2023.

Аннотация: Предпринимательская активность серьезно влияет на развитие регионов и муниципальных образований, особенно отдаленных, периферийных. Важнейший аспект исследования деятельности малого и среднего предпринимательства в экономическом пространстве региона – это анализ различий между территориями в уровнях предпринимательской активности, а также оценка динамики соответствующих процессов в различных внешних условиях. Цель – выявить внутрирегиональные различия предпринимательской активности региона, оценить характер и значимость этих изменений на материалах Кемеровской области – Кузбасса в 2020–2022 гг. Выбор области для исследования объясняется тем, что это крупный регион Сибирского федерального округа с хорошо развитой городской сетью, значительным числом муниципальных образований первого уровня (городской округ и муниципальный район). Кроме того, это регион ресурсного типа с характерными для них особенностями и проблемами, где малые и средние предприятия должны в определенной степени балансировать и стабилизировать сложившуюся экономическую модель. В исследовании использован показатель количества малых и средних предприятий, нормированный на 10 тыс. человек. Применялись методы дескриптивной статистики, парный t-критерий Стьюдента для связанных выборок, коэффициенты парной и ранговой корреляции. Исследование показало, что к 2019 г. количество малых и средних предприятий, нормированное на численность населения, определялось известными в науке агломерационными эффектами. Максимальные значения показателя наблюдались в Кемерове, Новокузнецке и соответствующих муниципальных районах, а также других городах Кузбасской агломерации. Аутсайдерами были малые города вне агломераций, сельские районы, прилегающие к крупным районным центрам. В 2020–2022 гг. межмуниципальные колебания предпринимательской активности практически не зависели от плотности населения или пространственного положения муниципального образования. Агломерационный фактор не способствовал более быстрому восстановлению сектора малого и среднего предпринимательства. В целом за 2020–2022 гг. изменения показателя малых и средних предприятий на 10 тыс. человек были статистически незначимы и ограничены. Значительного внутрирегионального сдвига не произошло, что объясняется зависимостью исследуемого показателя от численности населения. Минимальный уровень предпринимательской активности присущ малым городам, а также ряду сельских районов, центрами которых являются города агломерации. Это объясняется ограниченной емкостью потребительского рынка, а также активными поездками населения за покупками в более крупные районные центры. Отдаленные периферийные районы в основном занимали срединные позиции, что противоречит теоретическим представлениям. С точки зрения прикладных рекомендаций следует отметить необходимость дальнейшего исследования дифференциации мер поддержки малых и средних предприятий в разрезе муниципальных образований Кемеровской области – Кузбасса, а также содействия предпринимателям в выборе места локализации, размещения бизнеса.

Ключевые слова: малое предпринимательство, малые и средние предприятия, предпринимательская активность, Кемеровская область – Кузбасс, муниципальное образование, экономический кризис, санкции, агломерация, факторы размещения

Цитирование: Рогова К. В., Сычева-Передеро О. В. Оценка внутрирегиональных сдвигов предпринимательской активности в условиях пандемических и геополитических изменений 2020–2022 гг. (на материалах Кемеровской области – Кузбасса). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 4. С. 507–521. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-507-521

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

full article

Intraregional shifts in Entrepreneurial Activity of Kemerovo Region – Kuzbass during Pandemic and Geopolitical Changes of 2020–2022

Ksenia V. Rogova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0003-0735-6424
kseniyaporlikova@mail.ru

Olga V. Sycheva-Peredero
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
https://orcid.org/0000-0002-1051-4182

Received 25 Oct 2023. Accepted after peer review 15 Nov 2023. Accepted for publication 30 Nov 2023.

Abstract: Entrepreneurial activity has a serious impact on the development of regions and municipalities, especially remote, peripheral ones. The most important aspect of the small and medium-sized enterprises' activities study in the region is the analysis of differences between territories in the levels of entrepreneurial activity, as well as the assessment of relevant processes dynamics in various external conditions. The purpose of the study is to identify intraregional differences in the entrepreneurial activity of the region, to assess the nature and significance of their changes based on the materials of the Kemerovo Region – Kuzbass in 2020–2022. The indicator of the number of small and medium-sized enterprises normalized per 10 thousand people was used, as well as descriptive statistics methods, paired samples t-test, pair and rank correlation coefficients. In 2020–2022, inter-municipal fluctuations in entrepreneurial activity practically did not depend on the population density or the spatial position of the municipality. The agglomeration factor did not contribute to a faster recovery of the medium-sized enterprises' sector. It was revealed that remote peripheral areas are not outsiders in terms of entrepreneurial activity, which contradicts existing theoretical concepts. The minimum entrepreneurial activity is observed in small towns and rural areas adjacent to the cities of the Kuzbass agglomeration, which can be attributed to different possibilities of consumer demand migration, but requires further research.

Keywords: small business, small and medium enterprises, entrepreneurial activity, Kemerovo Region – Kuzbass, municipality, economic crisis, sanctions, agglomeration, location factors

Citation: Rogova K. V., Sycheva-Peredero O. V. Intraregional shifts in Entrepreneurial Activity of Kemerovo region – Kuzbass during Pandemic and Geopolitical Changes of 2020–2022. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 507–521. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-507-521

Введение

Предпринимательская активность серьезно влияет на развитие регионов и муниципальных образований (МО), особенно отдаленных, периферийных. Это обусловлено тем, что малые и средние предприятия (МСП) обеспечивают местные рынки товарами и услугами, создают рабочие места, формируют налогооблагаемую базу местных бюджетов [1; 2]. Кроме того, МСП играют важнейшую роль в связывании неоднородного экономического пространства на региональном и межрегиональном уровнях, сглаживании пространственной асимметрии между регионами и внутри них. Согласно выводам И. В. Корчагиной и А. В. Стариковой, «малые и средние предприятия больше, чем крупные, способствуют выравниванию экономического пространства. Малым и средним предприятиям принадлежит важное место в сдерживании дезинтеграционных тенденций национального экономического пространства» [3, с. 600]. Как правило, крупные предприятия тяготеют к городам соответствующих размеров, либо к тем территориям, где присутствуют важнейшие факторы размещения (для добычи полезных ископаемых – месторождения с приемлемыми горно-геологическими характеристиками разработки, для цветной металлургии – наличие гидроэлектростанций и т. п.) [4]. МСП же составляют основу экономики отдаленных, периферийных территорий, не имеющих выраженных конкурентных преимуществ, обеспечивают создание добавленной стоимости, занятости в малых населенных пунктах и сельской местности [5].

Можно сделать вывод, что МСП должны быть более сбалансированно и равномерно распределены в экономическом пространстве (по сравнению с крупным бизнесом), тем самым обеспечивая его неразрывность, связность, в т. ч. внутри отдельных регионов. Однако для малого предпринимательства характерна зависимость уровня развития от размеров регионов, городов, населенных пунктов. Как правило, относительные показатели предпринимательской активности, не говоря уже об абсолютных, значительно выше в крупнейших городах, центрах

субъектов Российской Федерации, на экономически более развитых территориях, в зонах, расположенных вдоль крупных логистических коридоров и т. п. [6]. Это объясняется лучшими условиями для запуска предпринимательских проектов и деятельности МСП, миграцией предпринимателей. Представленная дилемма напрямую связана с одной из главных проблем современной региональной экономики – соотношением между пространственной концентрацией экономической активности и равномерным освоением территории.

Ряд ученых, в частности, представители новой экономической географии (П. Кругман, М. Фудзита, Э. Венейблс и др.) настаивают на том, что чем крупнее города и городские агломерации, тем более продуктивно там используются труд и капитал, выше инновационная активность, поэтому экономическое развитие предполагает повышение пространственной концентрации населения, финансов и других ресурсов [7]. Стремление затормозить этот процесс или способствовать более равномерному распределению пространственных пропорций средствами государственной региональной политики контрпродуктивно и наносит ущерб национальному экономическому развитию [8]. В обзоре российских ученых показано, что в большом числе эмпирических работ сторонников новой экономической географии обоснована положительная корреляция между плотностью населения с одной стороны и производительностью труда, заработной платой и занятостью с другой [9]. Оппоненты новой экономической географии настаивают на том, что чрезмерная пространственная концентрация приводит к перенаселению, росту преступности, экологическому ущербу, препятствует реализации модели устойчивого развития. Следовательно, нужно поощрять и стимулировать рост в разных районах с разными характеристиками, опираясь на их преимущества [10, с. 75].

Учитывая такие глубокие противоречия в подходах к пространственному распределению экономической активности, необходимо развитие представлений не только о межрегиональных, но и о внутрирегиональных (межмуниципальных) различиях в деятельности МСП и уровнях предпринимательской активности. Это важно как для расширения научных представлений, так и для обоснования управленческих решений в сфере государственной политики стимулирования предпринимательства. В настоящее время положение этого важного компонента экономики противоречиво – на МСП возложены большие надежды, но они крайне слабо реализуются на практике. Поэтому, как пишут российские ученые, «в современном научном дискурсе роль малых и средних предприятий в региональном развитии оценивается, как минимум, дискуссионно. В определенной степени подвергаются ревизии довольно долго господствовавшие представления об абсолютном и относительном росте значимости малого и среднего предпринимательства в регионе как безусловно положительном явлении» [11, с. 76]. Представляется, что изменение сложившейся ситуации предполагает исследование и использование пространственного фактора, оказывающего сильное влияние на деятельность МСП.

Следовательно, важнейший аспект исследования деятельности МСП в экономическом пространстве региона – это анализ различий между территориями в уровнях предпринимательской активности, а также оценка динамики соответствующих процессов в различных внешних условиях. Российские и зарубежные ученые уделяют существенное внимание аспектам пространственной дифференциации экономики, региональной социально-экономической асимметрии. В определенной степени уже изучены пространственные пропорции распределения МСП в России и за рубежом, а также факторы их размещения; даны эмпирические оценки пространственной концентрации.

Так, в исследовании R. Horeczki рассматривались факторы распределения средних предприятий по городам Венгрии. Было установлено, что на привлечение и удержание таких предприятий влияет место города в иерархии размеров. Однако зависимость здесь несколько иная, чем для крупных предприятий. Если количество крупных предприятий прямо пропорционально численности населения, то в случае со средними фирмами города с численностью населения 10–20 тыс. человек опережают более крупные (30–100 тыс. человек). Данный феномен объясняется тем, что малые города неинтересны глобальным компаниям, и они не организуют здесь своих крупных предприятий. Средние предприятия местного происхождения используют городскую рабочую силу, а также опираются на конкурентные преимущества, связанные с точкой локализации (корпоративное встраивание) [12], что и обуславливает достаточно высокий уровень их развития. В работе китайских исследователей показано, что в 1997–2010 гг. МСП все больше стремились использовать агломерационные эффекты, выбирая для размещения наиболее развитые и населенные прибрежные провинции [13]. Статья V. Ch. Nwokocha иллюстрирует влияние возможностей вхождения в кластер на выбор местоположения МСП Нигерии [14], что также можно отнести к проявлению агломерационного эффекта. Аналогичное тяготение МСП к кластерам и иным местам концентрации бизнеса наблюдается в Объединенных Арабских Эмиратах [15], в целом во многих странах глобального Юга [16].

Более детально факторы выбора расположения МСП были исследованы в диссертации M. W. Murigi (Кения)[1]. В ней пространственное распределение и межрегиональная дифференциация объясняются 6 факторами (инфраструктура, государственная политика, бизнес-среда, человеческий капитал, доступ к информации, доступ к сырью), которые зависят от плотности населения, транспортной доступности, пространственной значимости городских центров. Эти результаты также коррелируют с представлениями о пространственной концентрации МСП в агломерациях. Расположение наукоемкого бизнеса на материалах Чехии изучалось J. Ženka et al. В ходе исследования было установлено, что локализация наукоемких бизнес-услуг, в отличие от экономической активности в целом, не может быть объяснена региональными экономическими пропорциями. Иными словами, важен не размер города или его административный статус, а его положение в европейских и глобальных инновационных сетях [17].

В контексте современных трендов цифровизации экономики, развития экосистем и маркетплейсов Z. Liao et al. рассматривают феномен создания предпринимательских кластеров в «деревнях Таобао», поселениях, где не менее 50 домохозяйств занимается онлайн-бизнесом. Их появление обычно носит случайный субъективный характер, однако затем реализуется эффект положительной обратной связи. Например, в деревне Шаджи трое молодых людей, потерявших работу, организовали производство мебели в стиле IKEA и ее продажу через Интернет, что привело к формированию мощного кластера МСП в этой сфере, притягивающего все новых и новых предпринимателей [18]. Есть, безусловно, и достаточно очевидные факторы размещения МСП в зависимости от их отраслевой принадлежности. Так, в сфере туризма и отдыха – это время, требуемое, чтобы доехать до места размещения из крупных городских центров [19].

Однако большинство существующих исследований анализируют межрегиональное (а не внутрирегиональное) распределение МСП. Исключением является работа A. Chłoń-Domińczak et al., в которой моделируется влияние различных факторов на количество МСП на душу населения внутри гмин Куявско-Поморского воеводства[2]. Авторы приходят к заключению, что этот показатель значимо коррелирует с доходами органов местного самоуправления от налога на доходы физических лиц (нормированного на численность населения гмин), в меньшей степени – с долей застроенной площади (т. е. в сельских гминах предпринимательская активность ниже) [20]. Представляется, что корреляция предпринимательской активности и доходов носит скорее обратный характер (больше МСП – выше подоходный налог, т. к. предпринимательский доход должен быть выше средней оплаты труда). Тем не менее и здесь обнаруживается факт концентрации МСП в более крупных значимых региональных центрах.

В России Ю. С. Пиньковецкая и др. на основе кластерного анализа показали глубокое расслоение регионов по признакам количества МСП, численности занятых и доли в валовом региональном продукте (ВРП), причем эти диспропорции усугублялись, по крайней мере, до коронавирусного кризиса 2020–2021 гг. [21]. Аналогичный вывод о характерном для России усугублении региональной асимметрии развития МСП также формулирует В. В. Алещенко [22]. Э. А. Аванесян на материалах Уральского федерального округа РФ связывает предпринимательскую активность (малые и средние предприятия, нормированные на численность населения) с фактором урбанизации (измеряемым через количество городов, плотность населения и плотность железных дорог) [23, с. 20]. Согласно В. Г. Басаревой, региональные индикаторы развития МСП коррелируют с уровнем доходов населения (что напоминает выводы работы [20]), поскольку предпринимательство работает преимущественно с потребительским рынком и зависит от платежеспособного спроса [24]. И. Е. Трубехина подтверждает влияние агломерационного эффекта не только на размещение, но и на итоговые результаты деятельности МСП [25], хотя ее работа ограничена только юридическими лицами.

Таким образом, большинство исследователей нашей страны солидарны с зарубежными коллегами в понимании факторов пространственного размещения МСП и значимости межрегиональной дифференциации предпринимательской активности. Однако преимущественно они концентрируют свое внимание на межрегиональных, а не внутрирегиональных процессах. Исключением являются работы Л. Д. Утюшевой [26; 27]. На материалах г. Волгоград установлено, что малые предприятия, в отличие от крупных, более равномерно распределены по районам этого весьма протяженного города

[1] Murigi M. W. Factors influencing spatial distribution of small and medium size enterprises within Nairobi County, Kenya. 2016, 56. URL: http://erepository.uonbi.ac.ke/bitstream/handle/11295/98376/FINAL%20DOCUMENT%2015TH%20OCTOBER-1.pdf (accessed 15 May 2023).

[2] Гмина – административно-территориальная единица третьего уровня в Польше (сопоставима с городскими и сельскими поселениями в России), воеводство – административно-территориальная единица первого уровня в Польше (сопоставима с субъектом федерации в России).

(полицентричная, а не моноцентричная структура). Наряду с этим, межрайонная структура МСП гораздо лучше соответствует распределению населения города по районам [26].

Однако такая ситуация наблюдается далеко не во всех крупных городах Южного федерального округа РФ. Например, в г. Астрахань пространственная концентрация МСП достаточно высока, в г. Майкоп – практически отсутствует [27]. Локализацию МСП в экономическом пространстве города также изучал А. О. Акулов. В его исследовании идентифицированы 2 кластера автосервисов г. Кемерово, один из которых возник исторически, а второй, по сути дела, случайно. При этом кластеры с высокой пространственной концентрацией различных МСП, связанных с обслуживанием автолюбителей, притягивают новых участников [28], т. е. в этом отношении наблюдается тот же эффект, что демонстрирует исследование [18].

Признавая значимую научную и прикладную ценность существующих исследований, необходимо отметить, что в настоящее время практически не изучены внутрирегиональные различия в уровнях предпринимательской активности. Требуется уточнение научных представлений о межмуниципальной дифференциации развития МСП. Интересную информацию могут дать анализ и оценка не просто количества МСП по муниципальным образованиям или их удельного веса (в этом случае формулируется тривиальный вывод, что доминируют административные центры регионов или крупные города), а показателя МСП, нормированного на численность населения (т. е. количество МСП на 10 тыс. человек). В отличие от доминирующего подхода, учет численности населения даст возможность соотнести пространственное распределение МСП со структурой расселения. Наряду с этим, большинство цитированных работ выполнено до 2020–2022 гг., поэтому они не рассматривают влияние кризиса 2020–2021 гг., вызванного пандемией COVID-19, и экономических санкций 2022 г. Цель данного исследования – выявить внутрирегиональные различия предпринимательской активности региона, оценить характер и значимость их изменений на материалах Кемеровской области – Кузбасса в 2020–2022 гг.

Методы и материалы

В качестве полигона исследования выбрана Кемеровская область – Кузбасс, поскольку это крупный густонаселенный регион Сибирского федерального округа с хорошо развитой городской сетью, значительным числом муниципальных образований первого уровня (городской округ и муниципальный район). Кроме того, это регион ресурсного типа с характерными для них особенностями и проблемами, где МСП должны в определенной степени балансировать и стабилизировать сложившуюся экономическую модель. Для характеристики уровня предпринимательской активности будет использоваться показатель количества МСП (как юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей) на 10 тыс. человек населения муниципального образования (МСП / ДН). Данные о количестве МСП в Кемеровской области и ее МО были получены из Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, который ведет Федеральная налоговая служба РФ[3], а о численности населения по муниципальным образованиям – из материалов территориального органа Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат) по Кемеровской области – Кузбассу[4].

В качестве конкретных хронологических точек исследования выбраны следующие даты (с принятым в экономических исследованиях шагом в один год):

1) 10 декабря 2019 г. – докризисный момент, когда предпринимательская активность отражает длительные, достаточно стабильные тренды предыдущего периода без значимых внешних шоков.

2) 10 декабря 2020 г. – момент, когда МСП региона в наибольшей степени испытали на себе воздействие кризиса, связанного с пандемией COVID-19 (прошел практически год с введения жестких ограничительных мер; предприниматели, столкнувшиеся с затруднениями, приняли решения о перестройке бизнес-модели или прекращении деятельности).

3) 10 декабря 2021 г. – к этому времени МСП в целом должны были восстановиться после коронавирусного кризиса. В течение 2021 г. административные ограничения были существенно уменьшены и не могли иметь определяющего влияния на предпринимательскую деятельность. Кроме того, за 2021 г. предприниматели успели перестроить многие бизнес-модели.

4) 10 декабря 2022 г. – предприниматели уже около 9–10 месяцев отработали в условиях новой экономической реальности, обусловленной большим количеством санкций, и успели отреагировать на изменение модели функционирования национального хозяйства.

В тех случаях, когда в хронологических рамках исследования происходило объединение муниципальных образований (например, Мариинска

[3] Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. *Федеральная налоговая служба*. URL: https://rmsp.nalog.ru/ (дата обращения: 15.10.2023).

[4] Официальная статистика. Население. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу*. URL: https://42.rosstat.gov.ru/folder/38669 (дата обращения: 15.10.2023).

и Мариинского района, Гурьевска, Салаира и Гурьевского района и др.), численность населения определялась суммированием показателей населенных пунктов, вошедших в новый муниципалитет.

Определенное исследовательское ограничение связано с различием дат, в которые Федеральная налоговая служба РФ и Росстат публикуют статистическую информацию (10-е и 1-е число каждого месяца соответственно). Однако учитывая высокую инертность демографических показателей, авторы полагают, что это не может иметь принципиального влияния на результаты исследования.

Для статистической обработки полученных первичных данных использовался ряд традиционных приемов. Значения показателя *МСП/ДН* по муниципальным образованиям оценивались стандартными индикаторами дескриптивной статистики (медиана, среднее линейное отклонение, дисперсия, коэффициент вариации, эксцесс), чтобы определить тип распределения и наличие асимметрии. При одномерной классификации муниципальных образований по величине *МСП/ДН* использовалась формула Стерджесса. Непосредственно для оценки значимости и направленности внутрирегиональных сдвигов предпринимательской активности применялся парный t-критерий Стьюдента для связанных выборок, а также коэффициент ранговой корреляции Спирмена. При выявлении причинно-следственных связей применялся коэффициент парной корреляции Пирсона.

Гипотеза исследования состоит в том, что предпринимательская активность, т. е. индикатор *МСП/ДН*, в докризисный период был существенно выше в г. Кемерово и Новокузнецк, далее следовали другие сравнительно крупные городские округа (например, Беловский, Прокопьевский). Наименьшие значения показателя были присущи сельским муниципальным районам, в особенности отдаленным и периферийным (например, Тисульский, Тяжинский и др.). В кризисный период эта дифференциация должна еще больше усилиться, поскольку агломерационные эффекты способствуют более успешному выживанию МСП и запуску новых предпринимательских проектов. В период посткризисного восстановления предпринимательства межмуниципальное расслоение вновь несколько сократилось.

Результаты

Значения показателя *МСП/ДН* по муниципальным образованиям Кемеровской области – Кузбасса приведены в таблице 1, в таблице 2 представлена дескриптивная статистика данного показателя.

Табл. 1. Значения показателя *МСП / ДН* по муниципальным образованиям Кемеровской области – Кузбасса
Tab. 1. Number of small and medium-sized enterprises per 10 thousand people in the municipalities of the Kemerovo region – Kuzbass

Муниципальное образование	10.12.2019	10.12.2020	10.12.2021	10.12.2022	Изменение	Темп прироста, %
Анжеро-Судженск	183,6	177,7	175,0	172,7	–10,9	–5,9
Белово	210,6	198,1	203,1	210,3	–0,3	–0,1
Березовский	169,5	157,1	155,8	164,6	–4,9	–2,9
Калтан	151,7	144,1	135,8	136,5	–15,2	–10,0
Кемерово	428,8	407,5	407,3	419,1	–9,7	–2,3
Киселевск	186,2	177,5	184,3	186,1	–0,1	–0,1
Краснобродский	174,1	154,0	134,9	139,6	–34,5	–19,8
Ленинск-Кузнецкий	225,9	206,2	214,0	221,7	–4,2	–1,9
Междуреченск	192,5	179,6	176,6	187,7	–4,8	–2,5
Мыски	172,7	166,9	163,3	164,1	–8,6	–5,0
Новокузнецк	308,2	292,6	297,4	302,3	–5,9	–1,9
Осинники	174,8	172,2	172,6	175,0	0,2	0,1
Полысаево	166,9	159,2	163,9	170,0	3,1	1,9
Прокопьевск	190,5	179,1	188,9	192,9	2,4	1,3
Тайга	110,4	97,1	98,8	98,1	–12,3	–11,1
Юрга	221,5	208,1	206,3	214,2	–7,3	–3,3
Беловский р-н	131,2	128,7	129,6	139,7	8,5	6,5
Гурьевский р-н	193,3	178,1	175,7	182,8	–10,5	–5,4

Муниципальное образование	10.12.2019	10.12.2020	10.12.2021	10.12.2022	Изменение	Темп прироста, %
Ижморский р-н	147,7	135,8	156,1	179,1	31,4	21,3
Кемеровский р-н	300,2	326,1	347,4	361,7	61,5	20,5
Крапивинский р-н	149,6	139,7	143,9	145,3	–4,3	–2,9
Ленинск-Кузнецкий р-н	192,8	171,4	160,2	161,0	–31,8	–16,5
Мариинский р-н	183,3	175,5	180,0	178,0	–5,3	–2,9
Новокузнецкий р-н	260,4	251,1	250,4	253,7	–6,7	–2,6
Прокопьевский р-н	136,0	142,2	149,3	157,6	21,6	15,9
Промышленновский р-н	190,5	183,7	178,2	178,0	–12,5	–6,6
Таштагольский р-н	202,3	194,7	191,9	194,0	–8,3	–4,1
Тисульский р-н	164,2	155,6	166,2	181,3	17,1	10,4
Топкинский р-н	163,4	153,8	167,8	170,6	7,2	4,4
Тяжинский р-н	153,5	149,3	168,6	171,9	18,4	12,0
Чебулинский р-н	107,7	95,7	99,7	101,7	–6,0	–5,6
Юргинский р-н	125,9	126,4	131,8	139,3	13,4	10,6
Яйский р-н	152,0	146,2	159,4	167,9	15,9	10,5
Яшкинский р-н	150,4	139,9	135,5	127,4	–23,0	–15,3
Кемеровская область – Кузбасс, всего	264,3	251,5	255,5	262,0	–2,3	–0,9

Табл. 2. Дескриптивная статистика показателя *МСП / ДН*
Tab. 2. Descriptive statistics of the small and medium-sized enterprises per 10 thousand people indicator

Показатель	10.12.2019	10.12.2020	10.12.2021	10.12.2022
Выборочная средняя	187,4	178,6	181,5	186,6
Медиана	183,3	172,2	172,6	178,0
Размах вариации	321,1	311,8	308,5	321,0
Среднее линейное отклонение	40,1	39,0	39,8	40,7
Дисперсия	3729,1	3803,9	3829,0	4083,0
Эксцесс	5,3	4,6	4,4	4,4
Коэффициент вариации, %	32,6	34,0	34,1	32,2
Асимметрия	Существенная правосторонняя			
Тип распределения	Отклоняется от нормального			

Данные позволяют говорить о расслоении муниципалитетов Кузбасса по уровню предпринимательской активности еще до начала кризисных явлений 2020–2022 гг. Обращает на себя внимание, что средний показатель *МСП/ДН*, рассчитанный для всего региона (с учетом общей численности населения и количества МСП), составил 264,3. Это значительно выше по сравнению со средним и медианным значением по 34 муниципальным образованиям (около 180–190).

При этом предпринимательская активность выше среднего показателя *МСП/ДН*, рассчитанного для всего региона только в 3 МО: городах Кемерово и Новокузнецк, Кемеровском районе. Даже в Новокузнецком районе уровень не достиг 264,3. Также существует акцентированная правосторонняя асимметрия, т. е. в ряду распределения есть несколько наблюдений с аномально высокими значениями. В лидирующую группу входят два крупнейших города региона (основные точки концентрации населения

и экономической активности), прилегающие к ним муниципальные районы, а также МО, расположенные в центре и на юге Кузбасской конурбации (Ленинск-Кузнецкий и Гурьевский районы, города Ленинск-Кузнецк, Белово, Прокопьевск, Киселевск, Междуреченск и др.).

Можно добавить, что в литературе выделяют полицентрическую агломерацию Ленинск-Кузнецкий – Полысаево – Белово – Гурьевск – Салаир, руководствуясь критерием часовой доступности по железной и / или автомобильной дороге [29], что частично объясняет более высокий уровень предпринимательской активности в соответствующих муниципалитетах.

Сравнительно высокой в 2019 г. была предпринимательская активность в г. Юрга, который не входит в агломерацию, но является территорией опережающего социально-экономического развития, а также тяготеет к центру другого крупного региона – Томску. Сравнительно высокую позицию занял Таштагольский район, что объяснятся наличием крупного курорта Шерегеш, где работает большое количество МСП. Аутсайдерами по уровню предпринимательской активности являются сельские районы, где МСП работают по преимуществу в агропромышленном комплексе (Чебулинский, Крапивинский, Ижморский и др.), а также малые города, где достаточно узкая емкость потребительского рынка, а население активно ездит за покупками в торговые центры крупных городов, где цены ниже (Тайга, Калтан, Мыски, Березовский).

Таким образом, в условно стабильный период уровень предпринимательской активности в Кемеровской области – Кузбассе в межмуниципальном разрезе ожидаемо коррелировал с известными научными представлениями о влиянии численности населения и агломерационном эффекте. Показательно, что величина *МСП/ДН* достаточно велика не только в г. Кемерово и Новокузнецк, но и в соответствующих муниципальных районах, на которые распространяется влияние этих городов. Вместе с тем, в отдаленных МО не всегда наблюдались минимальные уровни предпринимательской активности.

Так, последнее место по уровню *МСП/ДН* в конце 2019 г. занимал Чебулинский район. Однако еще более отдаленные Тяжинский и Тисульский районы не были в числе абсолютных аутсайдеров – в Прокопьевском и Беловском районах показатели *МСП/ДН* были ниже. Это обусловлено тем, что в отдаленных районах в силу транспортного фактора сохраняется несколько высокая емкость потребительского рынка, чем в сельских районах агломерации, где население тяготеет к районным центрам. Однако в целом заявленная гипотеза для условий 2019 г. в основном подтверждается эмпирическими данными.

В 2019 г. коэффициент корреляции между численностью населения МО и *МСП/ДН* составлял 0,7925, что существенно выше критического значения для 32-х степеней свободы при уровне значимости 1 % и 5 %. Следовательно, уровень развития МСП в муниципалитетах зависит именно от численности населения, среди которого всегда есть определенная доля предпринимателей, а также емкости потребительского рынка. Иными словами, знаменатель показателя *МСП/ДН* гораздо более изменчив и сильнее влияет на итоговый результат, чем числитель.

Остановимся на одномерной классификации муниципальных образований региона по предпринимательской активности. Согласно формуле Стерджесса при 34-х объектах наблюдения имеем число групп $k = 1 + 3{,}32 \cdot \lg n = 1 + 3{,}32 \cdot \lg 34 = 6{,}08$. Учитывая свойства и особенности статистической группировки, целесообразно остановиться на 7 группах. Величина интервала составит:

$$i = \frac{x_{max} - x_{min}}{k} = \frac{428{,}8 - 107{,}7}{6} = 53{,}5\,,$$

где x_{max} – максимальное значение показателя *МСП/ДН*; x_{min} – минимальное значение показателя *МСП/ДН*.

Соответствующая аналитическая группировка представлена в таблице 3. Из данных очевиден большой отрыв Кемерово от остальных муниципальных образований, а также лидирующие позиции больших городов. Но большинство муниципалитетов региона попадают в первую и вторую группы, где количество МСП на 10 тыс. человек населения не превышает 215. Таким образом, в докризисный период сложилась достаточно глубокая межмуниципальная стратификация предпринимательской активности, выявленные закономерности в целом соответствовали известным теоретическим представлениям.

В 2020 г. показатель *МСП/ДН* ожидаемо сократился в Кемеровской области в целом и в большинстве ее МО, даже при том, что параллельно происходило определенное сокращение численности населения вследствие долговременных демографических трендов и распространения инфекции COVID-19. Исключением стали Кемеровский и Прокопьевский, а также Юргинский районы (в последнем рост был незначительным). Тестирование статистической значимости изменений по парному t-критерию Стьюдента для зависимых (связанных) выборок показало, что наблюдаемое значение критерия составило 6,10, тогда как критическое при 33-х степенях свободы равно 2,73. Следовательно, предпринимательская активность, измеряемая через показатель *МСП/ДН*, статистически значимо сократилась под влиянием коронавирусного кризиса.

Табл. 3. Аналитическая группировка муниципальных образований Кемеровской области – Кузбасса по показателю *МСП / ДН*, 2019 г.
Tab. 3. Analytical grouping of Kemerovo region – Kuzbass municipalities by the number of small and medium-sized enterprises per 10 thousand people, 2019

Группа	Интервал	Муниципальное образование
1	107,7–161,2	Тяжинский р-н, Яйский р-н, Калтан, Яшкинский р-н, Крапивинский р-н, Ижморский р-н, Прокопьевский р-н, Беловский р-н, Юргинский р-н, Тайга, Чебулинский р-н
2	161,2–214,7	Белово, Таштагольский р-н, Гурьевский р-н, Ленинск-Кузнецкий р-н, Междуреченск, Прокопьевск, Промышленновский р-н, Киселевск, Анжеро-Судженск, Мариинский р-н, Осинники, Краснобродский, Мыски, Березовский, Полысаево, Тисульский р-н, Топкинский р-н
3	214,7–268,2	Новокузнецкий р-н, Ленинск-Кузнецкий, Юрга
4	268,2–321,7	Новокузнецк, Кемеровский р-н
5	321,7–375,2	–
6	375,2–428,7	–
7	428,8–482,2	Кемерово

Данные дескриптивной статистики (выборочная средняя и медиана) также указывают на акцентированное снижение *МСП / ДН*.

Возникает вопрос: привело ли сокращение предпринимательской активности к изменению межмуниципальных пропорций, сложившихся в предыдущие годы? Показатели вариации демонстрируют разнонаправленную динамику, размах вариации сократился в течение 2020 г. На первом и последнем месте по *МСП / ДН* остались город Кемерово и Чебулинский район, но в первом муниципалитете этот показатель сократился с 428,8 до 407,5 (на 21,3), во втором – с 107,7 до 95,7 (на 12,0).

Таким образом, можно предположить, что в МО с более высоким уровнем развития МСП предпринимательская активность снижалась быстрее, чем в аутсайдерах. Иными словами, снижение вариации происходило на фоне определенного сокращения разрыва между лидерами и аутсайдерами. Однако по сравнению с 2019 г, к концу 2020 г. дисперсия и вариация возросли, поэтому нет оснований однозначно говорить о сглаживании межрегиональных различий. Поскольку снижение *МСП / ДН* наблюдалось в 31 муниципальном образовании из 34, целесообразно рассмотреть изменение темпов прироста в каждом из них, а также рассчитать коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Расчет темпов прироста *МСП / ДН* на 2020 г. по сравнению с 2019 г. показал, что он варьируется от минус 11–12 % (пгт Краснобродский, город Тайга; Ленинск-Кузнецкий и Чебулинский районы) до незначительных минус 2–3 % (города Анжеро-Судженск, Осинники; Беловский и Тяжинский районы). В Кемерово и Новокузнецке спад составил около 5 %. Таким образом, сложно определить взаимосвязь темпов снижения *МСП / ДН* с предыдущим уровнем развития предпринимательства. В связи с этим был рассчитан коэффициент корреляции между темпами прироста *МСП / ДН* в 2020 и 2019 г., составивший 0,1942. Это намного ниже уровня статистической значимости для 32-х степеней свободы. Следовательно, падение предпринимательской активности не зависело от уровня ее предшествующего развития.

Также был рассчитан коэффициент корреляции рангов Спирмена, показывающий тесноту связи между рядами сопоставляемых количественных показателей. Его значение равно 0,982, что соответствует очень тесной связи между местами муниципалитетов по *МСП / ДН* в 2019 и 2020 гг. Следовательно, коронавирусный кризис существенно не повлиял на межмуниципальные пропорции предпринимательской активности, колебания показателя *МСП / ДН* носили ситуативный характер и не привели к существенным сдвигам.

В 2021 г. логично было ожидать восстановления предпринимательской активности, поскольку запреты и ограничения на деятельность бизнеса в Кемеровской области были минимизированы, особенно в сравнении с рядом других сибирских регионов. Однако *МСП / ДН* по региону возрос лишь на 1,6 % (фактически уровень статистической погрешности), а практически в половине муниципальных образований он снизился. Медианное значение *МСП / ДН* также почти не изменилось, средняя арифметическая несколько возросла. Расчет парного t-критерия Стьюдента для связанных выборок (10 декабря 2021 г. по сравнению с 10 декабря 2020 г.) показал, что наблюдаемое значение равно 2,00. Это ниже критического значения для уровня значимости 5 %, которое составляет 2,04. Следовательно,

в 2021 г. не происходило статистически значимого роста предпринимательской активности в муниципальных образованиях.

При этом темпы прироста *МСП/ДН* в 2021 г. варьировались в широких пределах: –12,4 % в городе Краснобродск, –6,5 % в Ленинск-Кузнецком районе. Прирост свыше 10 % имел место в Ижморском и Тяжинском, чуть ниже – в Топкинском и Яйском районах. В остальных муниципальных образованиях колебания были незначительны. В 2021 г., как и в предыдущем, межмуниципальные различия в динамике предпринимательской активности носили ситуативный характер и не изменили внутрирегиональных пропорций.

В 2021 г. коэффициент корреляции рангов Спирмена по отношению к 2020 г. составил 0,950. Коэффициент корреляции между *МСП/ДН* в 2020 г. и темпами прироста этого показателя в 2021 г. был равен –0,0803. Таким образом, в ходе посткризисного восстановления МСП Кемеровской области вновь не произошло существенных сдвигов между муниципалитетами. Лидирующие и отстающие муниципальные образования в целом сохранили свои позиции. При этом восстановление предпринимательства было очень скромным по масштабам.

Что касается 2022 г., то в Кемеровской области – Кузбассе и большинстве муниципальных образований наблюдался более акцентированный рост предпринимательской активности, хотя средние и медианные показатели еще не достигли докризисных значений. Тем не менее, *МСП/ДН* вырос в 29 МО, сократился – только в 5 (городах Анжеро-Судженск, Тайга; Мариинский, Промышленновский и Яшкинский районы). При расчете парного t-критерия Стьюдента для связанных выборок наблюдаемое значение составило 5,20, что выше критического уровня.

Следовательно, в 2022 г. происходило восстановление предпринимательской активности, повышение показателя *МСП/ДН* было статистически значимым. Диапазон темпов роста исследуемого показателя был сравнительно узок – в основном 2–5 %, существенно более быстрый рост наблюдался в Ижморском (14,7 %) и Тисульском районах (9,1 %). Однако коэффициент ранговой корреляции Спирмена составил 0,960. Это означает, что существенных межмуниципальных сдвигов предпринимательской активности не произошло и в 2022 г. Следовательно, в исследовании подтвердилась лишь первая часть гипотезы – в 2019 г. межмунципальные различия предпринимательской активности в основном соответствовали известными теоретическим объяснениям, но события 2020–2022 гг. практически не повлияли на позиции разных муниципалитетов по показателю *МСП/ДН*.

При сопоставлении *МСП/ДН* в 2019 и 2022 гг. также обнаруживается, что межмуниципальные изменения были довольно ограниченными. Оценка статистической значимости изменений динамики рассматриваемого показателя за этот период показывает, что парный t-критерий Стьюдента равен 0,30. Следовательно, статистически значимого изменения показателя *МСП/ДН* по МО Кузбасса не произошло, невзирая на все коллизии этих лет. Коэффициент корреляции между *МСП/ДН* в 2019 и в 2022 гг. составил 0,9617, что существенно выше уровня статистической значимости. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,870, т.е. позиции муниципальных образований по предпринимательской активности в 2022 г. по сравнению с 2019 г. существенно не изменились.

На рисунке[5] показано, что в течение 2019–2022 гг. по уровню предпринимательской активности неизменно выделялись 4 лидера, существенно обгоняющих основную массу муниципалитетов – города Кемерово и Новокузнецк, а также Кемеровский и Новокузнецкий районы (более 250 МСП на 10 тыс. человек). Также хорошо прослеживаются муниципалитеты-аутсайдеры, где показатель составляет около 100 МСП на 10 тыс. человек населения и ниже (Чебулинский район, город Тайга). При этом просматривается схожая динамика *МСП/ДН*: снижение в 2020 г., относительно стабильная ситуация

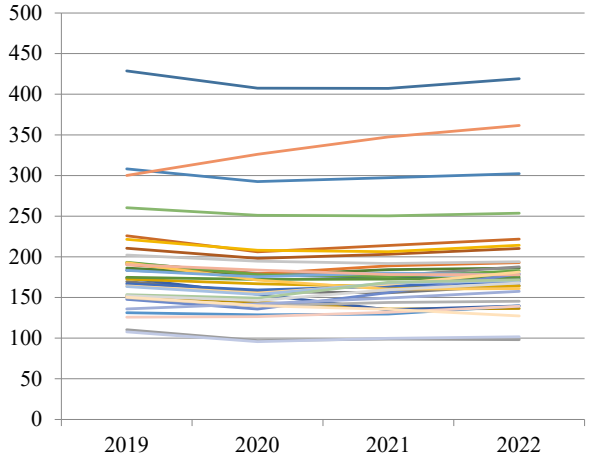

Рис. Динамика показателя МСП / ДН по муниципальным образованиям Кемеровской области – Кузбасса
Fig. Dynamics of the small and medium-sized enterprises per 10 thousand people number in the Kemerovo region – Kuzbass municipalities

[5] *Прим.*: Названия конкретных муниципальных образований отсутствуют на рисунке, т.к. интерес представляют именно общие закономерности динамики, присущие всем территориям Кемеровской области – Кузбасса.

в 2021 г. и рост в 2022 г. В результате всех этих процессов какого-либо серьезного межмуниципального сдвига предпринимательской активности не произошло, что позволяет отвергнуть вторую часть гипотезы.

Несмотря на то, что ведущие муниципалитеты сохранили лидирующие позиции (а Кемеровский район укрепил свою позицию), радикальных изменений в рейтинге муниципальных образований по предпринимательской активности произошло достаточно мало (табл. 4). Резкий скачок предпринимательской активности произошел в Кемеровском районе, превысив показатель города Новокузнецк.

Сказалось позитивное влияние Кемеровской агломерации, рост численности населения города Кемерово и Кемеровского района при одновременном снижении заселенности и пространственной значимости города Новокузнецк и Новокузнецкого района. Улучшили свои позиции муниципалитеты Прокопьевско-Киселевского кластера, что также можно отнести к проявлению агломерационного эффекта. Продолжилось падение рейтинга малых городов (Калтан, Мыски, Березовский, Тайга). Ряд отстающих с точки зрения позиции в рейтинге в 2019 г. муниципалитетов демонстрировали быстрый рост (Тисульский район – на 9 позиций, Ижморский – на 15, Тяжинский – на 5), хотя это периферийные районы с низкой численностью населения. Необходимо подчеркнуть, что в большинстве случаев относительное изменение *МСП/ДН* обычно укладывалось в интервал около 10 % в сторону снижения или повышения.

Большинство муниципальных образований были очень близки по этому показателю, из-за чего даже небольшое его изменение приводило к изменению рейтинговых позиций. Вместе с тем, как отмечалось выше, коэффициент ранговой корреляции говорит о том, что разница позиций муниципалитетов в 2019–2022 гг. не носит определяющего характера. Это частично обусловлено зависимостью предпринимательской активности от численности населения, т. е. весьма инертных демографических пропорций. Хотя кризисные явления 2020–2022 гг. не оказали

Табл. 4. Позиции МО Кемеровской области – Кузбасса по показателю МСП / ДН, 2019 г. и 2022 г.
Tab. 4. Ranking of the Kemerovo region – Kuzbass municipalities by the number of small and medium-sized enterprises per 10 thousand people, 2019 and 2022

10.12.2019		10.12.2022		Изменение места
Место	Муниципальное образование	Место	Муниципальное образование	
1	Кемерово	1	Кемерово	=
2	Новокузнецк	2	Кемеровский р-н	+1
3	Кемеровский р-н	3	Новокузнецк	–1
4	Новокузнецкий р-н	4	Новокузнецкий р-н	=
5	Ленинск-Кузнецкий	5	Ленинск-Кузнецкий	=
6	Юрга	6	Юрга	=
7	Белово	7	Белово	=
8	Таштагольский р-н	8	Таштагольский р-н	=
9	Гурьевский р-н	9	Прокопьевск	+3
10	Ленинск-Кузнецкий р-н	10	Междуреченск	+1
11	Междуреченск	11	Киселевск	+3
12	Прокопьевск	12	Гурьевский р-н	–3
13	Промышленновский р-н	13	Тисульский р-н	+9
14	Киселевск	14	Ижморский р-н	+15
15	Анжеро-Судженск	15	Мариинский р-н	+1
16	Мариинский р-н	16	Промышленновский р-н	–3
17	Осинники	17	Осинники	=
18	Краснобродский	18	Анжеро-Судженск	–3
19	Мыски	19	Тяжинский р-н	+5
20	Березовский	20	Топкинский р-н	+3

10.12.2019		10.12.2022		Изменение места
Место	Муниципальное образование	Место	Муниципальное образование	
21	Полысаево	21	Полысаево	=
22	Тисульский р-н	22	Яйский р-н	+3
23	Топкинский р-н	23	Березовский	–3
24	Тяжинский р-н	24	Мыски	–5
25	Яйский р-н	25	Ленинск-Кузнецкий р-н	–15
26	Калтан	26	Прокопьевский р-н	+4
27	Яшкинский р-н	27	Крапивинский р-н	+1
28	Крапивинский р-н	28	Беловский р-н	+3
29	Ижморский р-н	29	Краснобродский	–11
30	Прокопьевский р-н	30	Юргинский р-н	+2
31	Беловский р-н	31	Калтан	–5
32	Юргинский р-н	32	Яшкинский р-н	–5
33	Тайга	33	Чебулинский р-н	+1
34	Чебулинский р-н	34	Тайга	–1

существенного влияния на внутрирегиональные пропорции предпринимательской активности, в долгосрочной перспективе при сохранении выявленных трендов ситуация может измениться более радикально.

Заключение

МСП имеют важнейшее значение для обеспечения сбалансированности и связности экономического пространства, поскольку образуют основу экономики большинства отдаленных и периферийных районов, населенных пунктов. При этом они испытывают влияние агломерационного эффекта, а межмуниципальные пропорции предпринимательской активности испытывают влияние пространственной концентрации. Исследование уровня и динамики межмуниципальной предпринимательской активности в Кемеровской области – Кузбассе показало, что к 2019 г. показатель количества МСП, нормированного на численность населения, определялся известными в науке агломерационными эффектами. Прослеживалась сильная зависимость показателя от размеров муниципального образования, что позволило подтвердить первую часть гипотезы – зависимость показателя *МСП/ДН* от агломерационных эффектов. По оценкам наибольшая предпринимательская активность характерна для центров Кузбасской агломерации – г. Кемерово и Новокузнецка, соответствующих муниципальных районов, а также городов, связанных фактором высокой транспортной доступности (линия Ленинск-Кузнецкий – Полысаево – Белово – Гурьевск – Салаир).

Минимальный уровень предпринимательской активности присущ малым городам, а также ряду сельских районов, центрами которых являются города агломерации. Это объясняется ограниченной емкостью потребительского рынка, а также активными поездками населения за покупками в более крупные районные центры. Отдаленные периферийные районы в основном занимали срединные позиции, что несколько противоречит теоретическим представлениям. Судя по всему, в силу транспортного фактора потребительская миграция в более крупные центры в этих районах минимальна.

В 2020 г. предпринимательская активность значимо сократилась по всему кругу муниципальных образований, однако выраженной зависимости темпов снижения *МСП/ДН* от каких-либо факторов не наблюдалось. Падение количества МСП, нормированного на численность населения, не коррелировало со значением этого показателя за 2020 г. Можно сделать вывод, что агломерационный эффект не способствовал лучшей выживаемости бизнеса. В 2021 г. динамика исследуемого показателя значимо не менялась, колебания были ситуативными и не приводили к существенным внутрирегиональным изменениям предпринимательской активности. Статистически значимый рост показателя количества МСП, нормированного на численность населения, начался только в 2022 г. Это означает, что санкции не повлияли на динамику предпринимательской активности (малое предпринимательство обычно мало зависит от внешнеэкономических связей). Однако статистически значимых сдвигов внутрирегиональных

пропорций также не произошло (что подтверждает высокая корреляция данных 2019 и 2022 г.). Следовательно, коллизии 2020–2022 гг. существенно не изменили позиции МО по развитию МСП.

Вторая часть гипотезы в целом не оправдалась, по крайней мере, в хронологических рамках периода исследования. Фактор концентрации экономической активности в агломерациях не стал причиной появления принципиальных отличий в динамике показателя количества МСП, нормированного на численность населения, что обусловлено его зависимостью от численности населения (весьма инертной характеристики). Однако некоторые сдвиги все же произошли. Среди них обращает на себя внимание улучшение рейтинговых позиций отдаленных периферийных районов за счет сельских районов, прилегающих к городам Кузбасской агломерации. Вероятнее всего, это объясняется разными возможностями потребительской и предпринимательской миграции из района в город. Так, проживая в Беловском районе, можно поехать за покупками в Ленинск-Кузнецкий или Белово. В то же время, находясь в Тисуле, добраться до какого-либо крупного райцентра затруднительно. Это расходится с принятыми в литературе положениями и определяет направление возможных будущих исследований.

С точки зрения прикладных рекомендаций следует отметить необходимость дальнейшего исследования дифференциации мер поддержки МСП в разрезе муниципальных образований Кемеровской области – Кузбасса, а также содействия предпринимателям в выборе места локализации, размещения бизнеса.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Бильчак В. С., Бильчак М. В. Трудовая мотивация и конкуренция в региональном развитии предпринимательства. СПб.: Нацразвитие, 2018. 214 с. [Bilczak W. S., Bilczak M. V. *Labor motivation and competition in the regional development of entrepreneurship*. St. Petersburg: Natsrazvitie, 2018, 214. (In Russ.)] https://elibrary.ru/poyagp
2. Пиньковецкая Ю. С. Эволюция взглядов на предпринимательство и предпринимателей в научных исследованиях. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2020. Т. 5. № 4. С. 543–556. [Pinkovetskaia Iu. S. Evolution of views on entrepreneurship and entrepreneurs in scientific research. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 543–556. (In Russ.)] https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-543-556
3. Корчагина И. В., Старикова А. В Экономическое пространство малых и средних предприятий: теоретические аспекты и тенденции развития. *Российское предпринимательство*. 2017. Т. 18. № 4. С. 594–602. [Korchagina I. V., Starikova A. V. Economic space of small and medium-sized enterprises: theoretical aspects and development trends. *Rossiiskoe predprinimatelstvo*, 2017, 18(4): 594–602. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/rp.18.4.37453
4. Кузнецова О. В., Бобровский Р. О. Факторы размещения фармацевтических предприятий на примере крупнейших фармкомпаний России. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2022. Т. 86. № 2. С. 168–178. [Kuznetsova O. V., Bobrovskiy R. O. Factors of pharmaceutical enterprises localization-the case of the largest pharmaceutical companies in Russia. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2022, 86(2): 168–178. (In Russ.)] https://doi.org/10.31857/S2587556622020066
5. Шарыгин М. Д., Кротов И. И. Основные факторы территориальной организации малого предпринимательства. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2014. № 9. С. 155–168. [Sharygin M. D., Krotov I. I. Key factors of the spatial organization of small businesses. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University*, 2014, (9): 155–168. (In Russ.)] https://elibrary.ru/syoqwp
6. Рубан Д. А. Концентрация региональной активности малых предприятий в условиях инфляции. *Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление*. 2018. Т. 17. № 1. С. 52–70. [Ruban D. A. Regional activity concentration of small enterprises in conditions of inflation. *Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*, 2018, 17(1): 52–70. (In Russ.)] https://doi.org/10.15826/vestnik.2018.17.1.003

7. Krugman P. Space: the final frontier. *Journal of Economic Perspectives*, 1998, 12(2): 161–174. https://doi.org/10.1257/jep.12.2.161
8. Venables A. J. Equilibrium locations of vertically linked industries. *International Economic Review*, 1996, 37(2): 341–359. https://doi.org/10.2307/2527327
9. Захарова Е. А., Давыдов Д. В., Земцова Е. М. Новая экономическая география: тридцать лет спустя. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2023. Т. 39. № 1. С. 127–155. [Zakharova E. A., Davydov D. V., Zemtsova E. M. New economic geography: thirty years later. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2023, 39(1): 127–155. (In Russ.)] https://doi.org/10.21638/spbu05.2023.106
10. Мельникова Л. В. «Пространственно-нейтральная» и «локально-адресная» региональная политика: проблемы выбора. *Регион: экономика и социология*. 2014. № 1. С. 64–85. [Melnikova L. V. Regional spatially-neutral and local target focused policies: issues of choice. *Region: Economics and Sociology*, 2014, (1): 64–85. (In Russ.)] https://elibrary.ru/slhzsf
11. Жидкова Е. А., Корчагина И. В. Влияние добычи полезных ископаемых на предпринимательство в регионе ресурсного типа (кейс Кемеровской области – Кузбасса). *Развитие территорий*. 2023. № 1. С. 74–85. [Zhidkova E. A., Korchagina I. V. The impact of mining on entrepreneurship in the resource type region (the case of the Kemerovo Region – Kuzbass). *Territory Development*, 2023, (1): 74–85. (In Russ.)] https://doi.org/10.32324/2412-8945-2023-1-74-85
12. Horeczki R. The spatial distribution of the medium-sized enterprise sector in the Hungarian urban hierarchy. *Studia Miejskie*, 2020, 40: 71–81. https://doi.org/10.25167/sm.3421
13. Song Z., Liu W. Spatial distribution of small and medium-sized enterprises (SMEs) and its determinants in China. *Geographical Research*, 2013, 32(12): 2233–2243. https://doi.org/10.11821/dlyj201312018
14. Nwokocha V. Ch. Small and medium scale enterprises and the utilization of strategic alliance: The effect of spatiality in emerging markets economy. *Production & Manufacturing Research*, 2021, 9(1): 264–280. https://doi.org/10.1080/21693277.2021.1978009
15. Alkaabi K. A. S. Effects of geographic distribution of small and medium-size enterprises on growth, innovation, and economic contributions: a case study of UAE. *International Journal of Applied Geospatial Research*, 2020, 11(4): 23–41. http://doi.org/10.4018/IJAGR.2020100102
16. Banwo A. O., Du J., Onokala U. The determinants of location specific choice: small and medium-sized enterprises in developing countries. *Journal of Global Entrepreneurship Research*, 2017, 7. https://doi.org/10.1186/s40497-017-0074-2
17. Ženka J., Novotný J., Slach O., Ivan I. Spatial distribution of knowledge-intensive business services in a small post-communist economy. *Journal of the Knowledge Economy*, 2017, 8(2): 385–406. https://doi.org/10.1007/s13132-015-0260-9
18. Liao Z., Zhang L., Wang X. Spatial distribution characteristics and accessibility analysis of beautiful leisure villages in China. *PLOS One*, 2022, 17(10). https://doi.org/10.1371/journal.pone.0276175
19. Yong F. Agglomeration and spatial distribution of E-Commerce sector in China: a case study of Jiangsu province. *Wireless Communications and Mobile Computing*, 2022. https://doi.org/10.1155/2022/7284213
20. Chłoń-Domińczak A., Fiedukowicz A., Olszewski R. Geographical and economic factors affecting the spatial distribution of micro, small, and medium enterprises: an empirical study of the Kujawsko-Pomorskie region in Poland. *ISPRS International Journal of Geo-Information*, 2020, 9(7). https://doi.org/10.3390/ijgi9070426
21. Pinkovetskaia Iu. S., Meliksetyan S. N., Pavlyuk A. V., Lipatova N. N., Nusratullin I. V. Small and medium-sized enterprises in the Russian Federation: regularities of spatial distribution. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2020, 10(2): 640–652. https://doi.org/10.14505//jarle.v10.2(40).26
22. Алещенко В. В. Малый бизнес: пространственное развитие и приоритеты государственной политики. *ЭКО*. 2014. № 11. С. 132–141. [Aleshchenko V. V. Small business: territorial development and priorities of the state policy. *ECO*, 2014, (11): 132–141. (In Russ.)] https://elibrary.ru/syuezd
23. Аванесян Э. А. Особенности размещения малых и средних предприятий в Уральском федеральном округе. *Kant*. 2021. № 4. С. 15–20. [Avanesian E. A. Features of location of small and medium-sized enterprises in the Ural Federal District. *Kant*, 2021, (4): 15–20. (In Russ.)] https://doi.org/10.24923/2222-243X.2021-41.2
24. Басарева В. Г. Малый бизнес России: теоретические основы исследования, моделирование, концепция государственного регулирования. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. 295 с. [Basareva V. G. *Small business in Russia: theoretical foundations of research, modeling, state regulation concept*. Novosibirsk: IEIE SB RAS, 2013, 295. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rutalr

25. Трубехина И. Е. Анализ механизмов пространственной концентрации (на примере малого бизнеса в Сибирском федеральном округе). *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки*. 2014. Т. 14. № 2. С. 101–107. [Trubekhina I. E. Analysis of mechanisms of spatial concentration (case of Siberian Federal District). *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Social and Economics Sciences*, 2014, 14(2): 101–117. (In Russ.)] https://elibrary.ru/smtqxv
26. Утюшева Л. Д. Территориальное размещение субъектов малого бизнеса в экономическом пространстве города. *Региональная экономика: теория и практика*. 2013. № 40. С. 60–68. [Utiusheva L. D. Territorial distribution of small businesses in the economic space of the city. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2013, (40): 60–68. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rdrgjr
27. Утюшева Л. Д. Особенности агломерационного развития предприятий малого бизнеса в экономике крупного города: авторефер. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2014. 26 с. [Utiusheva L. D. *Features of the small businesses agglomeration development in a large city economy*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2014, 26. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zpjlhh
28. Акулов А. О. Неформальные кластеры малых и средних предприятий в муниципальной экономике (кейс кластеризации автосервисов города Кемерово). *Муниципалитет: экономика и управление*. 2021. № 1. С. 36–51. [Akulov A. O. Informal SME clusters in the municipal economy (the case of car services clustering in the city of Kemerovo). *Municipality: Economics and Management*, 2021, (1): 36–51. (In Russ.)] https://doi.org/10.22394/2304-3385-2021-1-36-51
29. Самойлова Н. А. Прошлое, настоящее и будущее поселений, развитие которых связано с добычей полезных ископаемых (на примере Кузбасса). *Вестник МГСУ*. 2018. Т. 13. № 2. С. 155–169. [Samoylova N. A. Past, present and future of settlements whose development is associated with the mineral resource extraction (a case study of Kuzbass). *Vestnik MGSU*, 2018, 13(2): 155–169. (In Russ.)] https://doi.org/10.22227/1997-0935.2018.2.155-169

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS
This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Подделка денежных знаков Банка России как угроза экономической безопасности России

Яргутова Вероника Юрьевна
Нижегородская академия МВД России, Россия, Нижний Новгород
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, Нижний Новгород
vera.tomilova.84@mail.ru

Поступила 17.09.2023. Принята после рецензирования 05.11.2023. Принята в печать 30.11.2023.
Аннотация: В статье анализируются темп роста количества поддельных денежных знаков в России; осуществляемая в России денежно-кредитная политика, нацеленная на усовершенствование защитных элементов денежных знаков; уровень раскрываемости преступлений, связанных с фальшивомонетничеством; влияние подделки денежных знаков (фальшивомонетничества) на состояние экономической безопасности страны. Цель – проанализировать уровень роста обращения наличных денег, наиболее актуальные защитные элементы денежных знаков, методики выявления фальшивых денежных знаков. Изучены статистические данные Центрального банка России по количеству наличных денег в обращении, поддельным денежным знакам, а также статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации по количеству преступлений, совершенных по ст. 186 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследование может оказать позитивное воздействие на функционирование наличных денег в целом, а также стать посылом для создания единой информационной платформы по распознаванию поддельных денежных знаков с возможностью обратной связи в форме *вопрос – ответ*, что положительно отразится на борьбе с фальшивомонетничеством и обеспечении экономической безопасности России.
Ключевые слова: денежный знак, банкнота, наличные расчеты, безналичные расчеты, фальшивомонетничество, подделка, экономическая безопасность

Цитирование: Яргутова В. Ю. Подделка денежных знаков Банка России как угроза экономической безопасности России. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 4. С. 522–530. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-522-530

full article

The Bank of Russia's Banknotes Counterfeit as a Threat to Russian Economic Security

Veronika Yu. Yargutova
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of RANEPA, Russia, Nizhny Novgorod
vera.tomilova.84@mail.ru

Received 17 Sep 2023. Accepted after peer review 5 Nov 2023. Accepted for publication 30 Nov 2023.
Abstract: The article analyzes the counterfeit banknotes number growth rate, the monetary policy aimed at improving the protective elements of banknotes, the level of counterfeiting crimes detection, and the impact of counterfeiting on the Russian economic security. The purpose of the article is to analyze the growth of cash circulation level and available methods for detecting counterfeit banknotes, as well as to determine the most relevant protective elements. The author uses the statistical data of the Central Bank of Russia on the amount of cash in circulation and counterfeit banknotes, as well as statistical data of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the number of crimes committed under the Article 186 of the Criminal Code of the Russian Federation. The research can have a positive impact on the functioning of cash in general and become a basis for creating a unified information platform for the recognition of counterfeit banknotes, which will have a positive impact on the fight against counterfeiting and ensuring Russia's economic security.
Keywords: monetary symbol, currency note, cash payment, non-cash payment, counterfeiting, forgery, economic security

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Citation: Yargutova V. Yu. The Bank of Russia's Banknotes Counterfeit as a Threat to Russian Economic Security. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(4): 522–530. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-4-522-530

Введение

В 2022 г. в России удельный вес операций физических и юридических лиц в безналичной форме увеличился в 1,4 раза по сравнению с 2021 г.[1] Оплата товаров и услуг в розничном обороте также возросла. Во многом данный рост объясняется воздействием на состояние денежной системы цифровой экономики, за счет влияния которой в 2023 г. в России также появилась третья форма расчетов – цифровой рубль[2]. Однако стоит отметить, что банкноты и монеты по-прежнему являются единственным законным средством наличного платежа на территории Российской Федерации.

В настоящий момент в России наблюдается тенденция к незначительному увеличению количества наличных денег в обращении, что порождает необходимость в обеспечении надежности их защитных элементов. В 2017 г. были введены в оборот купюры номиналом 200 и 2000 руб., которые, как показало время, обладают самым высоким уровнем защиты, поскольку фальсифицировать их оказалось значительно труднее, чем купюры, выпускавшиеся ранее. В рамках денежной реформы 30 июня 2022 г. был установлен новый формат купюр номиналом 100 руб., защитный комплекс которых также был усилен. Немаловажным является введение банкнот номиналом 5 и 10 руб., которые стали выпускаться Центральным Банком (ЦБ) России в 2022 г. и способствовали эффективному налично-денежному обращению. В ближайшее время планируется введение новых банкнот номиналом 1000 и 5000 руб., уникальность которых будет заключаться в наличии QR-кода, позволяющего проверить подлинность купюр путем сканирования с использованием телефона. В настоящий момент деятельность ЦБ России направлена на усовершенствование денежных знаков с целью обновления устаревших купюр, а также создания эффективной защиты от подделки. Актуальным является приложение «Банкноты Банка России»[3], которое позволяет без применения специальных средств самостоятельно определять подлинность банкнот. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, раскрываемость преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 186 УК РФ[4], небольшая. Цель исследования – проанализировать имеющиеся проблемы и обозначить пути их решения.

Исследование основано на методах наблюдения, прогнозирования, статистического анализа, корреляционного анализа (выявления зависимости между переменными, характеризующими различные свойства объектов), графической визуализации, перекрестного анализа значимых факторов. В качестве материалов были использованы труды отечественных и зарубежных авторов, статистические данные ЦБ и Министерства внутренних дел (МВД) России.

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.[5], к показателям состояния экономической безопасности относятся: индекс денежной массы (денежные агрегаты М2), уровень преступности в сфере экономики. По данным департамента статистики ЦБ России, годовой темп прироста денежного агрегата М2 на 01.08.2023 г. составил 24,5 %, годовой темп прироста наличных денег (М0) – 28,8 %[6], что свидетельствует о недостаточно высоком уровне наличных денег в обращении. По статистике МВД России за 2022 г., было выявлено 111429 преступлений экономической направленности[7]. Предусматривающая уголовную ответственность за подделку денежных знаков ст. 186 включена в раздел VIII «Преступления в сфере экономики» УК РФ. Как отмечает Д. А. Литвинов, фальшивомонетничество способствует усилению угроз экономической безопасности, препятствует обеспечению стабильности

[1] Итоги работы Банка России 2022: коротко о главном. Развитие системы платежей и расчетов. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/results_work/2022/razvitie-sistemy-platezhey-i-raschetov/ (дата обращения: 23.07.2023).

[2] Цифровой рубль. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/fintech/dr/ (дата обращения: 14.08.2023).

[3] Мобильное приложение «Банкноты Банка России». *Банк России*. URL: https://www.cbr.ru/cash_circulation/mobilnoe-prilozhenie/ (дата обращения: 16.08.2023).

[4] Уголовный кодекс РФ № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023). Ст. 186. Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг. *СПС КонсультантПлюс*.

[5] О Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. Указ Президента РФ № 208 от 13.05.2017. *СПС КонсультантПлюс*.

[6] Оценка денежной массы. Банк России. https://cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs/sr_ma_estim/ (дата обращения: 17.08.2023).

[7] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 г. *Министерство внутренних дел Российской Федерации*. URL: https://мвд.рф/reports/item/35396677/ (дата обращения: 17.08.2023).

сферы денежного обращения, способствует инфляции, сказывается на росте цен [1, с. 79; 2, с. 169]. По мнению А. А. Вишневского, «только надежная, эффективная система обеспечения экономической безопасности может служить гарантом суверенитета и независимости страны, ее стабильного и устойчивого социально-экономического развития» [3, с. 82]. Соглашаясь с мнением указанных авторов, отметим, что именно своевременные меры по борьбе с подделкой денежных знаков выступают одним из гарантов обеспечения экономической безопасности страны, поскольку способствуют снижению уровня преступности в сфере экономики.

К числу размышлений об истоках фальшивомонетничества следует добавить позицию Б. В. Волженкина, который считал, что как только в качестве средства платежа появились деньги, возникло фальшивомонетничество [4, с. 505]. Значительный рост фальшивомонетничества был характерен для 90-х гг. XX в. [5, с. 150].

В настоящий момент ряд научных исследователей выступают за полный переход от наличных денег на безналичные расчеты [6], обосновывая его необходимость уменьшением затрат на производство денег и их обращение, повышением прозрачности денежных расчетов [7, с. 57]. Как отмечают отдельные исследователи, рост себестоимости денежных знаков связан не столько с подорожанием расходных материалов, сколько с возрастающими требованиями к защитным свойствам [8, с. 150]. Однако автор поддерживает позицию тех исследователей, которые заявляют о невозможности полного вытеснения наличных денег из оборота в ближайшее время [9, с. 50; 10; 11, с. 24; 12, с. 49]. Стоит согласиться с мнением Н. Н. Медведева, что наличные денежные средства – это базис экономики [13].

Ряд авторов утверждают, что «система фальсификации денежных знаков все больше совершенствуется» [14, с. 117]. На наш взгляд, данный факт объясняется не только развитием цифровых технологий в русле обновления методики выявления поддельных денег, но и модернизацией денежных знаков. На необходимость разработки и внедрения надежных защитных признаков в качестве главного направления деятельности ЦБ России указывала М. А. Абрамова [6, с. 46].

Документированию преступлений, связанных с фальшивомонетничеством, посвящен ряд диссертационных исследований [15–17]. Еще в 2003 г. А. В. Петрянин отмечал, что рост фальшивомонетничества «подрывает финансовую систему и основы экономики» [16, с. 4]. По мнению О. Г. Сумниковой, оценить масштабы фальшивомонетничества сложно, поскольку соотношение между выявленными и невыявленными денежными суррогатами невозможно установить [17, с. 4]. К сожалению, несмотря на предпринимаемые меры, эти утверждения до сих пор актуальны.

В научных исследованиях, посвященных особенностям обращения наличных денег и документированию преступлений, связанных с подделкой денежных знаков, не нашли отражения, в частности, последние нововведения по модернизации денежных знаков. Также не вполне разрешены многие вопросы, касающиеся способов защиты денежных знаков, что обуславливает высокую степень актуальности исследования, научную новизну и его практическую значимость.

Результаты

Как уже было отмечено ранее, банкноты и монеты по-прежнему являются единственным законным средством наличного платежа на территории Российской Федерации. Согласно статистике ЦБ, в России наблюдается тенденция к увеличению наличных денег в обращении (табл. 1[8]).

Табл. 1. Сумма наличных денег и безналичных средств в обращении на 1-е число месяца, млрд руб., 2023 г.
Tab. 1. The amount of cash and non-cash funds in circulation on the 1st day of the month, billion rubles, 2023

Месяц	Денежная масса	Наличные деньги	Безналичные средства
Январь	82388,0	15435,7	66952,3
Февраль	82221,7	15361,2	66860,5
Март	83955,9	15576,6	68379,3
Апрель	84813,4	15819,6	68993,8
Май	84636,0	16242,0	68394,0
Июнь	86197,3	16485,5	69711,8

Статистические данные ЦБ России свидетельствуют о снижении показателя, отражающего уровень фальшивомонетничества: в 2021 г. было выявлено 6 подделок на 1 млн банкнот; в 2021 г. – 4 подделки на 1 млн банкнот, находящихся в обращении.

Рассмотрим динамику количества поддельных денежных знаков Банка России за 1 кв. 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом 2022 и 2021 гг. (рис. 1[9]).

[8] Денежная масса (национальное определение). *Банк России*. URL: https://cbr.ru/statistics/ms/ (дата обращения: 17.08.2023).

[9] Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России. *Банк России*. https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/1q_2023/ (дата обращения: 17.08.2023).

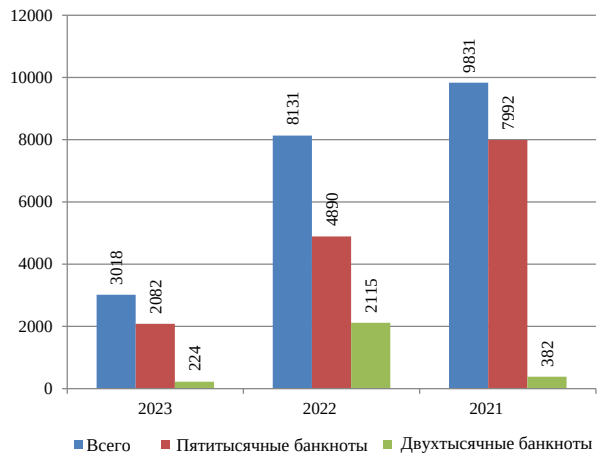

Рис. 1. Динамика количества выявленных поддельных денежных знаков Банка России, 1 кв. 2021–2023 гг.
Fig. 1. Dynamics of the Bank of Russia's detected counterfeit banknotes number, 1st quarter of 2021–2023

Данные подтверждают тенденцию к уменьшению количества поддельных денежных знаков: по сравнению с 1 кв. 2022 г., в 1 кв. 2023 г. было выявлено на 62,88 % меньше поддельных денежных знаков, что говорит об эффективности предпринимаемых мер. Для сравнения, только в 2014 г. было выявлено 80243 поддельных денежных знака [14, с. 118].

С целью изучения взаимосвязи количества выявленных ЦБ России поддельных денежных знаков за 1 кв. 2021–2023 гг. с количеством банкнот и монет, находящихся в обращении на 1 января 2021–2023 гг.[10], воспользуемся методом корреляционного анализа (табл. 2). По произведенным расчетам, коэффициент корреляции имеет отрицательное значение (r = (–0,979590624)), что свидетельствует об иных факторах, оказывающих влияние на снижение количества выявляемых поддельных денежных знаков ЦБ России (к ним можно отнести, например, усовершенствование защитных элементов денежных знаков, повышение финансовой грамотности граждан, развитие цифровых технологий и т. п.).

По территориальному распределению и в 2022, и в 2023 г. наибольшее количество поддельных денежных знаков были выявлены в Центральном федеральном округе (рис. 2[11]).

Табл. 2. Корреляционный анализ количества выявленных ЦБ России поддельных денежных знаков за 1 кв. 2021–2023 гг. и количества банкнот и монет, находящихся в обращении на 1 января 2021–2023 гг.
Tab. 2. Correlation between the number of counterfeit banknotes detected by the Central Bank of Russia in the 1st quarter of 2021–2023 and the number of banknotes and coins in circulation as of January 1, 2021–2023

Год	Количество банкнот и монет, находящихся в обращении, млн экз.	Количество выявленных поддельных денежных знаков	Коэффициент корреляции (r)
2023	78676	3018	–0,979590624
2022	77128	8131	
2021	75954	9831	

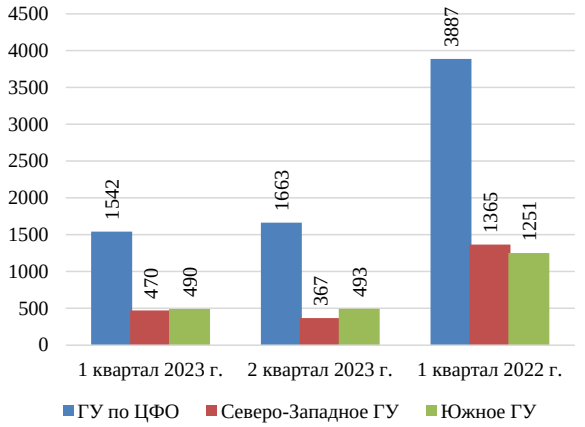

Рис. 2. Территориальное распределение выявленных поддельных денежных знаков
Fig. 2. Territorial distribution of detected counterfeit banknotes

Относительно видов купюр, которые в наибольшей степени подвергаются подделке: чаще всего подделывают купюры номиналом 5000 руб., значительное количество подделок встречается среди купюр номиналом 2000 и 1000 руб. (рис. 3[12]).

[10] Структура наличной денежной массы в обращении. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/20230101/ (дата обращения: 24.07.2023).

[11] Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России. Территориальное распределение выявленных поддельных денежных знаков Банка России. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/1q_2023/ (дата обращения: 24.07.2023).

[12] Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России. Купюрное строение поддельных денежных знаков Банка России. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/1q_2023/ (дата обращения: 24.07.2023).

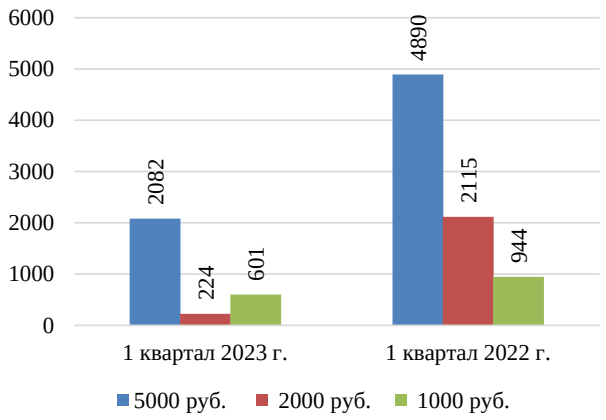

Рис. 3. Частота выявления поддельных купюр номиналом 5000, 2000 и 1000 руб.
Fig. 3. Frequency of detecting the 5000, 2000 and 1000 rubles counterfeit banknotes

Для характеристики уровня фальшивомонетничества в России важно осуществить анализ не только статистических данных ЦБ, но и МВД России. Согласно данным МВД России за 2020–2022 гг., количество выявленных преступлений по ст. 186 УК РФ снижается (табл. 3[13]). Положительная динамика объясняется рядом факторов: модернизацией банкнот с внедрением новых защитных элементов, появлением современных технических средств проверки на подлинность, повышением уровня финансовой грамотности граждан.

Однако стоит обратить внимание на отмечаемую рядом исследователей низкую раскрываемость преступлений, связанных с подделкой денежных знаков [18, с. 12; 19, с. 245]. На наш взгляд, это обусловлено недостаточно высокой степенью финансовой грамотности населения относительно защитных элементов современных денег и правильного алгоритма действий при выявлении поддельных денежных знаков.

Рассмотрим процесс информирования ЦБ России о признаках подлинности на примере банкноты номиналом 100 руб., введенной в оборот 30 июня 2022 г.[14] На что важно обращать внимание: при наклоне – на цветопеременный элемент, киппэффект, защитную нить; на просвет – на водяной знак; на ощупь – на повышенный рельеф для слабовидящих людей; при увеличении – на микроизображение, микротекст. По рекомендации Банка России необходимо проверить не менее трех защитных признаков.

Табл. 3. Количество преступлений, совершенных по ст. 186 УК РФ, выявленных в 2020–2022 гг.
Tab. 3. Number of crimes committed under the Article 186 of the Criminal Code of the Russian Federation, 2020–2022

Год	Всего	Выявленных сотрудниками органов внутренних дел
2020	18700	18642
2021	17055	16993
2022	13008	12937

Общеизвестно, что правом единоличного изготовления денежных знаков по заказу ЦБ России обладает АО «Гознак». После введения санкций в 2022 г. работа АО «Гознак» значительно перестроилась, что было связано с заменой части компонентов и технологий, поставляемых зарубежными производителями, на отечественные.

Немаловажную роль выполняет департамент наличного денежного обращения ЦБ России[15]. Одной из его функций является противодействие фальшивомонетничеству, которое проявляется в следующих формах:

- внедрение технических решений, повышающих защищенность денежных знаков от подделки;
- осуществление на постоянной основе мероприятий, обеспечивающих выявление и изъятие из обращения поддельных денежных знаков;
- просветительская работа по вопросам определения подлинности и платежеспособности денежных знаков Банка России;
- публикация информационных материалов в печатных и электронных СМИ.

Весьма информативным в разрезе рассматриваемой темы является возможность ознакомиться с судебной практикой по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 186 УК РФ. Так, согласно приговору суда[16] гр. Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 186 УК РФ. По результатам проведенной экспертизы было установлено, что купюра номиналом 5000 руб. не соответствует образцу АО «Гознак».

1. Билет выполнен на двух склеенных между собой листах бумаги.

2. Водяные знаки имитированы надпечаткой светло-серым веществом на оборотной стороне.

[13] Краткая характеристика состояния…

[14] Банкноты. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/cash_circulation/banknotes/100rub/?tab.current=y2022/ (дата обращения: 26.07.2023).

[15] Департамент наличного денежного обращения. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/about_br/bankstructute/dndo/ (дата обращения: 14.08.2023).

[16] Приговор № 1-169/2020 от 16.10.2020 по делу № 1-169/2020. *Судебные и нормативные акты РФ*. URL: https://sudact.ru/regular/doc/FMgsvUYZd0Yv/ (дата обращения: 18.08.2023).

3. Защитная нить имитирована путем вклеивания между листами бумаги полимерной ленты с металлическим блеском и деметализированными участками, при наблюдении на просвет образующими повторяющиеся светлые изображения числа 5000, и «прошивкой» листа с реквизитами оборотной стороны в местах, имитирующих выходы нити на поверхность.

4. Защитные волокна имитированы способом цветной струйной печати пурпурным красящим веществом.

5. Микроперфорация имитирована лазерным прожигом с лицевой стороны.

6. Изображение герба г. Хабаровска выполнено при помощи трафарета.

7. Надписи «БИЛЕТ БАНКА РОССИИ», «ПОДДЕЛКА БИЛЕТОВ БАНКА РОССИИ ПРЕСЛЕДУЕТСЯ ПО ЗАКОНУ», а также изображение метки для людей с ослабленным зрением и элемент с MVC-эффектом имитированы способом бескрасочного тиснения для создания рельефности изображений.

8. Изображения остальных основных реквизитов полиграфического оформления лицевой и оборотной сторон, знаков серийной нумерации выполнены способом цветной струйной печати.

Поддельные денежные купюры были приобретены гр. Г. на сайте по стоимости 2000 руб. за каждую купюру, в последующем были получены по указанному продавцом адресу.

Одним из способов решения проблемы распространения подделки денежных знаков, как отмечают отдельные авторы, является введение цифрового рубля [20, с. 152], что, как правило, объясняется снижением доли наличных денег в общей денежной массе. Например, отдельные исследователи утверждают, что введение цифрового рубля позволит приблизиться к соотношению доли наличных и цифровых денежных средств в обращении страны 10 к 90 % [21, с. 40]. Другие авторы придерживаются позиции необходимости полной ликвидации наличных денег. С тем, что при отсутствии наличных денег исчезнет фальшивомонетничество, можно согласиться, однако, как было отмечено ранее, автор считает полное искоренение наличности невозможным.

Тем не менее у наличного обращения есть ряд недостатков. Так, необходимо решить проблему затратности наличного обращения. О наличии рисков в этом направлении уже отмечалось [22, с. 90]. Не будет лишним отметить, что генеральный директор АО «Гознак», профессор А. В. Трачук, обсуждая в декабре 2022 г. возобновление печати десятирублевых и пятирублевых купюр, отмечал, что есть заметные различия в организации обращения монет и банкнот, например, логистические затраты[17]. На значительную экономию отказа от наличных денег, которая может составить 1,5 % ВВП, указывал В. Н. Гуторович [23, с. 47]. Немаловажным является простота в контроле безналичных расчетов по сравнению с наличными деньгами [24, с. 139]. Однако есть много безусловных преимуществ наличных денег перед остальными формами расчетов, например, гибкость, простота использования, анонимность [25, с. 113]; наглядность и высокая степень защищенности платежа [26, с. 87].

Несмотря на снижение количества выявляемых преступлений, связанных с фальшивомонетничеством, их масштабы велики. Подтверждением сказанного является факт пресечения Федеральной службой безопасности и МВД России в 2023 г. деятельности группы лиц, занимающихся изготовлением и оптовой реализацией купюр номиналом 5000 руб.[18] Как было установлено, производство поддельных денежных знаков осуществлялось на территории Республики Дагестан, последующая реализация происходила в разных субъектах РФ. Всего было изготовлено и реализовано свыше 1 млрд руб. В качестве доказательственной базы выступили:

более 20 млн поддельных рублей;

составные элементы клише для изготовления российских рублей;

- матрица для изготовления долларов США;
- комплекс компьютерного оборудования для печати денег;
- профессиональные средства воспроизводства защитных элементов банкнот;
- специализированная денежная бумага с нанесенными на нее водяными знаками;
- краска и иные комплектующие, используемые для изготовления поддельных денежных билетов;
- средства связи, флеш-носители, компьютерная техника, банковские карты;
- отчетные бухгалтерские документы преступной деятельности.

Стоит отметить, что в последнее десятилетие схемы совершения подобных преступлений значительно изменились, как и процесс выявления

[17] «Менее защищенной банкнота не станет». Руководитель «Гознака» Аркадий Трачук – о влиянии санкций на качество бумажных рублей, вводе в оборот пятирублевок и электронных документах для мигрантов. *Известия*. URL: https://iz.ru/1439104/anna-kaledina/menee-zashchishchennoi-banknota-ne-stanet/ (дата обращения: 17.08.2023).

[18] ФСБ России пресечена деятельность организованного преступного сообщества, специализирующегося на изготовлении и оптовой реализации поддельных денежных знаков. Официальные сообщения. 22.03.2023. *Официальный сайт ФСБ России*. URL: https://www.fsb.ru/fsb/press/message.htm%21f%3D131%26blk%3D10438515.html/ (дата обращения: 17.08.2023).

поддельных денежных знаков. За последние 3 года изменения были обусловлены последствиями пандемии COVID-19, а также ограничительными мерами, связанными с проведением специальной военной операции на Украине. Какие изменения произошли? Во-первых, сейчас приобретение поддельных денежных знаков, как правило, происходит через интернет-сайты, что значительно затрудняет процесс идентификации их производителей и сбытчиков. Во-вторых, развитие технологий способствовало появлению детекторов и счетчиков валют, позволяющих осуществлять проверку банкнот на подлинность.

Например, на официальном сайте ЦБ России представлен список валидаторов, прошедших испытание в Банке России и рекомендованных для применения кредитными организациями, одной из функций которых является проверка банкноты на подлинность[19]. Однако не каждый субъект, осуществляющий финансово-хозяйственную деятельность, имеет подобные технические средства, что приводит к распространению фальшивомонетничества. Это также является проблемой, решение которой заключается в оснащении всех субъектов финансово-хозяйственной деятельности подобными техническими аппаратами. Но для лиц, осуществляющих покупку / продажу в розницу, это будет сложно осуществимо ввиду затратности. Следующая проблема заключается в необходимости создания единой общероссийской информационной системы «Актуальные признаки подделок денежных знаков» с возможностью уточнения информации онлайн.

Заключение

Тенденция к увеличению числа безналичных расчетов и появление в России новой формы расчетов, безусловно, приведет к постепенному снижению количества наличных денег в обращении, но, на наш взгляд, не будет способствовать полной ликвидации наличных денег. Это объясняется рядом преимуществ наличных денег перед остальными формами расчетов: доступность, анонимность, скорость расчетов.

Новые технологии позволяют не только совершенствовать денежные знаки с целью воспрепятствования их подделке, но и создавать современное оборудование, а также программы, позволяющие выявлять поддельные банкноты и монеты на ранних этапах. Однако, принимая во внимание уже утвержденные и планируемые изменения ряда денежных знаков, видится необходимым создание единой общероссийской информационной системы «Актуальные признаки подделок денежных знаков», которая будет информировать граждан о том, на какие признаки подделки в первую очередь необходимо обращать внимание.

В отличие от приложения «Банкноты Банка России», основной целью программы будет не только информирование граждан о признаках подлинности банкнот, но и проверка банкнот на подлинность путем сканирования. Другим весьма важным отличием платформы будет являться возможность уточнить информацию онлайн в формате вопрос – ответ. На наш взгляд, это очень важная опция, поскольку она позволит в доступной голосовой форме уточнить все необходимые признаки подлинности и при необходимости определиться с дальнейшими действиями по передаче поддельной банкноты контролирующим органам. Другим важным нововведением будет учет признанных поддельными купюр и обязательное информированием контролирующих органов.

Информационная программа обеспечит контроль за количеством выявляемых поддельных денежных знаков, а также позволит систематизировать данные по поддельным денежным знакам. Предложенный механизм, безусловно, результативно скажется на процессе борьбы с фальшивомонетничеством, что положительно отразится на экономической безопасности России.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Литвинов Д. А. Фальшивомонетничество и денежное обращение переходной экономики России: характер, масштабы и генезис. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2007. № 1. С. 78–85. [Litvinov D. A. Counterfeiting and monetary circulation in Russian transitional economy: nature, scope and genesis. *The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2007, (1): 78–85. (In Russ.)] https://elibrary.ru/jxtijl

[19] Список валидаторов и других приемных устройств, прошедших испытание в Банке России и рекомендованных для применения кредитными организациями. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/Content/Document/Page/80043/ (дата обращения: 17.08.2023).

2. Литвинов Д. А. Экономическая преступность как реальная угроза национальной безопасности России. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2015. № 1. С. 164–171. [Litvinov D. A. Economic crime as the reall threat of national security of Russia. *The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, (1): 164–171. (In Russ.)] https://elibrary.ru/tnukvl
3. Вишневский А. А. О современном состоянии обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь. *Вестник Академии МВД Республики Беларусь*. 2017. № 1. С. 81–83. [Vishnevskii A. A. The present state of economic security of the Republic of Belarus. *Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*, 2017, (1): 81–83. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yvvxad
4. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. 763 с. [Volzhenkin B. V. *Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia*. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2007, 763. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qxlfep
5. Русанов Г. А. Преступления в сфере экономической деятельности. М.: Проспект, 2014. 264 с. [Rusanov G. A. *Crimes in the sphere of economic activity*. Moscow: Prospekt, 2014, 264. (In Russ.)]
6. Абрамова М. А., Александрова Л. С., Захарова О. В., Криворучко С. В., Пономаренко В. Е., Шакер И. Е. Состояние, тенденции и перспективы развития наличного денежного обращения в России. М.: Русайнс, 2016. 168 с. [Abramova M. A., Aleksandrova L. S., Zakharova O. V., Krivoruchko S. V., Ponomarenko V. E., Shaker I. E. *State, trends and prospects of cash circulation development in Russia*. Moscow: Rusains, 2016, 168. (In Russ.)]
7. Иванов А. В., Помогалова Е. В. Перспективы наличного денежного обращения в России. *Ученые записки*. 2019. № 2. С. 55–59. [Ivanov A. V., Pomogalova E.V. Prospects of cash transfer in Russia. *Uchenye zapiski*, 2019, (2): 55–59. (In Russ.)] https://elibrary.ru/hkvalh
8. Шанина А. Н., Мирошниченко В. В. Выпуск наличных денег в основе показателя финансового благополучия государства. *Вестник научных конференций*, 2015, № 4-2. С. 149–151. [Shanina A. N., Miroshnichenko V. V. Cash issuing as the basis of the state's financial well-being indicator. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 2015, (4-2): 149–151. (In Russ.)] https://elibrary.ru/vkegnz
9. Ионов В. М. О месте и роли наличных денег в мировой экономике (исчезнут ли наличные деньги?). *Деньги и кредит*. 2016. № 10. С. 43–50. [Ionov V. M. Place and role of cash in global economy (will cash disappear?). *Russian journal of money & finance*, 2016, (10): 43–50. (In Russ.)] https://elibrary.ru/wncwyb
10. Сторч Ю. Д., Комарова М. Е., Бердышев А. В. К вопросу о возможности полного отказа от наличных денег. *E-Scio*. 2018. № 12. С. 84–89. [Storch Iu. D., Komarova M. E., Berdyshev A. V. Possibility of the complete cash abandonment. *E-Scio*, 2018, (12): 84–89. (In Russ.)] https://elibrary.ru/pqcmsl
11. Сальников И. В., Лисова С. Ю. Нужны ли наличные деньги в современной системе денежного обращения. *Социум. Наука. Образование*: VI Региональная молодежная науч.-практ. конф. (Иваново, 6–8 апреля 2021 г.) Иваново: ИГЭУ, 2021. С. 24–25. [Salnikov I. V., Lisova S. Yu. Whether cash is needed in the modern currency system. *Society. Science. Education*: Proc. VI Regional Youth Sci.-Prac. Conf., Ivanovo, 6–8 Apr 2021. Ivanovo: ISPEU, 2021, 24–25. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zytqpw
12. Шелковников С. А. Современное состояние наличного денежного обращения в российской Федерации. *Денежная система России: история, современность и перспективы развития*: Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 31 октября 2019 г.) Новосибирск: САФБД, 2019. С. 41–50. [Shelkovnikov S. A. The current state of cash circulation in the Russian Federation. *The monetary system of Russia: history, modernity and development prospects*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Novosibirsk, 31 Oct 2019. Novosibirsk: SAFB, 2019, 41–50. (In Russ.)] https://elibrary.ru/jmevrz
13. Медведев Н. Н. Организация наличного денежного обращения России. Омск: ОмГУ, 2006. 99 с. [Medvedev N. N. *Organization of cash circulation in Russia*. Omsk: OmSU, 2006, 99. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qrtzdt
14. Бондарчук О. П., Дронченко Е. М. Защита банкнот и монет от фальсификации в Российской Федерации. *Инновационные технологии в науке и образовании*: VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 10 апреля 2018 г.) Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2018. С. 117–119. [Bondarchuk O. P., Dronchenko E. M. Protection of banknotes and coins against fraud in Russian Federation. *Innovative technologies in science and education*: VIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 10 Apr 2018. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G. Yu.), 2018, 117–119. (In Russ.)] https://elibrary.ru/wcbwgd
15. Звягин И. С. Расследование преступлений, связанных с подделкой денежных билетов Банка России: дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2019. 275 с. [Zviagin I. S. *Investigation of crimes related to the forgery of the Bank of Russia banknotes*: Cand. Legal Sci. Diss. Krasnodar, 2019, 275. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rklaqj

16. Петрянин А. В. Ответственность за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг: автореф. дис. … канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2003. 26 с. [Petryanin A. V. *Responsibility for the manufacture or sale of counterfeit money or securities*: Cand. Legal Sci. Diss. Abstr. Nizhniy Novgorod, 2003, 26. (In Russ.)] https://elibrary.ru/njpqwt
17. Сумникова О. Г. Методика расследования изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг: автореф. дис. … канд. юр. наук. М., 2013. 27 с. [Sumnikova O. G. *Methods of the manufacture, storage, transportation or sale of counterfeit money, securities investigation*: Cand. Legal Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2013, 27. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zpfqxp
18. Бондаренко Е. Р., Герасимова Н. А. Экономическая безопасность государства. Характеристика и особенности расследования подделки денежных знаков. *Экономическая безопасность социально-экономических систем: вызовы и возможности*: V Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 28 апреля 2023 г.) Белгород: Эпицентр, 2023. С. 11–14. [Bondarenko E. R., Gerasimova N. A. Forensic characteristics and features of the investigation of counterfeit banknotes. *Economic security of socio-economic systems: challenges and opportunities*: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf., Belgorod, 28 Apr 2023. Belgorod: Epitsentr, 2023, 11–14. (In Russ.)] https://elibrary.ru/naibxz
19. Халиуллина А. Н. К вопросу об особенностях производства обыска и осмотра в ходе расследования фальшивомонетничества с участием специалиста. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 5-3. С. 245–249. [Khaliullina A. N. To the question of the specifics of the search and inspection during the investigation of counterfeiting with the participation of a specialist. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, (5-3): 245–249. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-5-3-245-249
20. Калачева М. С., Хромов И. Л. Цифровой рубль – противодействие банка России фальшивомонетничеству. *Проблемы противодействия преступности в современных условиях*: Всерос. науч.-практ. конф. (Орел, 19 апреля 2022 г.) Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2022. С. 148–152. [Kalacheva M. S., Khromov I. L. Digital ruble – reaction of the Bank of Russia to counterfeiting. *Problems of combating crime in modern conditions*: All-Russ. Sci.-Prac. Conf., Orel, 19 Apr 2022. Orel: OrIUI MVD Rossii imeni V. V. Lukianova, 2022, 148–152. (In Russ.)] https://elibrary.ru/bdzqqj
21. Гарипов Р. И., Климов Д. О. Цифровой рубль как средство снижения доли наличных денежных средств в обращении Российской Федерации. *Управление в современных системах*. 2022. № 4. С. 34–42. [Garipov R. I., Klimov D. O. Digital ruble as a means of reducing the share of cash in circulation of the Russian Federation. *Management in modern systems*, 2022, (4): 34–42. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2311-1313-36-34-42
22. Морозова Ю. В., Травкина Е. В. Наличное денежное обращение в России: современные тенденции и проблемы. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2020. № 2. С. 88–92. [Morozova Yu. V., Travkina E. V. Circulation of cash in Russia: current trends and challenges. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2020, (2): 88–92. (In Russ.)] https://elibrary.ru/aqomsb
23. Гуторович В. Н. К вопросу об «абсолютной» ликвидности наличных денег. *Первый экономический журнал*. 2023. № 1. С. 41–49. [Gutorovich V. N. To the question of "absolute" liquidity cash. *The First Economic Journal*, 2023, (1): 41–49. (In Russ.)] https://doi.org/10.58551/20728115_2023_1_41
24. Мальсагов Б. С., Амерханова Ф. Ш., Алиева Ж. М. Трансформация денежного обращения в условиях санкций коллективного Запада. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022. Т. 12. № 11-1. С. 135–140. [Malsagov B. S., Amirkhanova F. Sh., Alieva Zh. M. Transformation of monetary circulation in the conditions of sanctions of the collective West. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 2022, 12(11-1): 135–140. (In Russ.)] https://doi.org/10.34670/AR.2022.67.84.016
25. Алиев Р. И., Гайрбекова М. И., Туркаева Л. В. Денежный оборот и денежное обращение. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2022. Т. 12. № 11-1. С. 111–117. [Aliev R. I., Gairbekova M. I., Turkaeva L. V. Money turnover and money circulation. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 2022, 12(11-1): 111–117. (In Russ.)] https://doi.org/10.34670/AR.2022.55.75.013
26. Митюшенков А. Н. Проблемы и перспективы наличного денежного обращения. *Вестник научных конференций*. 2015. № 1-5. С. 85–90. [Mitiushenkov A. N. Problems and prospects of cash circulation. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 2015, (1-5): 85–90. (In Russ.)] https://elibrary.ru/uwsnlf

2500-3372 (print) 2542-1190 (online)
2023 том 8 № 4

Указатель статей, изданных за 2023 г.
в журнале «Вестник КемГУ. Серия: политические, социологические и экономические науки»

	Стр.	№
РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА		
Абрамов В. И., ***Андреев В. Д.*** Концепция архитектуры комплексной цифровой экосистемы Кемеровской области с механизмом сбора данных	238	2
Арзуманян М. С. Влияние бюджетной обеспеченности муниципальных районов на устойчивость развития АПК Кемеровской области – Кузбасса	357	3
Афзали М., ***Вазиров З. К.*** Экономический вклад иностранных студентов в Российскую Федерацию	478	4
Белехова Г. В. Потребительские практики и настроения населения в условиях нестабильности 2020–2022 гг. (региональный аспект)	366	3
Галиева Г. Ф., ***Грибок Н. Н.***, ***Иода Ю. В.***, ***Пономарев С. В.*** Развитие регионов России в условиях неопределенности внешней среды	378	3
Голубченко С. И. Привлекательность Сахалинской области: место среди регионов России и структура	83	1
Дорофеева Т. П., ***Шубина Н. П.*** Оценка социально-экономического положения региона через призму содействия трудоустройства выпускников среднего профессионального образования	93	1
Латыпова В. Д. Технологическая многоукладность лесопромышленного комплекса России: прошлое и настоящее	488	4
Морозова Е. А., ***Голубицкая Л. В.***, ***Кочнева О. П.*** Кадровый потенциал региональной системы образования: понятие и подходы к оценке	103	1
Низамутдинов И. К. Промышленная политика и инновационный процесс в современной российской экономике	498	4
Рогова К. В., ***Сычева-Передеро О. В.*** Оценка внутрирегиональных сдвигов предпринимательской активности в условиях пандемических и геополитических изменений 2020–2022 гг. (на материалах Кемеровской области – Кузбасса)	507	4
Самофатова К. А. Оценка социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае	391	3
Хашир Б. О., ***Швецова И. Н.***, ***Усанов А. Ю.***, ***Пономарев С. В.*** Специфика цифровизации в России и регионах в условиях неопределенности	249	2
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА		
Бочанов М. А., ***Туркова Е. В.*** Нормативные и институциональные основы политики формирования духовно-нравственных ценностей молодежи современной России в контексте развития добровольчества	267	3
Васильев С. А. Идеологическая и структурная трансформация индусской националистической организации Раштрия сваямсевак сангх в конце XX – начале XXI в.	401	4
Веденеев И. Н. Курдская проблема в современной политике Ирака, Сирии и Турции: опыт комплексного анализа	411	4
Галиев Г. Т., ***Гимаев И. З.*** Социально-политический аудит конструирования идеологической работы в Российской Федерации	1	1

	Стр.	№
Галкин К. А. Культура здоровья: концептуализация понятия и перспективы осмысления в медицинской социологии и антропологии	277	3
Гонсалес Седилло Х. И. Роль сетей крайне правых в культурной войне и международных отношениях в Европе	284	3
Горбунова Е. А. Понятие *интеграция мигрантов* в российских концепциях миграционной политики: к вопросу о концептуальных основах	292	3
Матвеева Е. В., ***Алагоз А. В.***, ***Сат А. В.*** Проблема типологизации региональной политической культуры национальных субъектов Российской Федерации	9	1
Мельников Е. Г., ***Милецкий В. П.***, ***Савин С. Д.*** Социально-структурные аспекты глобализации: методологические основы исследования	301	3
Николаева К. С. Институт жилищных прав детей-сирот: проблемы юридических гарантий	121	2
Подольский В. А. Формирование и функционирование социального государства в Испании	425	4
Смирнова О. А., ***Шпиговская М. В.*** Эволюция военной политики Франции	434	4
Солодова Г. С. Структура высших органов власти в первый период российской государственности	131	2
Тамби С. А. Внешнеполитический имидж Эстонии как страны-члена Европейского союза в контексте укрепления евроскептицизма	443	4
Чирун С. Н., ***Гладких С. С.*** Политический анализ проблемы соотношения феноменов рыночной и институциональной коррупции в современном обществе	139	2
Шадрин В. Г., ***Котова О. Н.***, ***Завьялова Е. А.*** Совершенствование имиджа органов местного самоуправления на основе анализа используемых инструментов маркетинговых коммуникаций в среде Интернет на примере муниципального образования г. Кемерово	19	1
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ		
Байнова М. С. Социологические аспекты государственного регулирования цен и поддержки конкуренции в кризисный период	31	1
Головко О. В., ***Харлампенков Е. И.*** Социологические аспекты направлений внедрения искусственного интеллекта в здравоохранении Кузбасса	40	1
ФИНАНСЫ		
Соловова А. А., ***Гавриленко И. В.*** Развитие рынка банкострахования Российской Федерации в современных условиях	112	1
Труфанова А. А., ***Калачева И. В.***, ***Тихонова А. В.*** Основные тенденции развития рынка портфельных инвестиций частных инвесторов в Российской Федерации	259	2
Яргутова В. Ю. Подделка денежных знаков Банка России как угроза экономической безопасности России	522	4
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА		
Абалакин А. А., ***Яковлев А. В.***, ***Акименко В. А.***, ***Денисова Е. В.*** Развитие цифрового сегмента российского предпринимательства в условиях пандемии	148	2
Алехина О. Ф., ***Плясова С. В.***, ***Языкова С. В.***, ***Федотова Е. В.*** Сравнительный анализ преодоления кризисов 2008 и 2020 гг. развитыми и развивающимися странами	312	3

2500-3372 (print) 2542-1190 (online)
2023 том 8 № 4

	Стр.	№
Бейлина А. Ф.*, *Зинченко Н. В.*, *Нигматуллина Г. Р.*, *Ахтемьянова С. В. Исследование современных экономических кризисов и их влияния на деятельность организаций	160	2
Гершанок А. А.*, *Ломоносова Я. Г. Метаморфоза парадигмы государственного управления и новые требования к квалификационным характеристикам госслужащих	323	3
Глушакова О. В.*, *Черникова О. П. ESG-повестка: новые реалии для российских предприятий черной металлургии в условиях мирового геополитического кризиса	50	1
Жернов Е. Е. Цель и средство управления знаниями: перевод неформализованных знаний в знания формализованные	63	1
Кириченко А. Т.*, *Яковенко Т. В. Методический подход к оценке лидерских качеств управленцев на промышленных предприятиях	453	4
Конищев Е. С. Особенности системы территориального управления Российской Федерации: национальные проекты и локальные инструменты	74	1
Коробейникова О. М.*, *Панова Н. С.*, *Шемет Е. С. Современные тренды российского финтеха	170	2
Леухова М. Г.*, *Корчагина И. В. Специфика предпринимательской деятельности в подсанкционной ресурсной экономике (кейс Исламской Республики Иран)	178	2
Морозова Е. А.*, *Ларин С. С. Социальное предпринимательство как научная категория	462	4
Полякова Э. И. Новый подход к координации системы управления трудовым потенциалом предприятия	334	3
Попсуйко А. Н.*, *Артамонова Г. В. Особенности измерения производительности труда в медицинских организациях (на примере Кемеровской области – Кузбасса)	469	4
Родин Е. В. Специфика конкуренции и прогноз развития проектной деятельности в строительной отрасли	189	2
Соколовская М. В.*, *Замиралова Е. В. Функциональный подход к сохранению целостности системы менеджмента качества организаций в процессе их объединения и интеграции в комплекс	197	2
Соколовская М. В.*, *Логинова И. О.*, *Буянкина Р. Г. Внутренний аудит университетов на основе аджайл-метода с использованием дистанционных технологий в современных условиях	208	2
Черепанов А. В.*, *Рехтина Г. А. Генезис маркетинга в контексте усиления его роли в управлении сотрудниками организаций	217	2
Черней Д. О. Пенсионное страхование как институт социальной защиты населения: состояние, проблемы и перспективы	347	3
Юров А. А. Определение уровня развития управленческих компетенций мастеров и старших мастеров методом 360 градусов	230	2

Index of articles published in 2023 in the journal
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

	Pages	Issue
ECONOMICS AND MANAGEMENT: THEORY AND PRACTICE		
Abalakin A. A., ***Yakovlev A. V.***, ***Akimenko V. A.***, ***Denisova E. V.*** Digital Entrepreneurship in Russia: Development during the Pandemic	148	2
Alekhina O. F., ***Plyasova S. V.***, ***Yazykova S. V.***, ***Fedotova E. V.*** Overcoming Crises of 2008 and 2020 by Developed and Developing Countries: Comparative Analysis	312	3
Beilina A. F., ***Zinchenko N. V.***, ***Nigmatullina G. R.***, ***Akhtemianova S. V.*** Contemporary economic crises and their impact on the activities of organizations	160	2
Cherepanov A. V., ***Rekhtina G. A.*** The Genesis of Marketing in the Context of Strengthening its Role in Managing Employees	217	2
Cherney D. O. Pension Insurance as a Social Security Institution: State, Problems and Prospects	347	3
Gershanok A. A., ***Lomonosova I. G.*** Metamorphosis of the Public Administration Paradigm and the New Qualification Profile of Civil Servants	323	3
Glushakova O. V., ***Chernikova O. P.*** ESG Agenda: New Reality for Russian Ferrous Metallurgy Enterprises in Time of the Geopolitical Crisis	50	1
Kirichenko A. T., ***Yakovenko T. V.*** Assessing the Leadership Qualities of Industrial Enterprises' Managers: Methodological Approach	453	4
Konishchev E. S. Features of Territorial Administration System in Russian Federation: National Projects and Municipal Instruments	74	1
Korobeynikova O. M., ***Panova N. S.***, ***Shemet E. S.*** Modern Trends in Russian Fintech	170	2
Leukhova M. G., ***Korchagina I. V.*** Specifics of Entrepreneurial Activities in the Sub-Sanctioned Resource Economy of the Islamic Republic of Iran	178	2
Morozova E. A., ***Larin S. S.*** Social Entrepreneurship as a Scientific Category	462	4
Polyakova E. I. New Approach to the Coordination of Enterprise's Labor Potential Management System	334	3
Popsuyko A. N., ***Artamonova G. V.*** Features of Labour Productivity Measurement in Medical Organizations of the Kemerovo Region – Kuzbass	469	4
Rodin E. V. Project Activities in the Construction Industry: the Specifics of Competition and the Development Forecast	189	2
Sokolovskaya M. V., ***Loginova I. O.***, ***Buyankina R. G.*** Internal Audit of Universities in Modern Conditions Based on the Agile Method Using Remote Technologies	208	2
Sokolovskaya M. V., ***Zamiralova E. V.*** Preserving the Integrity of Organizations' Quality Management System during Unification and Integration: Functional Approach	197	2
Yurov A. A. 360-Degree Appraisal: Determining the Managerial Competencies Development Level of Masters and Senior Masters	230	2
Zhernov E. E. Ends and Means of Knowledge Management: Tacit Knowledge to Explicit Knowledge Conversion	63	1

2500-3372 (print) 2542-1190 (online)
2023 том 8 № 4

	Pages	Issue
FINANCE		
Solovova A. A., ***Gavrilenko I. V.*** Russian Bancassurance Market Development in Modern Conditions	112	1
Trufanova A. A., ***Kalacheva I. V.***, ***Tikhonova A. V.*** Development Trends of Private Investors' Portfolio Investment Market in the Russian Federation	259	2
Yargutova V. Yu. The Bank of Russia's Banknotes Counterfeit as a Threat to Russian Economic Security	522	4
REGIONAL ECONOMY		
Abramov V. I., ***Andreev V. D.*** Concept of the Integrated Digital Ecosystem Architecture of the Kemerovo Region Featuring Mechanism of Data Collection	238	2
Afzali M., ***Vazirov Z. K.*** Economic Contribution of International Students (Case of the Russian Federation)	478	4
Arzumanyan M. S. Impact of Municipal Districts' Budgetary Provision on the Sustainability of the Agro-Industrial Complex Development in Kemerovo region – Kuzbass	357	3
Belekhova G. V. Consumer Practice and Population Sentiment in Conditions of 2020–2022 Instability (regional aspect)	366	3
Dorofeeva T. P., ***Shubina N. P.*** Socio-Economic Status of the Region through the Lens of Secondary Vocational Education Graduates' Employment Promotion	93	1
Galieva G. F., ***Gribok N. N.***, ***Ioda Yu. V.***, ***Ponomarev S. V.*** Development of the Russian Regions under Environmental Uncertainty	378	3
Golubchenko S. I. Attractiveness of the Sakhalin Region: Structure and Placeamong the Russian Regions	83	1
Khashir B. O., ***Shvetsova I. N.***, ***Usanov A. Yu.***, ***Ponomarev S. V.*** Specifics of Digitalization in Russia and its Regions under Uncertainty	249	2
Latypova V. D. Technological Multistructurality of Timber Industry Complex in Russia: Past and Present	488	4
Morozova E. A., ***Golubitskaia L. V.***, ***Kochneva O. P.*** Staff Potential of the Regional Education System: The Concept and Evaluation Methods	103	1
Nizamutdinov I. K. Industrial Policy and Innovation Process in the Modern Russian Economy	498	4
Rogova K. V., ***Sycheva-Peredero O. V.*** Intraregional shifts in Entrepreneurial Activity of Kemerovo Region – Kuzbass during Pandemic and Geopolitical Changes of 2020–2022	507	4
Samofatova K. A. System of Long-Term Care for the Disabled and Elderly Citizens in the Stavropol Krai: Assessment of the Social Performance	391	3
SOCIETY: CULTURAL AND POLITICAL DEVELOPMENT		
Bochanov M. A., ***Turkova E. V.*** Legal and Institutional Framework of Youth Spiritual and Moral Upbringing in the Context of Voluntary Work Development in Modern Russia	267	3
Chirun S. N., ***Gladkikh S. S.*** Correlation Between the Phenomena of Market and Institutional Corruption in Modern Society: Political Analysis	139	2
Galiev G. T., ***Gimaev I. Z.*** Socio-Political Audit of Ideological Work in the Russian Federation	1	1

	Pages	Issue
Galkin K. A. Health Culture: Conceptualization and Perspectives of Understanding in Medical Sociology and Anthropology	277	3
Gonzalez Cedillo J. I. The Role of Far-Right Networks in Cultural War and International Relations in Europe	284	3
Gorbunova E. A. Migrant Integration in Russian Migration Policy: Conceptual Framework	292	3
Matveeva E. V., ***Alagoz A. V.***, ***Sat A. V.*** Regional Political Culture of Russian Federation National Subjects: The Classification Problem	9	1
Melnikov E. G., ***Miletskiy V. P.***, ***Savin S. D.*** Socio-Structural Aspects of Globalization: Methodological Research Foundations	301	3
Nikolaeva K. S. Housing Rights of Orphans: Problems of Legal Guarantees	121	2
Podolskiy V. A. Development and Performance of Welfare State in Spain	425	4
Shadrin V. G., ***Kotova O. N.***, ***Zavyalova E. A.*** Improving the Local Self-Government's Image Based on the Analysis of Internet Marketing Communication Tools on the Example of the Kemerovo Municipality	19	1
Smirnova O. A., ***Shpigovskaya M. V.*** Evolution of French Military Policy	443	4
Solodova G. S. Structure of the Supreme Authorities in the First Period of Russian Statehood	131	2
Tambi S. A. Foreign Policy Image of Estonia as a European Union Member State in the Context of Euroscepticism Strengthening	452	4
Vasilev S. A. Ideological and Structural Transformation of the Hindu Nationalist Organization Rashtriya Swayamsevak Sangh at the end of the XX and the beginning of XXI centuries	401	4
Vedeneev I. N. The Kurdish Problem in the Modern Politics of Iraq, Syria and Turkey: a Comprehensive Analysis	411	4
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT		
Baynova M. S. State Price Regulation and Competition Support in the Crisis Period: Sociological Aspects	31	1
Golovko O. V., ***Kharlampenkov E. I.*** Areas for Artificial Intelligence Implementation in Kuzbass Healthcare: Sociological Aspects	40	1

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Над выпуском работали:
Литературный редактор, литературный редактор (английский язык), корректор –
Максимлюк Ирина Алексеевна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:
Literary editor, Literary editor (Eng.), Proof-readers –
Irina A. Maksimlyuk.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Контакты для сотрудничества:
Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия), morea@inbox.ru
Максимлюк Ирина Алексеевна, ответственный секретарь, КемГУ (Кемерово, Россия),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), morea@inbox.ru
Irina A. Maksimlyuk, Executive Secretary, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Подписано к печати 04.12.2023.
Дата выхода в свет 13.12.2023.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 16,27. Уч.-изд. л. – 14.
Тираж 500 экз. Заказ ____
Цена свободная.
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.